РЕРИХЪ

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

КНИГА ПЕРВАЯ

ИЗД-ВО И. Д. СЫТИНА
МОСКВА 1914

Н. К. РЕРИХЪ

КНИГА ПЕРВАЯ

ИЗД-ВО И. Д. СЫТИНА
МОСКВА 1914

Пр.

338

Тип. Спб. Т-ва Печ. и Изд. дѣла „Трудъ", Кавалергардская 40.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Теперь много говорятъ о старинѣ: въ ней ищутъ новыхъ путей для искусства. Сбываются предсказанія тѣхъ немногихъ, влюбленныхъ въ нашу древнюю красоту, которые одиноко вѣрили, что стариной мы помолодѣемъ.

Изъ этихъ провидцевъ можетъ быть значительнѣйшимъ надо признать художника Н. К. Рериха.

Одинъ изъ наиболѣе крупныхъ современныхъ русскихъ художниковъ, Рерихъ много сдѣлалъ и для проведенія своихъ взглядовъ на искусство въ литературѣ. Съ 1890-го года—съ юношескихъ лѣтъ—онъ писалъ о русской старинѣ и создалъ рядъ очерковъ, статей и сказокъ полныхъ личныхъ настроеній.

Своевременно свести воедино плоды этой 24-лѣтней работы, разсѣянной по разнымъ журналамъ и газетамъ. Н. К. Рерихъ печатался въ „Старыхъ Годахъ“; „Вѣстникѣ Европы“; „Золотомъ Рунѣ“; „Искусствѣ“; „Вѣсахъ“; „Въ Мірѣ Искусства“; „Нада“ (Сараево); „Moderny revue“ (Прага); „Art

decoratif"; а также въ газетахъ „Русь"; „Слово"; „Новое Время"; „Русское Слово" и др.

Въ слѣдующія книги кромѣ статей „Праздникъ иконы" и „Школы искусства" войдутъ записные листки, сказки, воспоминанія и характеристики дѣятелей искусства.

Женѣ моей.

О СТАРИНѢ МОЛЕНІЯ.

НА КУРГАНѢ

Въ Водской Пятинѣ (Спб. губ.).

I.

Кто хоть немного соприкасался съ археологіею и хоть одинъ разъ побывалъ на раскопкѣ, тому вѣдомо, насколько увлекательно это дѣло. Обычное по сему предмету острословіе: „археологія—мертвечина! Пыльная наука—археологія! Гробокопатели! Вампиры! Прозаики! Муміи!“—особенною остротою, боюсь, не отличается.

— Помилуйте, слышу, это до Россіи, пожалуй, не относится; у насъ-то какая же археологія, развѣ кромѣ степей? Хорошо и прилично говорить объ археологіи въ Греціи, въ Италіи, наконецъ, на нашемъ Югѣ и Востокѣ, а здѣшніе меланхлены и гипербореи врядъ ли оставили послѣ себя что-либо занимательное!

— Да вѣдь всякая мѣстность мало-мальски пригодная для жилья, имѣетъ свою археологію, будетъ ли это Кіевская, Новгородская или Петербургская губернія...

— Что такое? Скажете, что и Петербургская губернія тоже даетъ пищу для археолога? Подите вы! Я понимаю говорить о раскопкахъ въ Помпеѣ, Азіи, въ степяхъ, на худой конецъ въ Новгородѣ—всетаки варяги тамъ, что ли, но раскопка Петербургскихъ кургановъ, да это даже не принято какъ-то! Точно на свалкѣ сардинныя коробки вырываете! Неужели и здѣсь что-нибудь можетъ находиться? Пожалуй, однѣ шведскія пуговицы, потерянныя въ Петровское время!

Дѣйствительно, зачастую древности С.-Петербургской губ. или древней Водской Пятины Новгорода пользуются въ обиходѣ репутаціей довольно сомнительной; всякій археологическій памятникъ этой мѣстности, о которомъ уже трудно сказать, что это случайная груда камней или естественное возвышеніе, относится ко времени шведскихъ войнъ. Древніе кресты Новгородскаго типа, обильно встрѣчаемые на поляхъ—шведскіе. Курганы—шведскія могилы; городища — „шведскіе шанцы". Словомъ все, что несомнѣнно принадлежитъ древности—все шведское, хотя на самомъ дѣлѣ вовсе не такъ.

Шведскій, петровскаго времени, элементъ играетъ самую послѣднюю роль среди древностей Водской Пятины (Спб. губ. тожъ). Никто шведскими древностями этого періода не занимается и никакого интереса онѣ представить не могутъ. И безъ нихъ матеріала болѣе чѣмъ достаточно, матеріала важнаго и поучительнаго. Главный контингентъ мѣстныхъ древностей составляютъ памятники отъ X до XV вв. Подробности древне-русскаго обряда погребенія и анализъ, найденныхъ въ курганахъ предметовъ позволяютъ безъ большого колебанія отнести эти древности къ новгородскимъ пограничнымъ славянамъ. Съ сѣвера давила на нихъ Чудь и Ижора, финскія племена, сидѣвшія на Невѣ и по Прила-

дожью; на западѣ они граничили съ Финскою Емью (эстами), на сѣверо-западѣ съ небольшимъ, родственнымъ эстамъ и тавастамъ, племенемъ Водью, давшимъ названіе всей Шятинѣ. Въ настоящее время Водь или Воддьялайзетъ занимаетъ небольшое число селеній въ районѣ Петергофскаго уѣзда.

Древности эстовъ разработаны довольно хорошо, какъ и вообще всѣ остзейскія. Памятники Ижоры извѣстны въ весьма скудномъ количествѣ; а водскія древности пока еще не установлены. Нѣкоторые изслѣдователи приписываютъ всѣ мѣстныя древности вожанамъ, но въ сущности типъ водскихъ погребеній еще не извѣстенъ и можетъ быть выясненъ только новыми изысканіями. Водь племя невеликое, никогда въ исторіи не выступавшее въ сильной роли. (Въ 1149 году отрядъ Еми въ 1,000 человѣкъ нападаетъ на Водскую землю и Водь можетъ съ нимъ справиться только при помощи новгородцевъ).

Славянское сосѣдство, кстати замѣтить, всегда оказывало на финновъ сильное вліяніе и при томъ вліяніе доброе, изъ лѣтописи Генриха Латыша знаемъ, что когда священникъ Альбрандтъ былъ посланъ съ дружиною и рыцарями въ Ливонію съ предложеніемъ народу принять святое крещеніе, то народъ ливонскій бросилъ жребій и спрашивалъ у своихъ боговъ, которая вѣра лучшая—псковская или латинская. Народъ, очевидно, предпочелъ псковскую, т.-е. православную, и только изъ страха принималъ крещеніе отъ западнаго духовенства.

Для полныхъ заключеній о С.-Петербургской губерніи нужны еще новыя археологическія изысканія, преимущественно въ предѣлахъ Петергофскаго уѣзда; хотя цифра изслѣдо-

ванныхъ древнихъ погребеній Спб. губ. достигла солидныхъ размѣровъ и превышаетъ 6,000, но этимъ все же нельзя ограничиться [1]).

Среди мѣстныхъ изслѣдователей первое мѣсто заслуженно принадлежитъ, нынѣ покойному, прозектору Военно-Медицинской Академіи Л. К. Ивановскому, производившему раскопки отъ 1872 до 1892 г., остановленныя его смертью.

Изъ другихъ раскопокъ въ Спб. губ. надо отмѣтить раскопку Волховскихъ сопокъ, произведенную Н. Е. Бранденбургомъ. Волховскія сопки—это древнѣйшіе курганы края; время ихъ, судя по найденнымъ въ нихъ предметамъ, относится къ IX и VIII вв. Самыя большія сопки имѣютъ въ вышину 4—5 саженъ. Затѣмъ въ Лужскомъ и Гдовскомъ уѣздахъ производились раскопки г. Шмидтомъ, Мальмгреномъ, слушателями археологическаго института и нѣкоторыми другими.

Находками отдѣльныхъ вещей Спб. губ. пока не богата А. А. Спицынъ указываетъ нѣкоторыя наиболѣе важныя: въ 1875 г. были найдены при д. Княжнино, Ново-Ладожскаго уѣзда, вмѣстѣ съ сассанидскими, умейядскими и табаристанскими монетами VI—IX вв., 3 серебряные монетные слитка. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія былъ найденъ громаднѣйшій кладъ арабскихъ монетъ на берегу Ладожскаго озера. Куфическія монеты VII—X вв. были находимы въ Галерной

---

[1]) А. А. Спицынъ, „Курганы Спб. губ. въ раскопкахъ Л. К. Ивановскаго". Спб., 1896 г. и мои рефераты въ Императорскомъ Русск. археологич. общ. „Раскопки послѣднихъ лѣтъ въ курганахъ Водской Пятины" (1896), „Раскопки 1897 г. въ курганахъ Спб. губ.": „Новыя данныя о курганахъ Спб. губ." (1898), „Къ вопросу о типахъ погребенія въ Спб. губ." (1898).

гавани, въ Старой и Новой Ладогѣ, около Ропши, и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ. Въ Старо-Ладожской крѣпости была найдена золотая куфическая монета 738 г.

Находки каменнаго вѣка въ Спб. губ. тоже не многочислены и пріурочиваются къ побережью Ладожскаго озера [1]) и долинѣ р. Луги.

Мѣстонахожденіе кургановъ, изслѣдованіе которыхъ такимъ образомъ представляетъ главную работу, находится, конечно, въ связи съ мѣстомъ древнихъ поселеній, въ свою очередь обусловленнымъ характеромъ мѣстности, изрѣзанной непригодными для жилья моховыми болотами (прежде озерами). Главныя поселенія, оставившія намъ обильнѣйшія курганныя поля довольно разнообразнаго содержанія, были расположены на ровномъ суходолѣ между Царскимъ Селомъ и Ямбургомъ; это плоскогорье проникаетъ въ долину р. Луги, соприкасается съ песчанными лѣсистыми верховьями р. Оредежи (Сиверская) и не доходитъ верстъ на 10—20 до побережья Финскаго залива. Это въ сѣверной части губерніи. Въ южной, болѣе возвышенной, занятой не только новгородцами и псковичами, не мало удобныхъ для поселенія мѣстъ въ системѣ озеръ Вердуга, Сяберское, Черемецкое, Чернозерское и др. [2]).

Состояніе и внѣшній видъ мѣстныхъ кургановъ не одинаковы. То огромными полями, поросшими мелкой ольхой и

---

[1]) Иностранцевъ. «Доисторическій человѣкъ каменнаго вѣка побережья Ладожскаго озера». Спб. 1882.

[2]) А. А. Спицынъ. «Обозрѣніе нѣкоторыхъ губерній и областей Россіи въ археологическомъ отношеніи» („Записки Имп. Русск. археол. общ.»).

[3]) Особенно страдаютъ полевыя группы при пахотѣ.

орѣшникомъ, многими сотнями сплошь унизываютъ они десятки десятинъ, то небольшими группами (5—20), или одиноко маячатъ они посреди пашни; иной разъ представляютъ они свѣжіе, крѣпкіе, словно вчера сложенные конусы до 2 саж. съ высокой вершиной и правильной, рѣзко обозначенной каменной обкладкой основанія, въ другихъ же случаяхъ вершина оказывается глубоко осѣвшею—сама насыпь осунулась, пригорюнилась или же представляется только небольшимъ неправильнымъ расплывшимся возвышеніемъ, такъ что работники отказываются разрывать его, увѣряя, что это кротъ нарылъ. Проѣзжая по деревнямъ, нерѣдко приходится ѣхать по какимъ-то еле примѣтнымъ буграмъ и только заѣзженное каменное кольцо основанія напоминаетъ объ исчезнувшемъ курганѣ. Многія насыпи поросли лѣсомъ, деревья насквозь пронизали ихъ своими корнями; невольно вспоминаются курганныя сосны при деревнѣ Черная (Царскосельскаго уѣзда): коренастыя, любовно обняли онѣ насыпи своими мощными корнями. Сосны эти хранятся преданіемъ, что на смѣльчака, отважившаго рубить одну изъ нихъ, напала «трясучка».

Почти возлѣ каждой деревни можно отыскать большую или меньшую курганную группу, но, несмотря на ихъ обиліе, разспросить о нихъ у мѣстныхъ крестьянъ подчасъ не легко—надо узнать излюбленныя ими выраженія; если вы вмѣсто «старой кучи» спросите о курганѣ или бугрѣ, то васъ ни за что не поймутъ. Однажды, вмѣсто городка, я спросилъ городище—и отъ присутствія его немедленно отказались. Среди мѣстныхъ названій кургановъ особенно употребительны: сопка, каломище (финское calm—погребальный холмъ), старая куча, шведская могилка, бугоръ,

гора, колонистское кладбище (если погребенія безъ насыпи). Эсты укажутъ вамъ курганы, если спросите vana aut, старую могилу.

II.

Въ маѣ, какъ засѣются яровыми, можно приниматься за работу. Подается соотвѣтствующее прошеніе въ Императорскую археологическую коммисію; въ отвѣтъ на него полученъ открытый листъ. Сбрасывается тѣсный городской костюмъ; извлекаются высокіе сапоги, непромокаемые плащи; стирается пыль и ржавчина со стального совка съ острымъ концомъ—непремѣннаго спутника археолога.

Прежде самой раскопки надо съѣздить на развѣдки, удостовѣриться въ дѣйствительномъ присутствіи памятника. Не полагаясь на свѣдѣнія разныхъ статистикъ, перекочевываете вы отъ деревни до деревни на „обывательскихъ“ коняхъ съ лыкомъ подвязанными хомутами и шлеями. Всматриваетесь буквально во всякій камешекъ; изслѣдуете подозрительные бугорочки, забираетесь въ убогіе архивы сельскихъ церквей; подчасъ, ко всеобщему удовольствію, дѣлаетесь жертвой какой-нибудь невинной мистификаціи. Мѣстами васъ встрѣчаютъ подозрительно:

— Никакихъ, ваше высокоблагородіе, изстари древнихъ вещей въ нашей окрестности не предвидится. Все бы оно оказывало.

— Сами посудите, баринъ, откуда мужику древнія

вещи взять? Ни о какихъ древнихъ вещахъ здѣся и не слыхано.

Если же вы пришлись по нраву, оказались „бариномъ добрымъ“, „душой—человѣкомъ“, то вамъ нечего будетъ принуждать къ откровенности собесѣдниковъ. Вечеромъ, сидя на заваленкѣ, наслушаетесь вы любопытнѣйшихъ соображеній, наблюденій естественно-научныхъ, повѣрій, наивныхъ предположеній. Сперва изъ осторожности прибавятъ: „такъ зря болтаютъ“, или „бабы брешутъ“, а потомъ, видя ваше серьезное отношеніе, потечетъ свободный разсказъ о старинѣ, о кладахъ, о лихихъ людяхъ-разбойникахъ.

Но не дай Богъ попасть въ руки книжнаго волостного писаря или словоохотливаго попа; тутъ каждое дѣльное свѣдѣніе придется покупать цѣною выслушиванія безконечныхъ замысловатыхъ повѣствованій:

— По одну сторону рѣчки-то полегло славянство,—гвардія, народъ рослый, а по другую-то — мордва и черемисы. Черепа недавно еще находили. А вотъ въ Лоховѣ не такъ давно были ступени плитныя древнѣйшаго храма языческаго, а по близости нашли срубъ, изъ него разные предметы добывали. Въ настоящее время ступени выломаны на плиту, а срубъ, заваленъ камнями—извѣстно: дуракъ народъ!

— Степи! Степи!—восклицаетъ другой,—знаете ли вы, господа археологи, откуда степи взялись? Неужто такъ и сотворилъ Господь Богъ плѣшину на лонѣ земномъ? Извольте видѣть этотъ полъ? Вотъ окурокъ, вотъ крошки, вотъ лепешка изъ-подъ каблука и вездѣ пыль. Беру я теперь эту метлу и провожу по полу — ни окурковъ, ни грязи не бывало. Провожу еще разъ—крошки исчезли. Махнемъ въ третій—и пыли не видно, развѣ гдѣ по щелкамъ забралась—

по овражкамъ кустики. Идутъ это по землѣ гуннскіе народы; идутъ еще... готты, вандальцы! Нивѣсть кто идетъ: и печенѣги, и половцы, и татары; чище всякой метлы или щетки отполируютъ, выскребутъ на удивленье,—пылинки въ щелкѣ не оставятъ, кустика не увидишь! И кого только не носила мать сыра-земля. Многое, какъ говорится, не снилось мудрецамъ! Столько сокрыто въ нѣдрахъ земныхъ; вотъ хоть бы сопки, что подлѣ Заполья, на самихъ огородахъ, скажу, довольно достопримѣчательныя, вещицы находили тамъ очень фили... фили... какъ это говорится то?

— Филиграновыя или филистерскія?

— Вотъ, вотъ именно!

— Да, занятное дѣло—старинное время,— повѣствуетъ третій,—все то разгадать, все то произойти! Какъ вы полагаете, что такое райское блаженство будетъ? Это, какъ вамъ сказать, вѣчное безпрепятственное познаніе, недоступное для насъ въ настоящей суетной жизни. Одни то будутъ познавать—наслаждаться, блаженствовать, а другіе то зубы на полку, что на землѣ узнали того и хватитъ. Коли ваше желаніе будетъ, интересное мѣстечко могу я вамъ указать. Изволите ли вы знать городокъ подлѣ Селищенской деревни—ну, просто скажу, бугоръ, такой не малый. А рядомъ съ нимъ и сопочка кругленькая, на восточную сторону. Жиль въ этомъ городкѣ задолго когда-то князь не князь, а князекъ. Была дочка у него красавица. Красавица такая—теперь такихъ и не найдешь! Извѣстное дѣло, нонче какой народъ пошелъ—мозглякъ! Прежде не то было—богатыри, что твой Илья Муромецъ. Только, не знаю съ чего, возьми заболѣй красавица эта, да и отдай Богу душу въ этомъ самомъ городкѣ. Ее похоронили знатно. Вѣдь и тогда не-

бось франтихи были, что и теперь. А князекъ-то не пожелалъ больше въ этихъ мѣстахъ жить. Сопочка то подлѣ самаго бугра, еще ручей Черченомъ называется...

Повыудивъ, что можно дѣльнаго изо всѣхъ подобныхъ разсказовъ, вы приступаете къ самой работѣ.

III.

Грудой почернѣвшаго лѣса и побурѣлой соломы раскинулась невеликая деревенька. Часа четыре утра. Пѣтухи перекликаются. Пастухъ затрубилъ—выгоняютъ скотину. Въ сѣняхъ, слышно, вздуваютъ самоваръ; кто-то пробѣжалъ босыми ногами. Староста—у него вы остановились—будитъ васъ. Стекла запотѣли—свѣжо на дворѣ. Зубы самовольно выстукиваютъ что то воинственное. Вы вздрагиваете—умываясь холодной водой. Народъ уже собрался. Ломы, кирки, лопаты, топоры—необходимые раскопочные снаряды—всѣ въ исправности. Потянулась шумная гурьба къ курганамъ, что раскинулись невдали отъ жилья. Небо безъ облачка. Изъза лѣса сверкаетъ солнышко. Пріятно бодритъ студеный утренникъ.

Весело!

Изъ деревни много люду идетъ за нами сами по себѣ—посмотрѣть. Авангардъ мальчишекъ на рысяхъ далеко впереди. Не знаю, какое другое дѣло возбуждаетъ такое же неподдѣльное любопытство, какъ раскопки и разсказы о древностяхъ. Ни горячая страда, ни жара, ни гроза—ничто не осилитъ его.

Пока идетъ незанимательная работа вскрытія верхней части насыпи, говоръ гудитъ не переставая.

— Слышь ты, тутъ шведское кладбище!

— Ну, да, извѣстно не русское; русскіе такъ не хоронятъ.

— Дядя, Ѳедоръ,—толкаетъ бойкая, задорная дѣвка-копальщица,—здѣсь колонисты?

— Вотъ я-те выкопаю колониста, въ акуратѣ будешь!

— Что-й-то тутъ испытаніе никакъ?—шамкаетъ древній дѣдъ, пробираясь въ толпѣ.

— Слышь, дѣдушко! Котелъ нашли съ золотомъ. Каждому мужику по 100 рублевъ выдавать будутъ, а дѣду не дадутъ.

— Это дѣдкѣ могилу копаютъ,—толкаетъ дѣда баловница-дѣвка,—и ложись, дѣдка, тутъ тебѣ и попоемъ!

— Эхъ, эхъ и насъ то, поди, раскопаютъ. Косточкамъ то успокоиться не дадутъ!

— Такъ не найдете,—совѣтуетъ пожилая баба,—въ Семкинѣ солдатскій докторъ бугры перекапывалъ, такъ у него живое серебро было. Наставитъ онъ его на могилу, оно побѣжитъ, побѣжитъ, да и станетъ, и гдѣ станетъ, тамъ и копай. И всегда находили.

— Да что находили то, дура баба, развѣ дѣльное. Одну только серебряну цѣпочку нашли!

Въ сторонѣ слышится тихій разговоръ.

— Въ Красной одного сидячаго нашли; рядомъ ложка чугунная положена и ножикъ. Въ головахъ то горшокъ.

— Только поужинать собрался, а тутъ его и накрыли!

— Въ Хлѣбниковой дачѣ мостъ оказался черезъ Ржавую мшагу, на сажень его туда засосало. Слышно, тамъ война шла. Вотъ потопнуть то можно...

— А вотъ мы заправду чуть не потопли. Приходитъ ко мнѣ это разъ Васька Семеновъ; слышь ты, говоритъ, нашелъ я сопку у Вязовки, невдали отъ Княжой Нивы. Кругленькая, хорошая сопка и огонекъ по ней порхаетъ. Кладъ—безпремѣнно. Собьемъ-ка артель, да роскопаемъ. Вдвоемъ то неспособно: и сопка то больша, въ сажень казенную будетъ, да, пожалуй, и страхи пойдутъ. Ладно! Сбили мы артель, пошли. Сопка правильная и отъ рѣчки недалеко. И насыпана она не спроста: кругомъ выложена камнемъ, сверху песокъ, да земля; потомъ прутнякъ—уже перегной. За нимъ хвощь, да гнила. Дерево сгорѣвшее и негорѣлое. Видимъ—уже грунтъ показался. Васька щупомъ хватилъ внизъ—слышитъ грохъ—дерево, значитъ. Хватилъ правѣе—звякнуло что-то, значитъ близко. Свечерѣло уже. Только смотрю я, сочится съ боковъ вода и снизу точно проступаетъ. Васька и Ѳедоръ нагнулись, руками щупаютъ,—нащупали дерево, тянутъ на верхъ—не идетъ, будто держитъ его. Еще потянули, глядятъ—старая, престарая доска—сопрѣвши вся. И хлынула изъ-подъ той самой доски вода. Ключъ открылся; пошла садить; ужъ не то что кладъ—сами то рады изъ ямы выбраться. Ударишь щупомъ—звякаетъ что-то, котелъ что ли!

— Такъ и не допустила вода?

— Еще бы тебѣ допустить. Оно, вѣдь, тоже заклятье какое положено! Вотъ въ Березовскомъ прудѣ золотая карета [1]), да 5 стволовъ золота опущено, старики въ ясные дни еще

---

[1]) Преданіе о золотой каретѣ обще всей мѣстности. Очевидно, какъ преданія о вольницѣ повліяли на Поволжьи въ смыслѣ зарытыхъ подокъ съ золотомъ, такъ присутствіе высокихъ особъ дало поводъ къ розыскамъ золотой кареты.

видали чуть-чуть! А поди-ка вытащи. Всѣмъ знатко, а не взять, потому заклятье, зарокъ.

— А вотъ Петра изъ Красной, тотъ такъ взялъ кладъ.

— Поди ты взялъ, брешетъ твой Петра; можетъ онъ и нашелъ чугунникъ старый, что пастухи бросили, да только...

— Да что только-то, вѣдь не самъ онъ, а дѣльные люди сказываютъ, что и впрямь взялъ.

— Пуще разбогатѣлъ Петра, какъ и не у насъ грѣшное тѣло изъ локтей смотритъ. Богатѣй!

— Въ прокъ ему не пошло, значитъ—зароку не зналъ.

— Господинъ, евося будто косточка подъ лопатой оказываетъ,—докладываетъ одинъ изъ копальщиковъ.

Спускаюсь въ яму. Пахнуло свѣже-рытой землей; посвѣжѣло послѣ припека,—солнце уже высоко. Дѣйствительно, изъ-подъ лопаты торчитъ желтобурая берцовая кость; торчитъ среди такого же точно песка, какъ и вся масса насыпи, словно бы она всегда была только костью безъ верхнихъ покрововъ.

Кость вполнѣ опредѣлила положеніе костяка. Работа пошла осторожнѣй. Обнаружились руки, сложенныя у лоннаго соединенія. Предплечье окислилось, позеленѣло—признакъ близости бронзы, которая и оказывается въ согнувшейся тонкой, витой браслеткѣ.

— Бруслетка! Смотри-ка, эка штучка-то акуратная! Тоже издѣлье!—проносится среди любопытныхъ и, давя другъ друга, вся ватага устремляется къ кургану, жмется къ вершинѣ.

Въ ямѣ потемнѣло. Зола, на которой лежатъ кости, кажетъ синѣе: строже глядитъ черепъ земляными очами. Нижняя, удивительно развитая челюсть далеко отвалилась,

съ осѣвшей землею, въ сторону. По бокамъ черепа показались височныя кольца добрыхъ вершка два по діаметру.

Летятъ комки земли. Мужскія костяки чередуются съ женскими. Долихокефальные черепа смѣняются брахикефальными. Вмѣсто копій, топоровъ, мечей, ножей, умбоновъ, щитовъ, являются гривны, серьги, браслеты, кольца, бляшки, многоцвѣтныя бусы, остатки косъ. Полное трупосожженіе уступаетъ мѣсто погребенію въ сидячемъ положеніи. Высокіе курганы замѣняются жальничными клѣтками (погребеніе въ могилѣ безъ насыпи). Разнообразіе нескончаемое!

Щемяще пріятное чувство первому вынуть изъ земли какую-либо древность, непосредственно сообщиться съ эпохой давно прошедшей. Колеблется сѣдой вѣковой туманъ; съ каждымъ взмахомъ лопаты, съ каждымъ ударомъ лома раскрывается передъ вами заманчивое тридесятое царство; шире и богаче развертываются чудесныя картины.

IV.

Словно бы синѣй становится небо. Ярче легли солнечныя пятна. Громче заливается вверху жаворонокъ. Привольное поле; зубчатой стѣной заслонилъ горизонтъ великанъ лѣсъ: всталъ онъ непроглядными крѣпями, со звѣрьемъ—съ медвѣдями, рысями, сохатыми. Стонутъ по утрамъ широкія заводья и мочежины отъ птичьяго крика. Распластались по поднебесью беркуты. Гомонятъ журавлиныя станицы, плывутъ треугольники дикихъ гусей. Полноводныя рѣки несутъ долбленые челны. На крутыхъ берегахъ защищенные

валомъ и тыномъ, съ насаженными по кольямъ черепами, раскинулись городки. Дымятся рѣдкія деревушки. На суходолѣ маячатъ курганы; нѣкоторыя насыпи поросли уже зеленью, а есть и свѣжія, ровныя, со стараньемъ обдѣланныя. Къ нимъ потянулась по полю вереница людей.

У мужчинъ звѣровые шапка, рубахи, толстыя шерстяные кафтаны, по борту унизанные хитрымъ узоромъ кольчужнымъ, быть можетъ ватмаломъ [1]). На ногахъ лапти, а не то шкура, въ родѣ поршней. Пояса мѣдные, наборные; на поясѣ все хозяйство—гребешокъ, оселокъ, огниво и ножикъ. Ножъ не простой — завозной работы; ручка мѣдная, литая; кожаныя ножны тоже обдѣланы мѣдью съ рытымъ узоромъ. А другой, ничего что мирное время, и мечъ нацѣпилъ, вымѣнянный отъ полунощныхъ гостей [2]). На вороту рубахи мѣдная пряжка. Пола кафтана тоже на пряжкѣ держится, на лѣвомъ плечѣ; кто же побогаче, такъ и пуговицы пряжкой прихватитъ.

На предплечьи изрѣдка блеститъ витой мѣдный браслетъ. На пальцахъ перстни разные, есть очень страннаго вида, съ огромнымъ щиткомъ, во весь суставъ пальца. Заросли загорѣлыя лица жесткими волосами, такими волосами, что 7—8 вѣковъ пролежать имъ въ землѣ нипочемъ. А зубы-то, зубы—крѣпкіе, ровные.

На носилкахъ посаженъ покойникъ, въ лучшемъ нарядѣ; тѣло подперто тесинами. Въ тактъ мѣрному шагу степенно киваетъ его суровая голова и вздрагиваютъ сложенныя руки. Вслѣдъ за тѣломъ несутъ и везутъ плахи для костра, для

---

[1]) Ткань, которой торговали исландцы XII-го вѣка.

[2]) Скандинавскаго типа.

тризны козленка и прочую всякую живность. Женщины жалостно воютъ. Почтить умершаго—разодѣлись онѣ; много чего на себя понавѣшали. На головахъ кокошникомъ, вѣнчики серебряные съ бляшками. Не то мѣховыя, кожаныя кики, каптури, съ нашитыми по бокамъ огромными височными кольцами; это не серьги,—такимъ обручемъ и уши прорвешь, Гривны на шеѣ; иная щеголиха не то что одну, либо двѣ-три гривны заразъ одѣнетъ: и витыя, и пластинныя: мѣдныя и серебряныя. На ожерельяхъ бусъ, хоть и немного числомъ, но сортовъ ихъ не мало: мѣдныя глазчатыя, сердоликовыя, стеклянныя бусы разныхъ цвѣтовъ: синяя, зеленая, лиловая и желтая; янтарныя, хрустальныя, мѣдныя пронизки всякихъ сортовъ и манеровъ—и не перечесть всѣ веденецкія издѣлья. Еще есть красивыя подвѣски для ожерелій—лунницы рогатыя и завозные крестики изъ Царьграда и отъ заката.

На груди и въ поясу много всякихъ привѣсокъ и бляшекъ: вмѣсто бляшекъ видны и монеты: восточныя или временъ Канута Великаго, епископа Бруно. Подвѣски-собачки, знакомыя чуди, ливамъ и курамъ; кошки—страшныя съ разинутой пастью, излюбленныя уточки, вѣдомыя многимъ русскимъ славянамъ. У дѣвокъ ниже пояса на ремешкахъ спускаются эти замысловатые знаки, звенятъ и гремятъ на ходу, привѣшанными колокольчиками и бубенчиками; священный значекъ хранитъ дѣвку.

На рукахъ по одному, по два разныхъ браслета, и узкіе. и витые, и широкіе съ затѣйливымъ узоромъ. Подолы рубахъ, а можетъ быть и воротъ обшиты позументикомъ или украшены вышивкой. У нѣкоторыхъ женщинъ накинутъ кафтанчикъ, на манеръ шушуна, но покороче.

Опустили носилки. Выбрано ровное мѣстечко, убито, углажено, выложено сухими плахами. Посединѣ его посаженъ покойникъ; голова безсильно ушла въ плечи, руки сложены на ноги. Съ боку копье и горшокъ съ кашей. Смолистыя плахи все выше и выше обхватываютъ мертвеца, ихъ заправляютъ прутнякомъ и берестой—костеръ выходитъ на славу. Есть гдѣ разгуляться огню! Зазмѣился онъ мелкими струйками, повѣяло дымомъ. Будто блеснуло изъ полузакрытыхъ вѣкъ. въ послѣдній разъ освѣтилось строгое, потемнѣвшее лицо... Вдругъ щелкнуло. Охнулъ костеръ, столбомъ взлетѣли искры, потянулись клубы бураго дыма.

Загудѣла протяжная, тоскливая погребальная пѣсня. Отпрянулъ въ сторону воронъ, зачуявшій смрадъ горѣлаго мяса. Важно и чинно усѣлись кругомъ именитые родичи, понуривъ на посохи сѣдыя головы. За ними столпились другіе, пока весь костеръ не обратится въ кучу углей и золы съ черными пятнами жира въ серединѣ. Тогда заработаютъ заступы, понесутъ землю и пригорошнями, и подолами. Втроемъ, вчетверомъ покатятъ къ кострищу не малые валуны гранитные; ихъ много по окрестной равнинѣ, сѣрые, бурые, красноватые, всякихъ размѣровъ—дары Силурійскаго моря. Обровняли края кострища. чтобы представляло оно довольно правильный кругъ. Въ былыхъ ногахъ и головахъ ушедшаго къ предкамъ, ставшаго чуромъ блаженнымъ, кладутся особо большіе дикіе камни и приходятся они всегда на восходъ и закатъ, ибо лицо умершаго всегда обращалось въ священную сторону, откуда весело кажется міру вѣчный могучій ярило—красное солнышко, отъ него идутъ блага тепла, а съ нимъ плородія.

Быстро растетъ возвышеніе; насыпь сыплютъ не изъ

разной, какой попало, земли, съ кореньями, съ сорными травами, а изъ чистаго песка или плотнаго суглинка. Если же захотятъ на вѣчныя вѣка сохранить память о родичѣ— не полѣнятся весь погребальный холмъ сложить изъ дерновой земли. Наносятъ воды изъ сосѣдней рѣки, смочатъ его, такъ уплотнятъ, словно бы чуютъ, что когда-то чужіе ломы и кирки будутъ добираться до родного праха. Ну дерновая насыпь можетъ постоять за себя; вмѣсто широкой рѣки съ ярами и обрывами, чуть примѣтная сухая ложбинка; свалился старикъ-боръ, а насыпь все побѣдно держитъ высокую вершину, будто чуръ ходитъ за ней, бережетъ ее [4]).

Сложили насыпь, аршина въ два вышиной. Довольно. Пепломъ еще засыпали, принесли его съ собой изъ дому; отъ родного очага не отлучился бы чуръ-домовой. Сверху еще землей забросали, выравняли правильный конусъ, поправили валуны въ основаніи, чтобы одинаково торчали. Заботливо обошли кругомъ, разокъ посмотрѣли. Готово!

Въ почернѣвшее вечернее небо, въ косматыя облака опять понеслись струи бураго дыма; заблестѣли яркія точки костровъ. Идетъ тризна. Заколотъ козленокъ, надъ огнемъ мѣдные котлы повѣшены. Поминаютъ родича и досидятъ, пожалуй, пока и мѣсяцъ изъ за лѣса глянетъ и свѣтомъ своимъ заспоритъ съ кровавымъ пламенемъ. Страшнѣй и мохнатѣй кажутся волосатыя лица, жиромъ блестящія бороды, губы и мускулистыя руки. Звенятъ о кости ножи,

---

[4]) Насыпи, сложенные изъ дерновой земли, отличаются удивительною прочностью. Каждый комъ земли приходится брать энергичнымъ ударомъ лома. Дерновая земля чаще встрѣчается въ волховскихъ курганахъ. Суглинокъ тоже довольно стойко держится.

брякаютъ черепки горшковъ.—опять, теперь въ ночной тишинѣ, вдаль потекла поминальная пѣсня.

Блеститъ заходящій мѣсяцъ на рукояти меча, сверкаетъ на бусахъ и гривнахъ; мутными пятнами рисуются бѣлыя рубахи уходящихъ домой поминальщиковъ. Не умретъ добрая слава покойнаго! Гдѣ же ей помереть? Великъ его родъ; вѣчно будетъ отъ времени до времени правиться тризна; не забудутъ досыпать осѣвшую насыпь! Рѣютъ, неслышно спускаются на остатки ѣды, на козлиныя кости вѣщіе вороны, и они справятъ тризну.

Л

Изъ-подъ облака все видитъ воронъ; смотритъ поверхъ высокаго тына городка, что торчитъ на сосѣднемъ бугрѣ. Свѣтлой лентой извивается быстрая рѣчка, одинъ берегъ ровный, покрытый сочной травою и чащею, другой берегъ высокій, къ рѣкѣ спуски крутые, обвалы,—песчаные и глинистые оползни! Въ рѣчку впадаетъ студеный ручей, тоже немаленькій. Слилися они, съ двухъ сторонъ, охватили вплотную продолговатый холмъ, вышина его по откосу сажени 4—5. Въ рѣдкомъ мѣстѣ природа создаетъ такую искусную защиту! На этомъ холмѣ и поставили городъ. Отсчитали отъ мыса шаговъ сотни двѣ, перерыли холмъ канавой. рвомъ—землю сложили валомъ; на валу тынъ поставили изъ славныхъ рудовыхъ бревенъ; концы обтесали, натыкали на нихъ черепа звѣриные, а то и людскіе на устрашенье врагу! По угламъ срубы поставили, покрыли ихъ соломой

и рѣчнымъ тростникомъ. Состроили вышку—смотрѣть и наблюдать за вражьими силами или чтобы поднять на ней высокій шестъ, съ привязаннымъ пукомъ зажженной соломы, окрестность повѣстить объ опасности. Городъ—мѣсто военное, въ мирное время тутъ не живутъ. Видѣлъ воронъ и другое! Видѣлъ, какъ пылалъ тынъ города, шла сѣча! Грызлись и рѣзались на смерть! Напрасно варомъ кипящимъ обливали напавшую рать; городъ палъ! Помнилъ это воронъ—пировалъ онъ тутъ сыто.

Пировалъ онъ также остатками богатой яствы, что бывала на лѣсныхъ холмахъ, далеко отъ жилья, куда собирались люди молиться, приносить жертвы богамъ. Уже и кресты были на шеяхъ. а все посѣщались давнія излюбленныя мѣста [1]).

И клады знакомы воронамъ! Не найдешь ихъ, коли тебѣ не вѣдомы древнія книги и записи, что о нихъ говорятъ. Писали тѣ книги старые люди. Клады лежатъ по укромнымъ мѣстамъ. Знаютъ наказы о кладахъ не только вороны, но и многіе старые люди, а кладовъ все не найдутъ. Вѣрно. положенъ на нихъ кровавый зарокъ [2]).

---

[1]) Схема описанія городка взята съ натуры. Въ Царскосельскомъ уѣздѣ существуетъ именно такой городокъ. На валу раскопкою обнаружены остатки сожженнаго оборонительнаго сооруженія, тына. На самой площади городка, теперь густо поросшей лѣсомъ, оказалось только нѣсколько грубосложенныхъ очаговъ. Слѣдовъ жилищъ вовсе не найдено. По всей окрестности извѣстны многіе лѣсные холмы, обыкновенно обильно покрытые камнемъ; на глубинѣ $^1/_4$ арш.—$^1/_2$ арш. находится обильный уголь и зола. Предметовъ на подобныхъ холмахъ не найдено. Про нихъ въ народѣ ходитъ смутное преданіе, что «тутъ что-то было». «собирались молиться».

[2]) Такія записи кладовъ дѣйствительно ходятъ въ народѣ. Мнѣ

Видѣли вороны и дубы старинные, развѣсистые; собираются подъ ними окрестные люди вершить мірскія дѣла; собираются и въ праздники: сидятъ старики на могучихъ корняхъ. Молодежь ведетъ хороводы, въ лѣсъ, за ближнее озеро несется:

«Ой дидъ, ладо...»

Подъ Ивана Купалу ярко горитъ здѣсь купальскій огонь, прыгаютъ черезъ него парами; освящаетъ огонь эти пары на вѣчный союзъ. Исконный обычай [3]).

Еще извѣстны преданія о правалившихся церквахъ, о землянкахъ разбойниковъ; въ погостѣ Грызовѣ, Царскосельскаго уѣзда, разсказываютъ, что основаніе существующей церкви положено Петромъ Великимъ, послѣ какой-то стычки, собственноручно поставившимъ на этомъ мѣстѣ деревянный крестъ. Какъ видно, и прозаическая С.-Петербургская губ. тоже занимается своей стариной, не говоря уже о прекрасныхъ памятникахъ Екатерининскаго и Александровскаго времени.

одинъ мужичекъ предлагалъ купить такую книжку, купленную имъ отъ стараго нищаго. Рукопись была писана на русскомъ, польскомъ и эстонскомъ языкахъ. Внѣшнія даты, повидимому, списаны съ натуры.

[3]) Въ Царскосельскомъ уѣздѣ указываютъ мѣста, гдѣ по преданію нѣкогда стоялъ огромный дубъ, подъ который собирались изъ мѣстныхъ поселеній. Мѣсто красивое, высокое; невдалекѣ озеро, судя по берегамъ, бывшее прежде значительно больше. Раскопкою обнаружены сгнившіе остатки толстыхъ дубовыхъ корней, на нѣкоторомъ отъ нихъ разстояніи найдены груды золы, толщиною до $^1/_2$ арш.— мѣста старинныхъ костровъ. Въ золѣ оказались черепки горшковъ, если не соотвѣтствующихъ таковымъ отъ XII вѣка, то все же далеко не современнаго строя. По словамъ вѣрныхъ людей, бывшій старикъ, умершій лѣтъ 20 назадъ, помнилъ остатки этого дуба, къ нему собирались по праздникамъ хороводы водить. Если это такъ, то какъ долго прожилъ древнѣйшій славянскій обычай!

VI.

Возвращаясь къ курганамъ, нельзя не замѣтить, что въ нихъ особенно ярко отличаются два періода. Первый—XI—XII вв.; второй—XIII и XIV. Первый періодъ характеризуется полнымъ трупосожженіемъ или погребеніемъ несожженнаго костяка, въ сидячемъ положеніи, при чемъ подробности погребенія мы уже видѣли.

Въ верхней части насыпи встрѣчаются послѣдовательные слои золы, иногда перемѣшанной съ костями жертвенныхъ животныхъ; неизвѣстно, слѣды-ли это погребальнаго обычая, требовавшаго переслойки золою насыпи во время самаго ея устройства, или же это остатки тризны. Если только это слѣды тризнъ, то первоначальная величина насыпи со временемъ сильно выростала, благодаря насыпанію свѣжей земли надъ золою. Насыпи съ полнымъ трупосожиганіемъ доходятъ до насъ въ видѣ полушаровидныхъ, очень расплывшихся возвышеній, со втянувшимися внутрь валунами основанія. Погребеніе въ сидячемъ положеніи даетъ довольно хорошо сохранившійся курганъ, но съ осѣвшей вершиной, опустившейся при осѣданіи костей.

Второй періодъ (XIII и XIV в.в.) характеризуется перемѣщеніемъ трупа въ сидячемъ или лежачемъ положеніи въ неглубокой грунтовой могилѣ. Чтобы сохранить для погребаемаго требуемое обычаемъ положеніе, рыли небольшую овальной формы яму такого размѣра, чтобы трупъ могъ помѣститься въ ней сидя, или складывали соотвѣтственную

кучу камней, для этой же цѣли служили иногда и деревянные плахи. Трупъ забрасывался вынутой изъ ямы землей и пескомъ, послѣ чего образовавшееся небольшое возвышеніе посыпалось остатками поминокъ и углей, затѣмъ воздвигалась насыпь съ каменнымъ кольцомъ въ основаніи, причемъ на в. и з. (въ головахъ и ногахъ) помѣщались валуны, особо большой величины. Къ этому же періоду должны относиться погребенія выше материка и погребенія въ лежачемъ положеніи на поверхности земли, причемъ зольный слой основанія перерождается въ двѣ зольныя кучки по бокамъ головы. Наверху кургановъ, описанныхъ типовъ второго періода, нерѣдко были поставлены каменныя четырехконечные кресты, такъ называемой новгородской формы.

Въ группахъ кургановъ XIII и XIV в.в. встрѣчаются погребенія въ грунтовыхъ могилкахъ, безъ верхнихъ насыпей; въ ямахъ, окаймленныхъ по краю линіею валуновъ. Несомнѣнно, что подобныя каменныя могилы (или какъ ихъ называетъ народъ мо̂гилы), есть перерожденные курганы.

Сдѣланныя описанія представляютъ собою только грубую схему, на дѣлѣ же встрѣчается разнообразіе удивительное. Живо представляешь себѣ заботливыя попеченія родичей объ умершихъ. Одни стараются отмѣтить прахъ его особо великими валунами; другіе выкладываютъ всю поверхность насыпи мелкимъ булыжникомъ, третьи, устраивая курганъ, сажаютъ покойнаго на чурбанъ и подпираютъ его досками. Яркую картину рисуетъ указанное Ивановскимъ погребеніе, гдѣ рядомъ съ мужскимъ костякомъ, оказался женскій, на черепѣ котораго была огромная рана, нанесенная топоромъ, или встрѣченный мною случай, въ которомъ мужской черепъ, покрытый старыми боевыми рубцами,

былъ просѣченъ, а по правую руку помѣщался женскій костякъ.

Сколько таинственнаго! Сколько чудеснаго! И въ самой смерти безконечная жизнь!

Предметы, найденные въ курганахъ, мало отличаются отъ сосѣднихъ земель, прибалтійскихъ мѣстностей въ особенности, техникою, формою, или разнообразіемъ типовъ; однако, мы видимъ живой обмѣнъ и можемъ установить существованіе промысловъ.

Кромѣ вышеотмѣченныхъ предметовъ, надо упомянуть еще нѣсколько подчеркивающихъ характеръ древняго обихода XI, XII в.в. Пуговки очень рѣдки и всѣ имѣютъ обыкновенный типъ, грушевидный съ ушкомъ. Пряслицы изъ краснаго шифера; по формѣ и матеріалу онѣ совершенно тождественны съ таковыми издѣліями кургановъ Днѣпровскаго бассейна. Вѣски, начиная съ X вѣка, попадаются на широкомъ пространствѣ.

Въ смыслѣ окрестныхъ аналогій, такой же обрядъ погребенія, какъ и въ Петербургской губерніи, встрѣченъ въ Псковской, Витебской, Смоленской, Новгородской и нѣкоторыхъ другихъ губерніяхъ. Изъ древностей, извѣстныхъ въ Сѣверной и Средней Россіи, предметы, найденные въ курганахъ Водской Пятины, имѣютъ близкое отношеніе къ находкамъ, обнаруженнымъ въ курганахъ Новгородской, Тверской, Костромской, Ярославской и Московской губерніи. Нельзя изумляться обильному присутствію древностей эстовъ, ливовъ, куровъ, чуди приладожской и финляндской, а также элементамъ восточному и скандинавскому.

Въ Новгородской области, съ Поморья, вдоль береговъ Балтійскихъ губерній, по Волхову и Ильменю, шелъ великій

водный путь торговый, путь дружинъ изъ «Варягъ» въ «Греки». Вспоминая постоянную восточную, цареградскую струю и притокъ съ сѣвера культуры скандинавской, становится яснымъ разнообразіе культурныхъ вліяній въ области новгородскихъ славянъ, пожалуй, не уступающихъ въ этомъ отношеніи югу, такъ что однообразнаго состава и единоплеменнаго происхожденія нельзя и искать среди предметовъ изъ курганныхъ насыпей С.-Петербургской губерніи, изслѣдованіе которыхъ еще никакъ нельзя считать законченнымъ; теперь остается детальная работа, выработка мелочей, усиливающихъ общую картину.

VII.

Отъ кургана до кургана, отъ группы до группы перебираетесь вы. Та же благодушная толпа, тѣ же прибаутки и шуточки. Солнопекъ смѣняется прохладнымъ дождикомъ, Чаще шумитъ вѣтеръ, дорога начинаетъ бухнуть и киснуть; листья желтѣютъ, облака висятъ надъ горизонтомъ сизыми грудами—осень чувствуется. Лучшая пора для раскопки май, іюнь до Иванова дня, до покоса, и затѣмъ августъ, послѣ посѣва, и часть сентября.

Похудѣли тюбики красокъ, распухли альбомы и связки этюдовъ, наполнился дневникъ всякими замѣтками, описаніями раскопокъ, преданіями, повѣріями; можетъ быть, и пѣсня старинная въ дневникѣ записана, если только ей посчастливилось не изломаться на отвратительный солдатскій и фабричный ладъ. Тамъ же помянуто добрымъ словомъ

фарисейство какого-нибудь представителя мѣстной администраціи въ смыслѣ охраненія памятниковъ старины; отмѣчено и разрушеніе интересныхъ могильниковъ при прокладкѣ дороги. Много всякаго матеріала, выростаютъ картины складываются образы. Пора къ дому!

Послѣ чистаго воздуха, окунулись вы въ пыльное купэ вагона; ѣдкій дымъ рвется въ окошко; фонари и пепельницы выстукиваютъ какіе-то прескверные мотивы. Не веселятъ ни господинъ въ лощеномъ цилиндрѣ, съ удивительно приподнятымъ усомъ, ни анемичная барышня въ огромной шляпѣ, украшенной яркимъ вѣникомъ.

Тоскливое чувство пробирается въ сердце.

Если существуетъ рядъ предметовъ, позволяющихъ намъ хоть на минуту вынырнуть изъ омута обихода, заглянуть подальше палатъ и повыше гигантскихъ фабричныхъ трубъ, то археологія не можетъ не имѣть мѣста въ подобномъ. ряду.

1898.

ИКОННЫЙ ТЕРЕМЪ.

I.

На Москвѣ въ государевомъ Иконномъ теремѣ творится прехитрое и прекрасное дѣло. Творится въ теремѣ живописное дѣло не зря, какъ-нибудь, а по уставу, по крѣпкому указу, вѣдомому самому великому государю царю и государю патріарху. Работаются въ теремѣ планы городовъ, листы печатные, исполняются нужды денежнаго двора, расписываются болванцы, трубы, печи, составляютъ разсчеты, но главная работа — честное иконописное дѣло; ведется оно по разному старинному чину. Всякіе иконные обычаи повелись издавна, со временъ царя Ивана Васильевича, со Стоглаваго собора и много древнѣе еще отъ уставовъ аѳонскихъ.

По заведенному порядку создается икона. Первую и главную основу ея положитъ знаменщикъ и назнаменитъ на липовой или на дубовой доскѣ рисунокъ. По нему лицев-

щикъ напишетъ ликъ, а долицевщикъ—доличное все остальное: ризы и прочія одѣянія. Завершитъ работу мастеръ травнаго дѣла и припишетъ онъ вокругъ святыхъ угодниковъ небо, горы, пещеры, деревья; въ проскребку наведетъ онъ золотыя звѣзды на небо или лучи. Златописцы добрымъ сусальнымъ золотомъ обведутъ вѣнчики и поле иконы. Меньшіе мастера: левкащики и терщики готовятъ левкасъ, иначе говоря, гипсъ на клею для покрытія иконной холстины, мочатъ клей, трутъ краски и опятъ же дѣлаютъ все это со многими тайнами, а тайные тѣ наказы старыхъ людей свято хранятся въ родѣ и только сыну разскажетъ старикъ, какъ по своему сдѣлать левкасъ или творить золото, не то дастъ и грамоту о томъ дѣлѣ, но грамота писана какой-нибудь мудреной тарабарщиной. Подначальные люди готовятъ доски иконныя, выклеиваютъ ихъ, выглаживаютъ хвощемъ; не мало всякаго дѣла въ Иконномъ теремѣ и меньшему мастеру терщику, не мало и дьяку и окольничему, правящему теремное приказное дѣло.

Шибко идетъ работа въ теремѣ. А идетъ шибко работа за то, что великій царь всея Руси Алексѣй Михайловичъ подарилъ иконниковъ окружною грамотою, самъ бывалъ въ теремѣ и часто жалуетъ тщаливыхъ мастеровъ своею царскою брагою да романеею, платьемъ знатнымъ и всякою прочею милостію. Но не только за царскую ласку идетъ живописное дѣло съ прилежнымъ стараніемъ, а и потому, что дѣло это свято, угодно оно Богу, пріяло честь отъ самаго Христа Господа „аще изволихъ лицо свое на убрусѣ Авгарю царю безъ писанія начертати“, почтеся оно и отъ святыхъ апостоловъ и работаютъ живописное дѣло люди всегда по любви, не по наказу и принужденію.

Утромъ, на восходѣ краснаго солнышка, отъ Китай города изъ Иконной улицы, гдѣ живетъ много иконниковъ, гурьбами, дружно идутъ на работу мастера, крестятся на маковки храмовъ кремлевскихъ и берутся за дѣло. Надѣваютъ замазанные въ краскахъ да въ клею передники, лобъ обвяжутъ ременнымъ, либо пеньковымъ вѣнчикомъ, чтобы не лѣзли въ глаза масляныя пряди волосъ и творятъ на ногтяхъ или на доскѣ краски. Кто работаетъ молча, насупясь, кто уныло тянетъ стихиры, подходящія подъ смыслъ изображенія, иной же за работой гуторитъ, перекидывается ласковымъ, либо спорнымъ словомъ съ товарищемъ, но письмо отъ такихъ разговоровъ порухи не терпитъ, ибо знаетъ свое дѣло рука; если же приходится сдѣлать тонкую черту или ографить рисунокъ прилежно, то не только споръ замолкаетъ, а и голова помогаетъ локтю и плечу вести линію, самъ языкъ старательствуетъ по губамъ въ томъ же направленіи.

Не божественные только разговоры, а мірскія рѣчи ведутъ иконники и шутки шутятъ, но шутки хорошія, безъ сквернаго слова, безъ хулы на имя Господне и честное художество.

Собрались въ теремъ разные мастера и жалованные и кормовые и городовые всѣхъ трехъ статей; на статьи дѣлятся по своему художеству, — иконники первой статьи получатъ по гривнѣ, мастера второй статьи по 2 алтына по 5 денегъ, а третье-степенные иконописцы по 2 алтына по 2 деньги. Кромѣ денегъ иконникамъ идетъ и вино дворянское, и брага, и медъ цѣженый, а съ кормоваго да съ хлѣбнаго двора яства и пироги.

Нѣкоторые именитые изографы: Симонъ Ушаковъ, Богданъ

Салтановъ и другіе прошли не въ теремъ, а въ приказную избу оружейной палаты—тамъ они будутъ свидѣтельствовать писаніе новоприбывшаго изъ Вологды молодого иконника и скажутъ про него изографы: навыченъ ли онъ писать иконное воображеніе добрымъ, самымъ лучшимъ письмомъ, а коли не навыченъ, то дьякъ объявитъ неудалому мастеру, что по указу великаго государя онъ съ Москвы отпущенъ и впредь его къ иконнымъ дѣламъ высылать не велѣно, а жить ему на Вологдѣ попрежнему.

II.

Промежъ работы ведутся разговоры про новую окружную грамоту. Сгорбленный, лысый старикъ изографъ съ картофельнымъ носомъ, важно поднявъ палецъ, самодовольно оглядываетъ мастеровъ и твердитъ мѣсто грамоты,—видно крѣпко оно ему полюбилось:

— „...Тако въ нашей царской православной державѣ иконъ святыхъ писателіе тщаливіи и честніи, яко истинніе церковницы церковнаго благолѣпія художницы да почтутся, всѣмъ прочіимъ предсѣданіе художникамъ да воспріимутъ и кисть различноцвѣтно употреблена тростію или перомъ писателемъ да предравенствуютъ". Не всякаго человѣка почтитъ великій государь таково ласковымъ словомъ!

— Да такъ и во вся времена было. Еще Стоглавъ велитъ почитать живописателей „паче простыхъ человѣкъ".

— А что такое паче? коли передъ простымъ человѣкомъ шапку ломаешь, то передъ иконникомъ надо двѣ сломать?

— И кто есть простой человѣкъ? Я скажу, что самъ бояринъ при живописателѣ человѣкъ простой, ибо ему Богъ не открылъ хитрости живописной.

— Коли не твоего разума дѣло—не суесловь: всякому вѣдомо, что есть почитаніе иконописцевъ, честныхъ мастеровъ. Почитаются они и отцами духовными и воеводами и боярами и всѣми людьми,—вступился старикъ,—и похваляется тѣмъ, что самъ антіохійскій патріархъ Макарій челомъ билъ государю на присылкѣ иконъ, вотъ-де каково русское иконописаніе, а того не вспомнилъ старый, что патріарху иначе и негдѣ было бы удобнѣе докучиться объ иконахъ. Впрочемъ, это рукодѣлію московскихъ изографовъ—не въ укоръ сказано.

Говорятъ и дивуются мастера, какъ выходецъ шаховой земли изографъ Богданъ Салтановъ поверстанъ по московскому дворянскому списку; такому дѣлу, чтобы иконникъ верстался въ дворяне—еще не бывало примѣра. О Салтановѣ голоса раздѣлились: одни подумали, что пожалованъ онъ за доброе художество, другіе подумали, что за принятіе православной вѣры. Отъ шаховаго выходца Салтанова заговорили и о прочихъ всякихъ иноземцахъ; вспомнили, какъ непочтительно отнеслись нѣкоторые изъ иноземцевъ къ благословенію патріарха и какъ за то патріархъ разгнѣвался и приказалъ имъ по одежѣ быть отличными отъ русскихъ людей. Одни не прочь и за иноземцевъ, а другіе на нихъ,—зачѣмъ-де часто великій государь жалуетъ заморскихъ мастеровъ лучше, чѣмъ своихъ, а по художеству и свои часомъ, не хуже взбодрятъ.

— Вонъ-поди, Лопуцкаго мастера хвалили, нахвалили, а онъ того доучилъ, что сами ученики его челобитье подали,

какъ мастеръ ихъ живописному мастерству не училъ. И была то не выдумка, а правда, послѣ чего поотнимали у него учениковъ и отдали Данилѣ Вухтерсу.

Особенно нападаетъ на заморскихъ мастеровъ длинный иконникъ, съ ременнымъ вѣнчикомъ на прямыхъ льняныхъ волосахъ; по его рѣчи выходитъ, что нечего иноземцамъ потворствовать, коли своимъ жалованья не хватаетъ, и указываетъ онъ на Ивашка Соловья, иконника оружейной палаты, отставленнаго за скорбь и старость и какъ скитался онъ самъ-четвертъ съ женишкою и съ робятишки между дворъ, гдѣ день, гдѣ ночь и наги и босы, о чемъ и челобитье писалъ Соловей государю и просился хоть въ монастырь поступить.

Но длинному возражаютъ, на память приводятъ, какъ государь и патріархъ входятъ даже въ самыя мелкія нужды иконниковъ, коли до нихъ дѣло доходитъ:

— Такъ-таки и отписалъ патріархъ· Артемъ побилъ мужика Панку, отъ воровъ боронясь, хотя бы и больше перерѣзалъ, отъ нихъ боронясь, все же малая его вина.

— Что говорить, грѣхъ государю, коли объ иноземцахъ паче своихъ бреженіе имѣетъ и свои государеву пользу блюдутъ на-крѣпко: Ушаковъ, какъ отрѣзалъ,—боярамъ сказалъ, что грановитыя палаты вновь, писать самымъ добрымъ письмомъ прежняго лучше или противъ прежняго въ такое время малое некогда. приходитъ время студеное и стѣнное письмо будетъ не крѣпко и не вѣчно. И вѣдь всѣ думали, что переписывать осенью станутъ, а какъ Симонъ-отъ отрѣзалъ, такъ и отложили.

III.

Двери иконнаго терема висятъ на тяжелыхъ кованныхъ петляхъ, лапка петель длинная, идетъ она во всю ширину двери, прорѣзная узоромъ. Заскрипѣли петли—отворилася дверь, пропустила въ теремъ старыхъ иэографовъ и съ ними боярина и дьяка. Пришли тѣ именитые люди съ испытанія; Сего ради дѣла изографы разодѣлись въ дорогую, жалованную одежу: однорядки съ серебрянными пуговицами. ферези камчатные съ золототканными завязками, кафтаны куфтерные, охабни зуфные, штаны суконные съ разводами, сапоги сафьяновые—такъ знатно разодѣлись изографы, такъ расчесали бороды и намазали волосы, что и не отличишь отъ боярина.

На испытаніе вологжанинъ, крестьянскій сынъ Сергушко Рожковъ, написалъ вновь иконнаго своего художества воображеніе, на одной дцкѣ образъ Всемилостиваго Спаса, Пречистыя Богородицы и Іоанна Предтечи, И по свидѣтельству московскихъ изографовъ Симона Ушакова съ товарищи, Сергушко оказался мастеръ добрый. Иконники окружаютъ новаго товарища, спрашиваютъ, кто у него поручники, потому за новопринятаго должны поручиться иконники бывалые, должны поручиться въ томъ, что если Сергушко у государевыхъ иконописныхъ дѣлъ быть не учнетъ или сбѣжитъ или забражничаетъ и на поручикахъ пеня Государя Царя; разспрашиваютъ, откуда Сергушко родомъ;

каково теперешнее художество на Вологдѣ, какъ живутъ мастеры вологодскіе и слушаютъ Сергушкины сказки.

Сергушко сказываетъ, что Матвѣй Гурьевъ иконникъ обманомъ ушелъ изъ Знаменскаго монастыря съ Вологды и живетъ на Тотмѣ, Агей Автомаковъ, да Дмитрій Клоковъ устарѣли, Сергѣй Анисимовъ стемнѣлъ, а которые иконники сверхъ того есть и тѣ у государева иконнаго и у стѣннаго и не у каково письма не бываютъ, потому что стары и увѣчны и писать никакого письма не видятъ и разошлися въ міръ для ради недороды хлѣбные кормиться Христовымъ именемъ, ибо люди они старые и увѣчные и скудные и должные. Слушаютъ иконники невеселыя вологодскія сказки, глядятъ на старый кафтанъ Сергушкинъ; неумѣстенъ такой кафтанъ въ свѣтломъ теремѣ, смѣшны заплаты при золототканыхъ окрутахъ. Помялись, потупились и опять разспрашиваютъ Сергушку, какимъ письмомъ пишутъ иконы по вологодскимъ селамъ и заглушнымъ мѣстамъ, не пишутъ ли тамъ иконы съ небреженіемъ, лишь бы промѣнять темнымъ поселянамъ невѣждамъ? Хранятъ ли древніе переводы?—объ этомъ де далъ государь грозную грамоту, когда дошла до него вѣсть о неискусныхъ живописцахъ Холуйскихъ.

Съ окольничьимъ разговариваетъ только что вошедшій въ теремъ заморскій мастеръ цесарской земли Данило Вухтерсъ; подошелъ онъ къ боярину съ низкими поклонами, хитро, выгибая тонко обутыя ноги и говоритъ (толмачъ переводитъ), а смыслъ его рѣчи такой, что, только. молъ, ради пресвѣтлой неизрѣченной милости царя и многомилостиваго и похвальнаго жалованья рѣшился онъ на трудную поѣздку въ Московію; улаживается Вухтерсъ съ бояриномъ, сколько онъ будетъ получать жалованья; порѣшили: будетъ

получать Вухтерсъ—денегъ 20 рублей, ржи 20 четвертей, пшеницы 10, крупъ грешневыхъ четверть, гороху двѣ чети, солоду 10 четей. овса 10 четей, мяса 10 полоть, вина 10 ведеръ. Поскулилъ Вухтерсъ набавить 5 бѣлужекъ, да 5 осетровъ—набавили и напишутъ поручную—будетъ Вухтерсъ учить русскихъ мастеровъ писать мастерствомъ самымъ мудрымъ.

Отошелъ бояринъ отъ Вухтерса и теперь рѣшаетъ съ дьякомъ и съ жалованными мастерами: откуда способнѣе вызвать иконниковъ на время росписи Успенскаго собора, ибо для этой работы не хватитъ теремныхъ и городовыхъ мастеровъ московскихъ. Степенно приказываетъ бояринъ дьяку:

„Изготовь Артамонъ, грамоту во Псковъ, чтобы сыскали по росписи и сверхъ росписи иконописцевъ всѣхъ. что ни есть: и посадскихъ людей и боярскихъ и княжескихъ и монастырскихъ и торговыхъ и всякихъ людей, у кого ни буди, только чтобы стѣнному церковному письму прорухи не было".

Сыскать и вызвать мастеровъ надо не спроста, надо наблюсти строгую очередь, иначе будутъ жалобы, что, де, инымъ иконописцамъ въ дальнихъ волокитахъ чинятся многіе убытки и разоренье, а другихъ вовсе къ стѣнному письму не емлютъ. Хорошимъ мастерамъ вездѣ дѣло есть: добрыми мастерами всякій дорожитъ; съ великимъ нехотѣньемъ отпускаютъ ихъ въ ненасытную Москву. Лишь бы сохранить иконника и воеводы и даже духовные люди—игумены и архіереи идутъ на обманъ, готовы сообщить въ государевъ теремъ облыжныя свѣдѣнія, нужды нѣтъ, что ихъ уличатъ въ бездѣльной корысти и шлютъ къ нимъ самопальныхъ

съ грозными указами, а святые отцы и государевы слуги все же покажутъ добрыхъ мастеровъ въ безвѣстномъ отсутствіи и укроютъ ихъ въ монастырскихъ кельяхъ—ужъ такая всюду необходимость въ истинствующихъ иконникахъ.

VI.

— Смилуйся, пресвѣтлый бояринъ, не дай въ конецъ разориться!—пробирается къ боярину ободранный мужиченко и, дойдя, кланяется земно.

— Докучаюсь тебѣ, бояринъ, о сынышкѣ моемъ, иконной дружины ученикѣ. Смилуйся, отецъ, на парнишку! Въ конецъ изведетъ его мастеръ корысти ради и грозы нѣтъ на него, потому и сбѣжать отъ него, невозможно—больно велика пеня показана. Вотъ и списокъ съ поручной".

Дьякъ принимаетъ поручную; молча, просматриваетъ ее, сквозь зубы процѣживаетъ, „доживъ своихъ рченыхъ лѣтъ не сбѣжать и не покрасть" и вполголоса читаетъ боярину:

— „...а будетъ сынъ его Ларіоновъ, не доживъ урочныхъ лѣтъ отъ меня пократчи сбѣжитъ взяти мнѣ въ томъ Ларіонѣ по записи за ряду двадцать рублей". Да, пеня не малая проставлена, ужъ пятнядцать рублей и то большая пеня, а двадцать и того несообразнѣе. А дѣло-то въ чемъ?—распрашиваетъ дьякъ, недовольный, что судбище будетъ при всѣхъ. при бояринѣ, и не придется ему, дьяку, распорядиться съ челобитчикомъ, по своему, по приказному, и не будетъ ему, дьяку, никакой пользы.

— Бью челомъ на мастера иконнаго Терентія Агафоно-

ва,—зачастилъ мужиченка,—что взялъ парнишку моего въ ученіе, и тому пошелъ безъ малаго годъ третій, а живописному письму не училъ, только выучилъ по дереву и по полотнамъ золотить. И ученье мастера этого негожее; учитъ онъ не въ ученика пользу, а въ свою; промѣры тѣлесные даетъ невѣрные, ни ографить, ни знаменить искусно, ничему не училъ. А что парнишко напишетъ добрымъ письмомъ по своему разумѣнію, и то мастеръ, альбо похуляетъ, альбо показуетъ работою ученика иного, своего племянника, и моему парнишкѣ ни пользы, ни чести не выходитъ. И на томъ смилуйся, бояринъ, и пожалуй взять мнѣ парнишку моего Ларивонку домой безъ пени!—кланяется мужиченка, а позади его выдвигается тощій человѣкъ въ темной однорядкѣ и, заложивъ руку за пазуху, кашлянувъ, переминаясь, начинаетъ:

— И въ ученіи Стоглаваго собора въ главѣ 43 сказано есть: аще кому не дастъ Богъ таковаго рукодѣлія, учнетъ писати худо или не по правильному завѣщанію жити; а мастеръ укажетъ его горазда и во всемъ достойна суща и показуетъ написаніе инаго, а не того и святитель, обыскавъ, полагаетъ такового мастера подъ запрещеніемъ правильнымъ, яко да и прочіи, страхъ пріимутъ и не дерзаютъ таковая творити.—Сказано есть во Стоглавѣ, а по сему повиненъ мастеръ Агафоновъ, что дружитъ ко своему племяннику и тѣмъ неправое бреженіе къ Государеву дѣлу имѣетъ. Племяннику его не открылъ Богъ рукодѣлія и коли Агафоновъ своею нелѣпою хитростью устроитъ племянника своего въ Теремѣ и на томъ Царскому дѣлу поруха“...

— А ты что за человѣкъ?—перебиваетъ его дьякъ.

— Онъ значитъ своякъ мой Филипко; парнишку моего жалко ему. Енъ, парнишко-то, добрый, да вотъ неудача въ

мастерѣ вышла, прости Создатель! А что Агафоновъ на племянникѣ на своемъ душею кривитъ,—это точно, и племянникъ—отъ его живетъ бездѣльно, безпутно щапствуетъ, а парнишко мой за него виноватъ.

— Челобитье твое большое и хитрое,—нахмуривается бояринъ (и нахмуривается не тому, чтобы жалѣлъ царское дѣло, а тому, что не скоро придется ему уйти изъ терема домой).—На народѣ не гоже судиться, идите въ Приказную избу; туда позвать и Терентія; онъ гдѣ работаетъ?—здѣсь?—распорядился бояринъ.

— Терентій не въ теремѣ сейчасъ пишетъ, а въ пещерахъ отъ Краснаго крыльца.

— Посылайте за нимъ; пусть не мѣшкаетъ, бросаетъ работу и бѣгомъ идетъ въ Приказъ.—уходитъ бояринъ, съ нимъ дьякъ и челобитчики.

Иконники притихли; знаютъ, что надъ товарищемъ стряслося недоброе, но знаютъ и то, что недоброе это заслуженно, хотя не только Терентію, а и нѣкоторымъ инымъ мастерамъ грозитъ та же гроза за дружество и милость къ своимъ роднымъ.

— Да,—рѣшаетъ Симонъ Ушаковъ,—а всѣ знаютъ, что Симонъ зря слова не скажетъ,—все то корысть, все то щапство, а любви къ дѣлу не видно. Продаетъ Терентій хитрость свою живописную, богоданную, только о себѣ думаетъ: и по-дѣломъ ему, коли наложатъ на него прещеніе и будетъ онъ сидѣть безъ работы. Не завидуй; веди своего ученика честно, не криви душой, не укрывай таланта. Недаромъ не любили молодые Терентія!

Молчатъ иконники; многіе понурили головы, глядятъ на работу, не поднимаютъ глазъ. Думается имъ: „хорошо гово-

рить Симону, не всѣ такіе, какъ онъ", а въ душѣ они уже не любятъ Ушакова, зачѣмъ онъ знатенъ въ художествѣ, зачѣмъ всѣ слушаютъ его, зачѣмъ онъ говоритъ правдивое слово. Но, слава Богу, думаютъ такъ не всѣ и больше половины искренно киваютъ головою Симону на добромъ словѣ его Такими мастерами, какъ Симонъ, и держится живописное дѣло. Теперь не такъ скоро опять загудитъ говоръ, не такъ скоро усмѣхнется кто-нибудь. Въ полдень отобѣдаютъ, отпаужинаютъ, а тамъ и до конца работы недолго.

Въ углу старый иконникъ—борода крупными куделями упала на грудь, носъ сухой съ горбинкой, глаза глубоко запали въ орбитахъ—протяжно ударяя на о, поучаетъ молодого:

— ...дали ему святую воду и святыя мощи, чтобы смѣшавъ святую воду и святыя мощи съ красками, написалъ святую и освященную икону. И онъ писалъ сію святую икону и только по субботамъ да воскресеньямъ пріобщался пищи и съ великимъ радѣніемъ и бдѣніемъ въ тишинѣ великой совершилъ ее...

„Что-то Оленка"?—мелькаетъ о человѣческомъ у молодого, а изографъ уже угадываетъ его мысли, еще строже впивается въ него своими стальными глазами и твердитъ внушительно:

— Спаси Богъ нынѣшнихъ мастеровъ! Многіе отъ нихъ пишутъ таковыхъ же святыхъ угодниковъ, какъ и они сами: толстобрюхихъ, толсторожихъ и руки и ноги яко стульцы у кажного. И сами живутъ не истинно, не памятуютъ, да подобаетъ живописцу быть смиренну, кротку, благоговѣйну, не празнословцу, не смѣхотворцу, не сварливу, не завистливу, не пьяницѣ, не грабежнику, не убійцѣ, но и пачежъ хранити чистоту душевную и тѣлесную со всякимъ опасе-

ніемъ. А не можешь тако пробыти до конца, то женись по закону и бракомъ сочетайся и приходи ко отцемъ духовнымъ и во всемъ извѣщайся и по ихъ наказанію подобаетъ жити въ постѣ и молитвахъ и воздержаніи со смиренномудріемъ, кромѣ всякаго зазора и съ превеликимъ тщаніемъ пиши образъ Господа; да мятутся люди страстями тѣлесными, ты же, духовно ревнуя ко славѣ честнаго художества, подвизайся кистію и словомъ добрымъ. Не всякому даетъ Богъ писати по образу и подобію и кому не даетъ—имъ въ конецъ отъ таковаго дѣла престати, да не Божіе имя таковаго письма похуляется. И аще учнутъ глаголати: „мы тѣмъ живемъ и питаемся“ и таковому ихъ рѣченію не внимати. Не всѣмъ человѣкомъ иконописцемъ быти: много бо и различно рукодѣйствія подаровано отъ Бога, имъ же человѣкомъ препитатись и живымъ быти и кромѣ иконнаго письма...—поучаетъ мастеръ.

Закату не осилить слюдяныхъ оконцевъ. Въ Теремѣ темнѣетъ. Расходятся иконники. Не блестятъ вѣнчики и узоры на ризахъ. Дрожатъ темныя очертанія ликовъ и острѣе сверкаютъ большія бѣлыя очи угодниковъ. Сумракъ ползетъ изъ угловъ, закутываетъ сѣрымъ пологомъ запасы иконныхъ досокъ и холстины, мягчитъ тѣни станковъ. Истово и мѣрно звучитъ поученіе о добромъ живописномъ рукодѣліи.

Творится въ иконномъ Теремѣ хитрое и красное дѣло.

1899.

ПО ПУТИ ИЗЪ ВАРЯГЪ ВЪ ГРЕКИ.

Плывутъ полунощные гости.

Свѣтлой полосой тянется пологій берегъ Финскаго залива. Вода точно напиталась синевой яснаго, весенняго неба; вѣтеръ рябитъ по ней, сгоняя матово-лиловатые полосы и круги. Стайка чаекъ спустилась на волны, безпечно на нихъ закачалась и лишь подъ самымъ килемъ передней ладьи сверкнула крыльями—всполошило ихъ мирную жизнь что-то, мало знакомое, невиданное. Новая струя пробивается по стоячей водѣ, бѣжитъ она въ вѣковую славянскую жизнь, пройдетъ черезъ лѣса и болота, перекатится широкимъ полемъ, подыметъ роды славянскіе—увидятъ они рѣдкихъ, незнакомыхъ гостей, подивуются они на ихъ строй боевой, на ихъ заморскій обычай.

Длиннымъ рядомъ идутъ ладьи; яркая раскраска горитъ на солнцѣ. Лихо завернулись носовые борта, завершившись

высокимъ, стройнымъ носомъ-дракономъ. Полосы красныя, зеленыя, желтыя и синія наведены вдоль ладьи. У дракона пасть красная, горло синее, а грива и перья зеленыя. На килевомъ бревнѣ пустого мѣста не видно—все рѣзное: крестики, точки, кружки, переплетаются въ самый сложный узоръ. Другія части ладьи тоже рѣзьбой изукрашены; съ любовью отдѣланы всѣ мелочи, узумляешься имъ теперь въ музеяхъ и, тщетно стараясь оторваться отъ теперешней практической жизни, робко пробуешь воспроизвести ихъ—въ большинствѣ случаевъ совершенно неудачно, потому что, полные кичливаго, холоднаго изученія, мы не даемъ себѣ труда постичь духъ современной этимъ предметамъ искусства эпохи, полюбить ее—славную, полную дикаго простора и воли.

Около носа и кормы на ладьѣ щиты привѣшаны, горятъ подъ солнцемъ. Паруса своей пестротою наводятъ страхъ на враговъ; на верхней бѣлой каймѣ нашиты красные круги и разводы; самъ парусъ рѣдко одноцвѣтенъ—чаще онъ полосатый: полосы на немъ или вдоль, или поперекъ, какъ придется. Середина ладьи покрыта тоже полосатымъ наметомъ, накинутъ онъ на мачты, которыя держатся перекрещенными брусьями, изрѣзанными красивымъ узоромъ,—дождь ли, жара ли, гребцамъ свободно сидѣть подъ наметомъ.

На мореходной ладьѣ народу довольно—человѣкъ 70; по бэрту сидитъ до 30 гребцовъ. У рулевого весла стоятъ: кто посановитѣй, поважнѣй, самъ конунгъ тамъ стоитъ. Конунга можно сразу отличить отъ другихъ: и турьи рога на шлемѣ у него повыше, и бронзовый кабанчикъ, прикрѣпленный къ гребню на макушкѣ, отдѣлкой получше. Кольчуга конунга видала виды, заржавѣла она отъ дождей и отъ со-

леной воды, блестятъ на ней только золотая пряжка фибула подъ воротомъ, да толстый браслетъ на рукѣ. Ручка у топора тоже богаче, чѣмъ у прочихъ дружинниковъ—мореный дубъ обвитъ серебряной пластинкой; на боку большой загнувшійся рогъ для питья. Вѣтеръ играетъ краснымъ съ просѣдью усомъ, кустистыя брови насупились надъ загорѣлымъ, бронзовымъ носомъ; поперекъ щеки прошелъ давній шрамъ.

Стихнетъ вѣтеръ—дружно подымутся весла; какъ однообразно бьютъ они по водѣ, несутъ ладьи по Невѣ, по Волхову, Ильменю, Ловати, Днѣпру—въ самый Царьградъ; идутъ варяги на торгъ или на службу.

Нева величава и могуча, но историческаго настроенія въ ней куда меньше по сравненію съ Волховомъ. На Невѣ берега позастроились почти непрерывными, неуклюжими деревушками, затянулись теперь кирпичными и лѣсопильными заводами, такъ что слишкомъ трудно перенестись въ далекую старину. Немыслимо, представить расписныя ладьи варяжскія, звонъ мечей, блескъ щитовъ, когда передъ вами на берегу торчитъ какая-нибудь самодовольная дачка, ну точь въ точь—пошленькая слобожанка, восхищенная своею красотою; когда на солнышкѣ сіяютъ безсмысленные разноцвѣтные шары, исполняющіе немаловажное назначеніе—украсить природу; рдѣютъ охряные фронтоны съ какими-то неправдоподобными столбиками и карнизами, претендующими на изящество и стиль, а между тѣмъ любой сѣрый срубъ—много художественнѣе ихъ.

За всю дорогу отъ Петербурга до Шлиссельбурга выдается лишь одно характерное мѣсто—старинное Потемкинское имѣнье Островки. Мысокъ, заросшій понурыми, серьез-

ными пихтами, очень хорошъ; замкоподобная усадьба вполнѣ гармонируетъ съ окружающимъ пейзажемъ. Уже ближе къ Шлиссельбургу Нева на короткое время, какъ бы, выходитъ изъ своего цивилизованнаго состоянія и развертывается въ привольную, сѣверную рѣку,—сѣрую, спокойную, въ широкомъ размахѣ, обрамленную темной полосой лѣса. Впрочемъ, это мимолетное настроеніе сейчасъ же разбивается съ приближеніемъ къ Шлиссельбургу. Какой это печальный городъ! Какая закорузлая провинція,—даже названія улицъ, и тѣ еще не прививаются среди обывателей.

Лѣвѣе города за крѣпостью, бурой полосой потянулось Ладожское озеро. На рейдѣ заснуло нѣсколько судовъ. Все какъ-то непривѣтливо и холодно, такъ что съ удовольствіемъ перебираешься на громоздкую машину, что повезетъ по каналу до новой Ладоги. Накрененная на бокъ, плоскодонная, какой-то овальной формы, съ укороченной трубой, она производитъ впечатлѣніе скорѣй самовара, чѣмъ пассажирскаго парохода, но всѣ ея странныя особенности имѣютъ свое назначеніе. Главное украшеніе парохода—труба срѣзана, потому что черезъ пароходъ часто приходится перекидывать бичевы баржъ, идущихъ по каналу на четырехъ лохматыхъ лошеденкахъ; глубина канала заставляетъ отказаться отъ киля и винта; тенденція къ одному боку является вслѣдствіе расположенія угольныхъ ящиковъ, а почему ихъ нельзя было распредѣлить равномѣрнѣе—этого мнѣ не могла объяснить пароходная прислуга.

Затрясся, задрожалъ пароходъ, казалось, еще больше накренился на бокъ, и мы тронулись по каналу, параллельно Ладожскому озеру, съ быстротою 6 верстъ въ часъ. Случайный собесѣдникъ, знакомый съ мѣстными порядками,

успокаиваетъ,—что, вѣроятно, придемъ во-врем я
не сцѣпимся со встрѣчною баркою или не сядемъ на мель,—
и то и другое бываетъ нерѣдко.

Черезъ валъ канала то и дѣло выглядываетъ горизонтъ Ладожскаго озера. Среди мѣстныхъ повѣрій объ озерѣ ясно сказывается вліяніе старины: озеро караетъ за преступленія.

Подобные разсказы сводятся къ слѣдующему типу. Позарился мужичекъ на чужія деньги, убилъ своего спутника во время пути въ Ладогу по льду и столкнулъ трупъ на ледъ. Самъ поѣхалъ дальше и заснулъ. Просыпается,—уже ночь; поднялся вѣтеръ, снѣгъ до чиста сдуло со льда; понесло мужика вмѣстѣ съ лошадью прочь съ дороги невѣдомо куда. Увидалъ мужикъ, что дѣло плохо, потому что при сильномъ вѣтрѣ Богъ вѣсть какъ далеко занести можетъ и, чего добраго, въ полынью попадешь; отпрягъ онъ лошадь, вывернулъ оглобли, заострилъ концы и пошелъ по знакомымъ примѣтамъ: пускай и лошадь, и санки, и все пропадаетъ, лишь бы самому отъ смерти уйти. Крѣпчаетъ вѣтеръ, слѣпитъ вьюгой глаза, затупились колья, не цѣпляются они больше за ледъ, и мужика понесло по вѣтру. Среди снѣжнаго моря зачернѣлось что-то, ближе и ближе—прямо на чернизину летитъ мужикъ. Смотритъ, передъ нимъ убитый товарищъ; хочетъ свернуть въ сторону—не слушаются ноги, зацѣпаютъ за трупъ, подламывается ледъ, и убійца вмѣстѣ съ убитымъ тонутъ въ озерѣ. Интересный осколокъ Новгородскихъ былинъ! Послѣдняя картинка этого эпизода, когда роковымъ образомъ встрѣчаются убійца съ съ своею жертвою,—очень художественна.

По правую сторону парохода низкая болотная мѣстность;

среди нея гдѣ-то по словамъ мѣстнаго пассажира, притаилась богатая раскольничья деревня, пробраться въ которую можно лишь въ удобное зимнее время. Небось, въ такомъ уголкѣ сохранилось не мало интереснаго: и пѣсни, и повѣрья, и окруты старинныя.—дѣлается обидно, почему теперь не зима. Мимо тянутся баржи, носы часто разукрашены хитрыми рѣзными коньками, невольно напрашивающимися на параллель съ Байекскимъ ковромъ. Съ одной грузной бѣляной стряслась бѣда,—затонула, широко расплылись массы дровъ. На берегу примостился ея экипажъ, выстроили шалашикъ, развели ог нь, варятъ рыбку, мирно и спокойно, словно и зимовать здѣсь собрались.

Сѣрый, однообразный пейзажъ тянется вплоть до самой Новой Ладоги. Сравнительно поздно возникшая, она, конечно, не можетъ дать ни художественнаго, ни историческаго матеріала; за ней впереди чуется что-то болѣе значительное: въ 12 верстахъ отъ нея историческое гнѣздо—Старая Ладога. Скучно дожидаться Волховскаго парохода,—торопясь, на почтовыхъ, скачешь туда по прекрасной шоссированной дорогѣ. Слѣва мѣстами выглядываетъ Волховъ—берега песчаные, заросли сосной и вереском. Потомъ дорога возьметъ правѣе и пойдетъ почти вплоть до самой Старой Ладоги по обычному пологому пейзажу, съ лѣсомъ на горизонтѣ. Изъ-за бугра выглянули три кургана—волховскія сопки. Большая изъ нихъ уже раскопана, но со стороны она все же кажется очень высокой. Взбираемся на бугоръ—и передъ нами одинъ изъ лучшихъ русскихъ пейзажей. Широко развернулся сѣро-бурый Волковъ съ водоворотами и свѣтлыми хвостами теченія по серединѣ; по высокимъ берегамъ сторожами стали курганы, и стали не какъ-нибудь

зря, а стройнымъ рядомъ одинъ красивѣе другого. Изъ-за кургана, на половину скрытая пахотнымъ чернымъ бугромъ торчитъ бѣлая Ивановская церковь съ пятью зелеными главами. Подлѣ самой воды—типичная монастырская ограда съ бѣлыми башенками по угламъ. Далѣе въ безпорядкѣ—сѣрые и желтоватые остовы посада, въ перемежку съ бѣлыми силуетами церквей. Далеко блеснула какая-ао главка, опять подобіе ограды, что-то бѣлѣетъ, з за всѣмъ этимъ густо зеленый боръ—все больше хвоя; черезъ силуеты елей и сосенъ опять выглядываютъ вершины кургановъ. Вездѣ что-то было, каждое мѣсто полно минувшаго. Вотъ оно историческое настроеніе

Когда васъ охватываетъ настроеніе, словно при встрѣчѣ съ почтеннымъ старцемъ, невсльно замедляете походку, голосъ становится тише и, вмѣстѣ съ чувствомъ уваженія, васъ наполняетъ какой-то удивительный покой, будто смотрите куда-то далеко, безъ перваго плана.

Поэзія старины, кажется, самая задушевная. Ей основательно противопоставляютъ поэзію будущаго; но почти безпочвенная будущность, несмотря на свою необъятность, врядъ ли можетъ такъ же сильно настроить кого-нибудь, какъ поэзія минувшаго. Старина, притомъ старина своя, ближе всего человѣку... Именно чувство родной старины наполняетъ васъ при взглядѣ на Старую Ладогу. Что-то не припоминается въ живописи ладожскихъ мотивовъ, а между тѣмъ сколько прекраснаго и типичнаго можно вывезти изъ этого забытаго уголка—осколка старины, случайно сохранившагося среди окрестнаго мусора, и какъ легко и удобно это сдѣлать. (Совершить такую поѣздку, какъ видно изъ приведенныхъ подробностей пути, чрезвычайно просто).

Мнѣ приходилось встрѣчать художниковъ, пеняющихъ на судьбу, не посылающую имъ мотивовъ.

„Все переписано, — богохульствуютъ они, — справа ли слѣва ли поставлю березку или рѣчку, все выходитъ старо. Вамъ, историческимъ живописцамъ, хорошо,—у васъ уголъ непочатый, а намъ-то каково, современнымъ, и особенно пейзажистамъ".

Вотъ бѣдные!—они не замѣчаютъ, что кругомъ все ново безконечно, только сами-то они, вопреки природѣ, норовятъ быть старыми и хотятъ видѣть во всемъ новомъ старый шаблонъ и тѣмъ пріучаютъ къ нему массу публики, извращая непосредственный вкусъ ея. Точно можно сразу перебрать неисчислимыя настроенія, розлитыя въ природѣ, точно субъективность людей ограничена? Говорятъ, будто нечего писать, а превосходные мотивы, доступные даже для копіиста и протоколиста, остаются втунѣ, лежатъ подъ самымъ бокомъ нетронутыми.

Да, что говорить о скудныхъ художникахъ, которымъ не найти мотива! . я почти увѣренъ, что даже поэту пейзажа будетъ превосходная тема, если онъ въ тихій вечеръ, когда по всему небу разбѣжались узорчатыя. причудливыя тучи, постоитъ на плоту, недалеко отъ Успенскаго монастыря въ Ст. Ладогѣ и поглядитъ на крѣпостную церковь, посадъ, на далекій Никольскій монастырь—все это, облитое послѣднимъ лучемъ, спокойно отразившееся въ засыпающемъ Волховѣ, Стоитъ только обернуться—и передъ вами другой мотивъ. не менѣе прекрасный. Старый садъ Успенскаго монастыря, стѣна и угловыя башенки прямо уходятъ въ воду, потому что Волховъ въ разливѣ. Сквозь уродливыя, переплетшіяся вѣтки сохнущихъ, высокихъ деревьевъ, съ черными шап-

ками грачевыхъ гнѣздъ по вершинамъ, чувствуется холоднованый силуетъ церкви Новгородскаго типа. За нею ровный пахотный берегъ и далекія сопки, фонъ — огневая вечерняя заря, тушующая первый планъ и неясными темными пятнами выдвигающая безконечный рядъ черныхъ фигуръ что медленно направляются изъ монастырскихъ воротъ къ рѣкѣ,—то послушницы идутъ за водою.

Ладожскія церкви, такія типичныя по внѣшнему виду, какъ и большинство церквей Новгородской области, внутри представляютъ мало интереснаго. Живопись нова и неудачна, древней утвари не сохранилось. Исключеніе представляетъ церковь въ крѣпости,—въ ней уцѣлѣла древнѣйшая фресковая живопись. Подлѣ каменной церкви пріютилась тоже старинная, крохотная, сѣрая деревянная церковочка,—типъ церкви какого-нибудь далекаго скита. Вся она перекосилась, главка упала и крестъ прямо воткнутъ въ уцѣлѣвшій барабанъ ея. Интересное крылечко провалилось, дверка вросла въ землю. Церковка обречена на паденье.

Подлѣ крѣпости указываютъ еще на два церковныхъ фундамента, отрытыхъ г. Бранденбургомъ, изслѣдовавшимъ мѣстныя древности. Раскопка Ладоги еще впереди.

Пишемъ этюды. Какъ обыкновенно бываетъ, лучшія мѣста оказываются застроенными и загороженными. Передъ хорошимъ видомъ на крѣпостную стѣну торчитъ какой-то несуразный сарай; лучшій ракурсъ Ивановской церкви портится избой сторожа. Вѣчная исторія! Теперь хотя сами-то памятники начинаютъ охраняться,—на постройки или на починку дорогъ остерегаются ихъ вывозить, и то. конечно, только въ силу приказанія, а настанетъ ли время, когда и у насъ выдвинется на сцену неприкосновенность цѣлыхъ

историческихъ пейзажей, когда прилѣпить отвратительный современный домъ вплотную къ историческому памятнику станетъ невозможнымъ, не только въ силу строительныхъ и другихъ практическихъ соображеній, но и во имя красоты и національнаго чувства. Когда-то кто-нибудь поѣдетъ по Руси съ этою, никому не нужною, смѣшною цѣлью?—думается, такое время все-таки да будетъ.

На прощанье взбираемся къ вершинѣ кургана и фантазируемъ сцену тризны. Невдалекѣ отъ рѣки возвышается какой-то „холмъ", поросшій верескомъ.

— „А вѣдь тамъ, смотри, на бугрѣ когда-нибудь жило, стояло: можетъ быть, городокъ былъ", указываетъ на холмъ мой товарищъ и затягиваетъ: „Купался боберъ".

Видно и на него повѣяло древнимъ язычествомъ.

Отъ Старой Ладоги до Дубовика характеръ береговъ и теченіе рѣки не измѣняются. Берега высокіе, на самомъ откосѣ торчатъ курганы. Много портятъ пейзажъ прибрежныя плитоломни. Что-то выйдетъ изъ Волховскихъ береговъ, если подобная работа и впредь будетъ производиться такъ же ревностно? За поворотомъ исчезли послѣдніе признаки Старой Ладоги, и мы радуемся этому, потому что увозимъ отъ нея самыя пріятныя воспоминанія, пропустивъ мимо всю ея неприглядную обыденную жизнь, сосредоточившуюся, какъ замѣтно уже на второй день пребыванія, лишь на прибытіи парохода съ низа или съ верха.

Пароходъ дальше Дубовика нейдетъ,—тутъ начинаются пороги, такъ что до Гостинопольской пароходной пристани (разстояніе около 10 верстъ) надо проѣхать въ дилижансѣ. Дилижансъ этотъ представляетъ изъ себя не что иное, какъ остовъ большого ящика, поставленный ребромъ, съ выби-

тыми дномъ и крышкою. Мы сѣли лицомъ къ рѣкѣ. Лошади рванули и проскакали почти безъ передышки до пристани. Дорога шла подлѣ самой береговой кручи; нѣсколько разъ колесо оказывалось на разстояніи не болѣе четверти отъ обрыва, такъ что, невольно, мы начинали соображать, что если на какой-нибудь промоинѣ насъ выкинетъ изъ дилижанса, упадемъ ли мы сразу въ Волховъ или нѣсколько времени продержимся за кусты. А Волховъ внизу кипѣлъ и шипѣлъ. Мы скакали мимо самыхъ злыхъ пороговъ. Несмотря на разливъ, давно незапамятный, изъ воды все же торчали кое-гдѣ камни; подлѣ нихъ бѣлѣла пѣна, длиннымъ хвостомъ скатываясь внизъ. Сила теченія въ порогахъ громадна: въ половодье груженная баржа проходитъ нѣсколько десятковъ верстъ въ часъ. Цѣлая толпа мужиковъ и бабъ правитъ ею; рулевого нерѣдко снимаютъ отъ руля въ обморокѣ—таково сильно нервное и физическое напряженіе.

Баржу гонятъ съ гикомъ и пѣснями; личность потонула въ общемъ подъемѣ. Вода бурлитъ, скрипятъ борты... Какая богатая картина! Названіе Гостинополь заставляетъ задуматься—въ немъ слышится что-то нетеперешнее. Навѣрное здѣсь былъ волокъ, ибо противъ теченія пройти въ Волховскихъ порогахъ и думать нечего. Въ Гостинополѣ же ладьи снова спускались и шли къ Днѣпровскому бассейну. Можетъ быть, до Дубовика шли встарину на мореходныхъ ладьяхъ (слово дубовикъ напрашивается на производство отъ дубъ-лодка), а въ Гостинополѣ сохранялись лодки меньшаго размѣра—рѣзныя. Впрочемъ, становиться на точку такихъ предположеній—опасно.

Въ Гостинополѣ нагрузились на пароходъ, что повезетъ насъ до Волховской станціи Николаевской дороги,—тамъ

опять пересадка. На палубѣ парохода цѣлое стадо телятъ лежатъ они связанные, жалобно мыча,—иныхъ пассажировъ не видно, но удивляться этому нечего, ибо поѣздки по Руси, вѣдь, совсѣмъ не приняты, да къ тому же нельзя сказать, чтобы и сообщеніе было хорошо приспособлено; такъ мы пріѣхали въ Гостинополь въ 8-мъ часу вечера, а пароходъ отходилъ въ $3^1/_2$ часа утра: Почему не въ 5 или не въ 4—неизвѣстно. Впрочемъ, отхода его мы не дождались, ибо къ тому времени уже спали крѣпкимъ сномъ. Проснувшись заутро, товарищъ выглянулъ въ окошко:

— Ну, что тамъ? красиво?

— Тундра какая-то! Болото и топь.

Часа черезъ два я выглянулъ—опять низкое мѣсто, которое потянулось вплоть до станціи Волховъ. Знаменитое Аракчеевское Грузино—нѣчто очень печальное, суровое опустившееся, ничего общаго не имѣющее съ тою великолѣпною декораціей, какою намъ представляютъ его современныя гравюры. На Волховской станціи насъ усердно угощали продолжать путь по желѣзной дорогѣ и, наконецъ, посмотрѣли съ сожалѣніемъ, какъ на людей, дѣйствующихъ къ явной своей невыгодѣ; для продолженія воднаго пути пришлось сидѣть на станціи отъ 11 часовъ утра до 5 утра же, тогда какъ поѣздъ проходилъ черезъ полчаса. Оставалось спать и спать, потому что въ сѣромъ пейзажѣ, состоявшемъ изъ затопленныхъ деревень, было мало интереснаго и красиваго;

— „Гуся, что ли, нарисовать на память о великомъ водномъ пути“, предложилъ я, и мы смѣялись, вспомнивъ, какъ одинъ художникъ объяснялъ цѣль и смыслъ художественныхъ поѣздокъ:.. „а то другой ѣдетъ за тысячи верстъ и тамъ коровой занимается или курицей самой обыкновен-

ной, точно онъ дома не могъ то же самое сдѣлать съ большимъ успѣхомъ и удобствомъ", —говорилъ онъ.

Путь отъ Волховской станціи до самаго Новгорода ничѣмъ особеннымъ не радуетъ. Аракчеевскія казармы, безконечныя пашни—все это благоустроено, но ординарно. Передъ Новгородомъ нѣсколько монастырей самаго обыденнаго вида. Единственно красивое мѣсто за весь этотъ кусокъ пути—такъ-называемые Горбы съ остатками славнаго сосноваго бора, сильнаго и ровнаго, какъ щетка. Чѣмъ ближе подвигались мы къ Новугороду (мѣстный житель никогда не скажетъ Новгороду, а подчеркнетъ Нову городу), тѣмъ сильнѣй и сильнѣй овладѣвало нами какое-то разочарованіе. Разочаровалъ насъ видъ Кремля, разочаровали встрѣчные типы, разочаровало общее полное безучастіе къ историчности этого мѣста. Что подумаетъ иностранецъ, когда мы, свои люди, усумнились: да полно, господинъ ли это великій Новгородъ?

„На мосту стола старица,
На мосту чрезъ синій Волховъ"..,

вспомнилъ мой спутникъ, когда мы входили на мостъ, направляясь въ Кремль. Но, вмѣсто старицы, на мосту стоялъ отвратительнаго вида босякъ съ кровавой шишкой подъ глазомъ. На встрѣчу попалось нѣсколько мужиковъ—истые „худые мужички-вѣчники", за кого кричать, за что—все равно, лишь бы поднесли.

Софійскій соборъ въ лѣсахъ; тамъ идетъ, какъ извѣстно, капитальный ремонтъ. Уже давно было слышно, что, по какому-то странному стеченію обстоятельствъ, важная задача расписать этотъ славнѣйшій и древнѣйшій русскій соборъ

миновала руки художниковъ и выпала на долю артели богомазовъ. На разстояніи какъ-то все смягчается, многое важное ускользаетъ отъ вниманія въ заглазныхъ разсказахъ, пока не увидишь во-очію. Я думаю, и вы, кому приведется читать эти строки, не обратите на нихъ никакого вниманія; кругомъ все тихо и смирно, какое кому дѣло, что гдѣ-то въ отжившемъ городѣ совершается нѣчто странное? А между тѣмъ, это „нѣчто странное", если вдуматься, оказывается чрезвычайно знаменательнымъ. На рубежѣ 20-го вѣка, при возрастающемъ общемъ интересѣ къ отечественнымъ древностямъ, при новыхъ путяхъ религіозной живописи, одинъ изъ лучшихъ русскихъ памятниковъ старины расписывается иконописцами богомазами, и притомъ—какъ расписывается! Жутко дѣлается, когда лазишь по внутреннимъ лѣсамъ храма мимо этихъ богомазныхъ изображеній — глубоко бездарныхъ, сухихъ, пригодныхъ развѣ въ захолустную церковь сверхштатнаго городишки, а никакъ не умѣстныхъ при сосѣдствѣ съ памятникомъ тысячелѣтія Руси. Еще обиднѣе и гаже становится, когда осмотришь внизу превосходную древнюю фреску Константина и Елены и купольныя изображенія пророковъ и архангеловъ, наводящія на мысль: какой высоконаціональный храмъ могъ бы получиться изъ Софіи подъ мастерскою кистью, при такихъ основныхъ базисахъ, каковы сохранившіеся остатки древнихъ фресокъ; какъ стильно и художественно можно бы было заживить остальныя стѣны! Какой богатый матеріалъ, какая возможность поддержать славный памятникъ и расцвѣтомъ его, быть можетъ, оживить цѣлый городъ!—но вдругъ все умышленно попирается, производится небольшая экономія..., а что впереди?—тамъ хоть потопъ. Если не хватаетъ средствъ,

то отчего попросту не заштукатурить стѣны, оставивъ лишь остатки древней росписи? Или уже покрыть и старую живопись богомазными издѣліями, не заказывать г. Фролову удачныя подражанія древнихъ мозаикъ, убрать сохранившіяся, чтобы и сравненія не было, какъ оно могло быть и какъ есть на самомъ дѣлѣ,—по крайности не было бы полумѣръ. Если изгонять художественность и національность, то ужъ гнать ихъ основательно, по всѣмъ пунктамъ, безъ пощады.

Мнѣ кто-то хотѣлъ объяснить, какъ это печальное событіе произошло, говоря, что много было всякихъ мелкихъ обстоятельствъ; но, полагаю, для исторіи будетъ знаменательно, выясняя развитіе русскаго искусства въ концѣ 19-го вѣка, отмѣтить крупный фактъ росписи первѣйшей русской святыни артелью богомазовъ, безъ участія пригоднѣйшихъ къ этому дѣлу, даровитыхъ художниковъ. Какое отрадное свѣдѣніе, въ особенности для всѣхъ причастныхъ къ современному искусству!—и передъ собою-то стыдно, а еще стыднѣе передъ иностранцами, когда они скажутъ, и на этотъ разъ вполнѣ заслуженно: ужъ эти варвары!

Джонъ Рескинъ, услыхавъ о такомъ дѣлѣ, навѣрное бы писалъ о немъ въ траурной рамкѣ.

Новгородская косность простирается до такого предѣла, что изъ 10 встрѣчныхъ лишь одинъ могъ указать, какъ пройти къ Спасу, что на Нередицѣ,—къ древности, которая должна бы быть извѣстна каждому мальчишкѣ, да и была бы извѣстна въ европейскомъ городѣ.

Не великъ городской музей Новгородскій, содержаніе его больше случайное, а мѣстонахожденіе не совсѣмъ удачно, ибо для него пришлось погубить одну изъ Кремлевскихъ башенъ; но это не бѣда, если бы музей хоть сколько-нибудь

интересовалъ обитателей, а то посѣтители его почти исключительно пріѣзжіе, тогда какъ среди мѣстныхъ жителей находятся нѣкоторые, вовсе и не подозрѣвающіе о существованіи городского музея, или знакомые съ нимъ лишь по наслышкѣ.

Интересенъ Знаменскій соборъ, хотя особою древностью онъ не отличается. Сѣни и внѣшняя галлерея его, видимо, первоначально были открытыя, на аркахъ съ грушами,—теперь они заложены, и довольно неблагополучно: напр., внутри, сѣней новая кладка расписана „подъ мраморъ“ малярами, тогда какъ остальное пространство сплошь покрыто живописью. Можно представить, насколько выиграетъ общій характеръ собора, если возстановить эти типичныя арки, само же возстановленіе не должно обойтись слишкомъ дорого.

Наиболѣе цѣльное впечатлѣніе изъ всѣхъ Новгородскихъ древностей производитъ церковь Спаса на Нередицѣ. Не буду касаться историческихъ и иныхъ подробностей этой интересной церкви, сохранившей въ сравнительной цѣльности настѣнное письмо,—такія подробности можно найти въ трудахъ Макарія (опис. Новгор. церк. древн., 1, 798), Прохорова, Н. В. Покровскаго и въ имѣющемъ выйти въ ближайшемъ будущемъ VI выпускѣ „Русскихъ Древностей“, изд. гр. И. И. Толстымъ и акад. Н. П. Кондаковымъ. Основанная въ 1197 году княземъ Ярославомъ Владиміровичемъ, Спасская церковь по древности, а главное, по сохранности, является памятникомъ исключительнымъ и, надо желать, чтобы, какъ можно скорѣе, она была издана полнымъ и достойнымъ для нея образомъ.

Съ софійской стороны, изъ Воскресенской слободы (въ

которой тоже типичные и древніе храмы: Ѳомы апостола и Іоанна Милостиваго), мы перерѣзали Волховъ, безконечный въ своемъ разливѣ,—направляясь къ Нередицѣ. Дѣло шло къ вечеру, солнце било желтымъ лучемъ въ бѣлыя стѣны Спаса, одиноко торчащаго на бугрѣ,—пониже его лѣпится нѣсколько избушекъ и торчатъ ивы, кругомъ же ровный горизонтъ. Такія одиночныя, среди пустой равнины, церкви очень типичны для Новгородскаго пейзажа: то тамъ, то тутъ, при каждомъ новомъ поворотѣ, бѣлѣютъ онѣ. Проѣхали мы Лядскій бугоръ, гдѣ въ былое время стоялъ монастырь,—само же названіе урочища, будто бы, производится отъ божества Ладо.

На горизонтѣ Ильмени выстроился рядъ парусовъ—они стройно удалялись. Чудно и страшно было сознавать, что по этимъ же самымъ мѣстамъ плавали ладьи варяжскія, Садко богатаго гостя вольные струги, проплывала Новугородская рать на роковую Шелонскую битву...

Ракурсъ Спаса съ берега, пожалуй, еще красивѣй, нежели его дальній видъ. Колокольня нѣсколько позднѣйшей постройки, но за то самъ корабль очень строенъ и характеренъ. Живопись, сплошь покрывающая стѣны и теряющаяся во мракѣ купола, полна гармоніи, ласкаетъ глазъ на рѣдкость пріятнымъ сочетаніемъ тоновъ, облагороженныхъ печатью времени.

Надо торопиться полно и достойно издать этотъ памятникъ—онъ уже требуетъ серьезнаго ремонта, для котораго, какъ говорятъ, не хватаетъ средствъ. На первыя нужды необходимо хоть 5,000 рублей,—неужели сейчасъ же не найдется любителя старины, располагающаго такой суммой? Есть много богатыхъ людей, не жалѣющихъ своихъ достат-

ковъ на добрыя дѣла; ремонтъ Спаса, вѣдь, тоже доброе дѣло, да еще какое!.

Возвращаясь къ дому съ Шелони, я дожидался поѣзда въ Шимскѣ. Среди многочисленныхъ вокзальныхъ объявленій бросался въ глаза изящный плакатъ Дрезденской художественной выставки и невольно думалось: что Шимску искусство? да и будетъ ли когда оно для Шимска—не пустымъ далекимъ звукомъ?

1900

ПО СТАРИНѢ.

I.

Мы признали значительность и научность старины; мы выучили пропись стилей; мы даже постѣснялись и перестали явно уничтожать памятники древности. Мы уже не назначимъ въ продажу съ торговъ за 28,000 рублей для слома чудный ростовскій кремль съ росписными храмами, съ княжескими и митрополичьими палатами, какъ это было еще на глазахъ живыхъ людей, когда только случайность, неимѣніе покупателя спасли отъ гибели гордость всей Руси.

Ничего больше нашему благополучному существованію не нужно; и никакого мѣста попрежнему въ жизни нашей старина не занимаетъ. Попрежнему далеки мы отъ сознанія, что общегосударственное, всенародное дѣло должно держаться всею землею, внѣ казенныхъ суммъ, помимо обязательныхъ постановленій.

Правда, есть и у насъ немногіе исключительные люди, которые подъ гнетомъ и насмѣшками „сплоченнаго большинства“ все же искренно любятъ старину и работаютъ въ ея пользу, но такихъ людей мало и всѣ усилія ихъ только кое-какъ удерживаютъ равновѣсіе, а о поступательномъ движеніи нельзя еще и думать.

А между тѣмъ въ отношеніи древности мы переживаемъ сейчасъ очень важное время. У насъ уже немного остается памятниковъ, доброй сохранности, нетронутыхъ неумѣлымъ подновленіемъ, да и тѣ какъ-то дружно запросили поддержку.

Гдѣ бы ни подойти къ дѣлу старины, сейчасъ же попадаешь на свѣдѣнія о трещинахъ, разрушающихъ роспись, о провалѣ сводовъ о ненадежныхъ фундаментахъ. Кромѣ того еще и теперь внимательное ухо можетъ въ изобиліи услыхать разсказы о фрескахъ подъ штукатуркой, о вывозѣ кирпичей съ памятника на постройку, о разрушеніи городища для нуждъ желѣзной дороги. О такихъ грубыхъ проявленіяхъ уже не стоитъ говорить, Такое явное исказительство должно вымереть само: грубое насиліе встрѣтить и сильный отпоръ. Послѣ знаній уже пора намъ любить старину и время теперь уже говорить о хорошемъ, художественномъ отношеніи къ памятникамъ.

Минувшимъ лѣтомъ мнѣ довелось увидать много нашей настоящей старины и мало любви вокругъ нея.

Послѣдовательно прошла передо мною московщина, смоленщина, вѣчевые города, Литва, Курляндія и Ливонія и вездѣ любовь къ старинѣ встрѣчалась малыми, неожиданными островками и много гдѣ памятники стоятъ мертвыми.

Что же мы видимъ около старины?

Грозныя башни и стѣны заросли, закрылись мирными березками и кустарникомъ. Величавые, полные романтическаго блеска, соборы задавлены ужасными домишками. Сѣдые иконостасы обезображены нехудожественными доброхотными приношеніями. Все потеряло свою жизненность. И стоятъ памятники, окруженные врагами снаружи и внутри. Кому не даетъ спать на диво обожженный кирпичъ, изъ котораго можно сложить громаду фабричныхъ сараевъ; кому мѣшаетъ стѣна проложить конку кого безпокоятъ безобидные изразцы и до боли хочется; сбить ихъ и унести, чтобы они погибли въ кучѣ домашняго мусора.

Такъ рѣдко можно увидать человѣка, который искалъ бы жизненное лицо памятника, приходилъ бы по душѣ побесѣдовать со стариною. Фарисейства, конечно, какъ вездѣ, и тутъ не оберешься. А сколько можетъ поразсказать старина родного самымъ ближайшимъ нашимъ исканіямъ и стремленіямъ.

Вспомнимъ нашу старую (нераставрированную) церковную роспись. Мы подробно изслѣдовали ея композицію, ея малѣйшія черточки и детали, и какъ еще мало мы чувствуемъ общую красоту ея, т. е. самое главное. Какъ скудно мы сознаемъ, что передъ нами не странная работа грубыхъ богомазовъ, а превосходнѣйшая стѣнопись.

Между прочимъ, въ Ростовѣ мнѣ пришлось познакомиться съ молодымъ художникомъ, иконописцемъ г. Лопаковымъ и случилось пожалѣть, что до сихъ поръ этому талантливому человѣку не приходится доказать свое чутье и умѣнье на большой реставраціонной работѣ. Способный иконописецъ

и сидитъ безъ дѣла и около старыхъ иконъ толпятся грубые ловкачи-подрядчики, даже по Стоглаву подлежавшіе запрещенію касаться святыхъ ликовъ, богомазы—которыхъ въ старое время отсылали съ Москвы подальше.

Проѣздомъ черезъ Ярославль слышно было, что предстоитъ ремонтъ Ивана Предтечи; слѣдуетъ поправить трещины. Но страшно, если, задѣлывая ихъ, кисть артельнаго мастера разгуляется и по лазоревымъ фонамъ и по бархатной муравѣ; получится варварское дѣло, ибо писали эти фрески не простые артельные богомазы, а добрые художники своего времени.

Мало мы еще цѣнимъ старинную живопись. Мнѣ приходилось слышать отъ интеллигентныхъ людей разсказы о странныхъ формахъ старины, курьезы композиціи и одежды. Разскажутъ о нѣмцахъ и другихъ иноземныхъ человѣкахъ, отправленныхъ суровымъ художникомъ въ адъ на Страшномъ судѣ, скажутъ о трактовкѣ перспективы, о происхожденіи формъ орнамента, о многомъ будутъ говорить, но ничего о красотѣ живописной, о томъ, чѣмъ живо все остальное, чѣмъ иконопись будетъ важна для недалекаго будущаго, для лучшихъ „открытій“ искусства. Даже самые слѣпые, даже самые тупые, скоро поймутъ великое значеніе нашихъ примитивовъ, значеніе русской иконописи. Поймутъ и завопятъ и заахаютъ. И пускай завопятъ! Будемъ ихъ вопленіе пророчествовать—скоро кончится „археологическое“ отношеніе къ историческому и къ народному творчеству и пышнѣе разцвѣтетъ культура искусства.

Мы переварили западныхъ примитивовъ. Мы, какъ будто, уже примиряемся съ языкомъ многихъ новѣйшихъ индивидуалистовъ. Къ намъ много теперь проникаетъ японскаго

искусства, этого давняго достоянія западныхъ художниковъ и многимъ начинаютъ нравиться геніальныя творенія японцевъ съ ихъ живѣйшимъ рисункомъ и движеніемъ, съ ихъ несравненными бархатными тонами.

Для дѣла все равно какъ именно, лишь бы идти достойнымъ путемъ; можетъ быть хоть черезъ искусство, Востока взглянемъ мы иначе на многое наше. Посмотримъ не скучнымъ взоромъ археолога, а теплымъ взглядомъ любви и восторга. Почти для всего у насъ фатальная дорога „черезъ за-границу“ можетъ быть и здѣсь не миновать общей судьбы.

Когда смотришь на древнюю роспись, на старые изразцы или орнаменты, думаешь. Какая красивая жизнь была. Какіе сильные люди жили ею. Какъ жизненно и близко всѣмъ было искусство, не то что теперь,—ненужная игрушка для огромнаго большинства. Насколько древній строитель не могъ обойтись безъ художественныхъ украшеній, настолько теперь стали милы штукатурка и трафаретъ. И добро бы въ частныхъ домахъ, а то и въ музеяхъ и во всѣхъ общественныхъ учрежденіяхъ, гдѣ не пауки и сырость должны разцвѣчать плафоны и стѣны, а живопись лучшихъ художниковъ, вдохновляемыхъ широкимъ размахомъ задачи. Насколько ремесленникъ древности чувствовалъ инстиктивную потребность оригинально украсить всякую вещь, выходящую изъ его рукъ, настолько теперь процвѣтаютъ нелѣпый штампъ и опошленная форма. Все впередъ идетъ!

II.

Грѣхъ, если родные, близкіе всѣмъ наши памятники древности будутъ стоять заброшенными.

Не нужно, чтобы памятники стояли мертвыми, какъ музейные предметы. Не хорошо, если передъ стариною въ ея жизненномъ пути является то же чувство, какъ въ музеѣ гдѣ, какъ въ темницѣ, по остроумному замѣчанію де ла-Сизеранна, заперты въ общую камеру разнороднѣишіе предметы; гдѣ фризъ, разсчитанный на многоаршинную высоту, стоитъ на уровнѣ головы; гдѣ исключающіе другъ друга священные, обиходные и военные предметы насильственно связаны по роду техники воедино. Трудно здѣсь говорить объ общей цѣлесообразной картинѣ, о древней жизни, о ея характерности. И не будетъ этого лишь при одномъ непремѣнномъ условіи.

Дайте памятнику живой видъ, возвратите ему то общее, въ которомъ онъ красовался въ былое время,—хоть до нѣкоторой степени возвратите! Не застраивайте памятниковъ доходными домами; не заслоняйте ихъ казармами и сараями; не допускайте въ нихъ современные намъ предметы—и многіе съ несравненно большей охотой будутъ рваться къ памятнику, нежели въ музей. Дайте тогда молодежи возможность смотрѣть памятники и она навѣрное будетъ стремиться изъ тисковъ современности къ древнему, такъ много видѣвшему дѣлу. Послѣ этого совсѣмъ иными покажутся

сокровища музеевъ и заговорятъ съ посѣтителями совсѣмъ инымъ языкомъ. Музейныя вещи не будутъ страшною необходимостью, которую требуютъ знать, купно, со всѣми ужасами сухихъ соображеній и свѣдѣній во имя холодной древности, а наоборотъ, отдѣльные предметы будутъ частями живого цѣлаго, завлекательнаго и чудеснаго близкаго всей нашей жизни. Не опасаясь педантичной суши, пойдетъ молодежь къ живому памятнику, заглянетъ въ чело его и мало въ комъ не шевельнется что-то старое, давно забытое, знакомое въ дѣтствѣ, а потомъ заваленное чѣмъ-то, будто бы нужнымъ. Само собою захочется знать все относящееся до такой красоты; учить этому уже не нужно, какъ завлекательную сказку схватитъ всякій объясненія къ старинѣ.

Какъ это все старо и какъ все это еще ново. Какъ совѣстно твердить объ этомъ и какъ всѣ эти вопросы еще нуждаются въ обсужденіяхъ! Въ лихорадочной работѣ куется новый стиль, въ поспѣшности мечемся за поисками новаго. И родитъ эта гора—мышь. Я говорю это конечно не объ отдѣльныхъ личностяхъ, исключеніяхъ, работы которыхъ займутъ почетное мѣсто въ исторіи искусства, а о массовомъ у насъ движеніи. Не успѣли мы двинуться къ обновленію, какъ уже сумѣли выжать изъ оригинальныхъ вещей пошлый шаблонъ, едва ли не горшій, нежели прежнее безразличіе. Въ городахъ растутъ дома, художественностью заимствованные изъ сокровищницы модныхъ магазиновъ съ претензіей на новый пошибъ; въ обиходъ проникаютъ вещи странныхъ формъ, часто весьма мало пригодныя для употребленія. А памятники, наряду съ природой живые вдохновители и руководители стиля, заброшены и пути къ нимъ

засорены сушью и педантизмомъ. Кто отважится пойти этой дорогою, разрывая и отряхивая весь лишній мусоръ, собирая осколки прекрасныхъ формъ?

III.

Въ глухихъ частяхъ Суздальскаго уѣзда хотѣлось найти мнѣ мѣстные уборы. Общія указанія погнали меня за 20 верстъ въ село Торки и Шошково. Въ Шошковѣ оказалось еще много старины. Во многихъ семьяхъ еще носили старинные сарафаны, фаты и повязки. Но больно было видѣть тайное желаніе продать все это, и не въ силу нужды, а потому что «эта старинная мода прошла уже».

Очень рѣдко можно было найти семью, гдѣ бы былъ въ употребленіи весь старинный уборъ полностью.

— Не хотятъ, вишь, молодые-то старое одѣвать,—говорилъ старикъ-мужичекъ, покуда дочка пошла одѣть полный нарядъ.

Я началъ убѣждать собравшихся сельчанъ въ красотѣ нарядныхъ костюмовъ, что носитъ ихъ не только не зазорно, но лучше люди заботятся о поддержаніи національнаго костюма. Старикъ терпѣливо выслушалъ меня, почесалъ въ затылкѣ и сказалъ совершенно справедливое замѣчаніе:

— „Обветшала наша старина-то. Иной сарафанъ, или повязка, хотя и старинныя, да изорвались временемъ-то,—молодухамъ въ дырьяхъ ходить и зазорно. И хотѣли бы поновить чѣмъ, а негдѣ взять. Нынче такъ не дѣлаютъ, какъ

въ старину; можетъ, конечно, оно и дѣлаютъ, да намъ не достать, да и дорого, не подъ силу. У меня въ дому еще есть старина, а и то прикупать уже изъ-за Нижняго, изъза Костромы приходится и все-то дорожаетъ. Такъ и проходитъ старинная мода".

Старикъ сказалъ правду! нечѣмъ поновлять нашу ветшающую старину. Оторвались мы отъ нея, ушли куда-то и всѣ наши поновленія кажутся на старинѣ гнусными заплатами. Видѣлъ я попытки поновленія старинныхъ костюмовъ—въ высшей степени неудачныя. Если положить рядомъ прекрасную старинную парчу съ дешевой современной церковной парчею, если попробуете къ чудной набойкѣ съ ея ласковыми синими и бурыми тонами приставить ситецъ или каленкоръ, да еще изъ тѣхъ, которые спеціально дѣлаются „для народа",—можно легко представить, какое безобразіе получается.

Современный городской эклектизмъ, конечно, прямо противоположенъ національнизму; вмѣсто нелѣпыхъ попытокъ изобрѣсти національный костюмъ для горожанъ, не лучше ли создать почву, на которой могла бы жить наша вымирающая народная старина. Костюмъ не надо придумывать: вѣка сложили прекрасные образцы его; надо придумать, чтобы народъ въ культурномъ развитіи могъ жить національнымъ теченіемъ мысли, чтобы онъ вокругъ себя находилъ все необходимое для красиваго образа жизни; надо, чтобы въ область сказаній отошли печальные факты, что священники сожигаютъ древнія кички, „ибо рогатымъ не подобаетъ подходить зъ Причастію". Необходимо, чтобы высшіе классы истинно полюбили старину. Отчего фабрики не даютъ народу красивую ткань для костюмовъ, доступную,

не грубую, достойную поновить старину? Дайте почву и костюму, и пѣснѣ, и музыкѣ, и пляскѣ, и радости. Пусть ростетъ старинная пѣсня, пусть струны балалаекъ, вмѣсто прекрасныхъ древнихъ ладовъ не вызваниваютъ пошлыхъ маршей и вальсовъ. Пусть и работаетъ русскій человѣкъ по-русски, а то вѣдь ужасно сказать, въ мѣстностяхъ, полныхъ лучшихъ образчиковъ старины, издавна славныхъ своею финифтью, сканнымъ и рѣзнымъ дѣломъ, въ школахъ можно встрѣчать работы по образцамъ изъ „Нивы“. Или еще хуже того;—въ Торжкѣ, даже по гимназическимъ географіямъ знаменитомъ своимъ шитьемъ, не такъ давно была устроена земская школа съ цѣлью поддержать это вѣтшающее рукодѣлие и обновить его возвращеніемъ къ старинной превосходной техникѣ. Дѣло пошло на ладъ. Казалось бы чего лучше,—нашлась опытная руководительница и школа имѣетъ прямое, отвѣчающее мѣстнымъ запросамъ, назначеніе; вы подумаете, что новое земство позаботилось о расширеніи этого удачнаго дѣла?—ни чуть, не бывало. Оно нашло школу излишнею и на дняхъ совсѣмъ упразднило ее, на погибель бросая исконное мѣстное ремесло. При такихъ условіяхъ, для себя развѣ сумѣетъ народъ сдѣлать что-нибудь красивое? Единственно, если будетъ прочная почва, можно ждать и доброе дерево. Всѣ знаютъ, сколько цѣльнаго и прекраснаго сохранили въ своемъ быту старовѣры. Гдѣ только живетъ старина, тамъ звучитъ много хорошаго; живутъ тамъ лучшіе обычаи. Вотъ она старина-то!

Но не умѣемъ мы, не хотимъ мы помочь народу опять найти красоту въ его трудной жизни. Не съ радостью собирателя, а бережно, только очень бережно можно отнимать у народа его остатки красоты, его дива дивныя, вѣками имъ

взлелѣянныя. Только строгими вѣсами можно вывѣрять равноцѣнность, сообщаемаго нами народу и похищаемаго у него.

Въ томъ же Шошковѣ меня поразила церковь чистотою своихъ формъ: совершенный XVII вѣкъ. Между тѣмъ узнаю, что только недавно справляли ея столѣтіе. Удивляюсь и нахожу разгадку. Оказывается, церковь строили крестьяне всѣмъ міромъ и нарочно хотѣли строить подъ старину. Сохраняется и пріятная окраска церкви, бѣлая съ охрой, какъ на храмахъ Романова-Борисоглѣбска. Вѣрные дѣти своего времени, крестьяне уже думаютъ поновлять церковь и внутренность ея уже пѣреписывается невѣроятными картинами въ духѣ Дорэ. И нѣтъ мощнаго голоса, чтобы сказать имъ, какую нессобразность они творятъ.

При такой росписи странно было думать, что еще дѣды этихъ самыхъ крестьянъ мыслили настолько иначе, что могли желать строить именно подъ старину.

Теперь же насъ—культурнѣйшихъ—окружаютъ совершенно иныя картины. Несмотря на всѣ запрещенія, несмотря на опекуншу старины—комиссію, на глазахъ многихъ таютъ цѣлыя башни и стѣны. Знаменитые Гедеминовскій и Кейстутовскій замки въ Трокахъ пришли въ совершенное разрушеніе. На цѣлый этажъ завалила рухнувшая башня стѣны замка Кейстута на островѣ. Въ замковой часовнѣ была фресковая живопись, особенно интересная для насъ тѣмъ, что, кажется, была византійскаго характера; отъ нея остались одни малоизвѣстные остатки, дни которыхъ уже сочтены изъ-подъ нихъ внизу вываливаются кирпичи. Слышно, что замокъ въ недалекомъ будущемъ кто-то хочетъ поддержать; трудно это сдѣлать теперь, хоть бы не дать пищу даль-

нѣйшему разрушенію. Въ Ковнѣ мнѣ передавали, что мѣстный замокъ еще не такъ давно очень возвышался стѣнами и башнями, а теперь отъ башни остается очень немного. а по фунтаментамъ стѣнъ лѣпятъ постройки. На какомъ основаніи—по какому праву появляются эти лачуги на государственной землѣ, которая недоступна даже для общественныхъ учрежденій?

Въ Меречѣ на Нѣманѣ я хотѣлъ видѣть старинный домъ, помнящій короля Владислава, а затѣмъ Петра Великаго. По археологической картѣ домъ этотъ значится существующимъ еще въ 1893 году, но теперь его уже нѣтъ; въ 1896 году онъ перестроенъ до фундамента. Городская башня разобрана, а подлѣ мѣстечка торчитъ оглоданный остатокъ пограничнаго столба, еще свидѣтеля Магдебургскаго права города Мереча, а теперь назначительнаго селенія. Кое-гдѣ видна на столбѣ штукатурка, но строеніе его возстановить уже невозможно.

На самомъ берегу Нѣмана въ Веллонахъ и въ Сапежишкахъ есть древнѣйшіе костелы съ первыхъ временъ христіанства. Въ Ковнѣ и въ Кейданахъ есть чудные старинные домики, а въ особенности одинъ съ фронтономъ чистой готики. Пошли имъ, Богъ заботливую руку—сохранить подольше. Много по прекраснымъ берегамъ Нѣмана старинныхъ мѣстъ, безпомощно погибающихъ. Уже нечему тамъ разсказать о великомъ Зничѣ, Гедеминѣ, Кейстутѣ, о крыжакахъ, о всемъ интересномъ, что было въ этихъ мѣстахъ. Изъ-за Нѣмана приходятъ громады песковъ, а защитника лѣса уже нѣтъ и лицо земли измѣняется уже неузнаваемо.

На Изборскихъ башняхъ только кое-гдѣ еще остаются

слѣды узорчатой плитной кладки и рельефные красивые кресты, которыми украшена западная стѣна крѣпости. Не были ли эти кресты страшнымъ напоминаніемъ для крестоносцевъ, злѣйшихъ непріятелей пограничнаго Изборска? Подъ толстыми плитными стѣнами засыпались подземные ходы, завалились тайники и ворота.

Знаменитый соборъ Юрьева-Польскаго, куда болѣе интересный, нежели Дмитровскій храмъ во Владимірѣ, почти весь облѣпленъ позднѣйшими скверными пристройками, безжалостно впившимися въ сказочныя рельефныя украшенія соборныхъ стѣнъ. Когда-то эта красота очистится отъ грубыхъ придатковъ и кто выведетъ опять въ жизни этотъ удивительный памятникъ?

Деревянная церковь на Ишнѣ около Ростова, этотъ прекрасный образецъ архитектуры сѣверныхъ церквей обшитъ досками и теперь обносится шаблоннѣйшимъ заборчикомъ, въ конецъ разбивающимъ впечатлѣніе темно-сѣрой церкви и кладбища съ тонкими березами. Въ медленномъ разрушеніи теряютъ лицо живописныя подробности Новгорода и Пскова.

И не перечесть всего погибающаго, но даже тамъ, гдѣ мы сознательно хотимъ отстоять старину и то получается нѣчто странное. Послѣ долгаго боя отстояли красивыя стѣны Смоленска „съ великимъ тщаніемъ“ законченныя при царѣ Борисѣ. Теперь даже кладутъ заплаты на нихъ, за зато изъ старинныхъ валовъ, внизу изъ-подъ стѣнъ, вынимаютъ песокъ. Я хотѣлъ бы ошибиться, но подъ стѣнами были видны свѣжія колеи около печочныхъ выемокъ, а вмѣсто бархатистыхъ дерновыхъ валовъ и рвовъ подъ стѣнами, безформенныя груды песка и оползни дерева, точно послѣ злого погрома.

Вотъ тебѣ и художественный общій, вотъ и историческій видъ! И это около Смоленска, гдѣ песчанныхъ свободныхъ косогоровъ не обнять взглядомъ [1]). Обыкновенно у насъ принято все валить на неумолимое время, а неумолимы люди и время лишь идетъ по стопамъ ихъ, точнымъ исполнителемъ всѣхъ желаній.

Вокругъ нашихъ памятниковъ цѣлыя серіи именныхъ ошибокъ и лѣтописецъ могъ бы составить любопытный синодикъ громкихъ дѣятелей искаженія старины. И это слѣдуетъ сдѣлать на память потомству.

IV.

Нѣсколько лѣтъ назадъ, описывая великій путь изъ варягъ въ греки, мнѣ приходилось, между прочимъ вспоминать: „когда-то кто-нибудь поѣдетъ по Руси съ цѣлью охраненія нашихъ историческихъ пейзажей во имя красоты и національнаго чувства“?

Съ тѣхъ поръ я видѣлъ много древнихъ городищъ и урочищъ и еще сильнѣе хочется сказать что-либо въ ихъ звщиту.

Какія это славныя мѣста!

Почему древніе люди любили жить въ такомъ привольѣ? Не только въ стратегическихъ и другихъ соображеніяхъ тутъ

---

[1]) Чтобы составить понятіе о грандіозности смоленскихъ стѣнъ ср.: Смоленская стѣна. И. И. Орлова. Смоленскъ. 1903 г.

дѣло, а широко жилъ и широко чувствовалъ древній. Если хотѣлъ онъ раскинуться свободно, то забирался на самый верхъ мѣстности, чтобы въ ушахъ гудѣлъ вольный вѣтеръ, чтобы сверкала подъ ногами быстрая рѣка или широкое озеро, чтобы не зналъ глазъ предѣла въ синѣющихъ, заманчивыхъ даляхъ. И гордо свѣтились на всѣ стороны бѣлыя вѣжи. Если же приходилось древнему скрываться отъ посторонняго глаза, то не зналъ онъ границы трущобности мѣста, запирался онъ бездонными болотами, такими ломняками и буераками, что у насъ и духу не хватить подумать осѣсть въ такомъ углу.

Послѣ существующихъ городовъ часто указываютъ древнее городище и всегда оно кажется гораздо красивѣе расположеннымъ, нежели позднѣйшій городъ. Знамъ, такъ называемый, „Труворъ“, гдѣ сѣсть подъ Изборскомъ, у Словенскаго Ручья, и гораздо хуже рѣшили задачу псковичи, перенесшіе городокъ на гору Жераву. Городище подъ Новгородомъ по мѣсту гораздо красивѣе положенія самаго города. Городище Старой Ладоги, рубленный городъ Ярославля, мѣста Гродненскаго, Виленскаго, Венденскаго и другихъ старыхъ замковъ, лучшія мѣста во всей окрестности.

Какова же судьба городищъ. Цѣльныя, высокія мѣста мѣшаютъ намъ не меньше памятниковъ. Если ихъ не приходится обезобразить сараями, казармами и кладовыми, то непремѣнно нужно хотя бы вывезти, какъ песокъ. Еще недавно видѣлъ я красивѣйшій Городецъ на Сарѣ [1]) подъ

[1]) Городецъ на Сарѣ, быть можетъ, представляетъ ничто иное какъ первоначальное мѣсто Ростова. Раскопка, которую удалось произвести на остаткахъ городища, дала нѣсколько характерныхъ предметовъ X, XII в.в. Гнѣздовскаго типа.

Ростовомъ, весь искалѣченный вывозкою песка и камня. Вмѣсто чудеснаго мѣста, куда, бывало, съѣзжался весь Ростовъ, — ужасъ и разоренье, надъ которымъ искренно заплакалъ бы Джонъ Рескинъ.

Но намъ ли искать красивое? До того мы лѣнивы и нелюбопытны, что даже близкій намъ, красивый Псковъ, и то мало знаемъ.

Никого не тянетъ посидѣть на берегу Великой передъ лицемъ сѣдого Дѣтинца [1]); многимъ ли говоритъ что-нибудь названіе Мирожскаго монастыря, куда слѣдуетъ съѣздить, хотя бы для однихъ изображеній Спаса и Архангела въ предѣлахъ. Старинныя башни, рынокъ подъ Дѣтинцемъ, паруса и цвѣтныя мачты торговыхъ ладей, какъ все это красиво, какъ все близко отъ столицы. Какъ хороши старинные домики со стильными крылечками и оконцами, зачастую теперь служащіе самымъ прозаическимъ назначеніямъ, въ родѣ склада мебели и кладовыхъ. И какъ мало все зто извѣстно большинству, кислому будто-бы отъ недостатка новыхъ впечатлѣній.

Если и Псковъ мало знаемъ, то какъ же немногіе изъ насъ бывали въ чудеснѣйшемъ мѣстѣ подлѣ Пскова—Печерахъ? Прямо удивительно, что этотъ уголокъ извѣстенъ такъ мало. По уютности, по вѣковому покою, по интереснымъ строеніямъ мало что сравняется во всей Средней Руси. Стѣны, оббитыя литовцами, сбѣгаютъ въ глубокіе овраги и

---

[1]) Кромѣ живыхъ словъ Костомарова въ сѣверныхъ народонравствахъ, къ картинѣ величія Пскова, см. матеріалы: Псковскій Городецъ и Мирожъ и какъ мѣста первыхъ псковскихъ поселеній. Ф. Ушаковъ. Спб. 1902.

бодро шагаютъ по кручамъ. Церкви деревянные переходы на стѣнѣ, звонницы, все это тѣсно сжатое даетъ необыкновенно цѣльное впечатлѣніе.

Можно долго прожить на этомъ мѣстѣ и все будетъ хотѣться еще разъ пройти по двору, уставленному странными пузатыми зданіями краснаго и бѣлаго цвѣта, еще разъ захочется пройти закоулкомъ между ризницей и старой звонницей. Вереницей пройдутъ богомольцы; изъ которой-нибудь церкви будетъ слышаться пѣніе и со всѣхъ сторонъ будетъ чувствоваться вѣковая старина. Особую прелесть Печерамъ придаютъ полувѣрцы,—остатки колонизаціи древней Псковской земли. Какимъ-то чудомъ въ цѣломъ рядѣ поселковъ сохранились свои костюмы, свои обычаи, даже свой говоръ, — очень близкій лифляндскому нарѣчью. Въ праздники женщины грудь увѣшиваютъ наборомъ старинныхъ рублей, крестовъ и брактеатовъ, а середину груди покрываетъ огромная выпуклая серебряная бляха-фибула.

Издали толпа—вся бѣлая: и мужики и бабы въ бѣлыхъ кафтанахъ; рукава и полы оторочены незатѣйливымъ рисункомъ черной тесьмы. Такъ близко отъ насъ, презирающихъ всякую самобытность, еще уцѣлѣла подлинная характерность и нѣсколько сотъ полутемныхъ людей дорожатъ своими особенностями отъ прочихъ.

Часто говорится о старинѣ и въ особенности о старинѣ народной, какъ о пережиткѣ, естественно умирающимъ отъ ядовитыхъ сторонъ неправильно понятой культуры. Но не на смерть еще переѣхалр старину желѣзная дорога, не такъ еще далеко ушли мы и не намъ судить: долго-ли еще можетъ жить старина, пѣсни, костюмы и пляски? Не объ этомъ намъ думать, а прежде всего надо создать здоровую

почву для жизни старины, чтобы въ шагахъ цивилизаціи не уподобиться нѣкоторымъ недавнимъ просвѣтителямъ дикихъ странъ съ ихъ тысячилѣтнею культурой. А много ли дѣлается у насъ въ пользу старины, кромѣ казенныхъ запрещеній разрушать ее?

Поговорите съ духовенствомъ, поговорите съ чиновничествомъ и съ полиціею и вы увидите, какіе люди стоятъ къ старинѣ ближайшими. Вѣдь стыдъ сказать: мѣстная администрація, мѣстныя власти часто понятія не имѣютъ объ окружающей ихъ старинѣ. Не съ гордостью укажутъ они на памятники, близъ которыхъ ихъ бросила судьба и которыми они могутъ наслаждаться; — нѣтъ, они, подобно захудалому мужиченкѣ, будутъ стараться скорѣе отдѣлаться отъ скучныхъ разспросовъ о вещахъ, ихъ пониманію недоступныхъ и карты и сплетни куда важнѣе для нихъ всей старины вмѣстѣ взятой.

Откуда же тутъ возьмется здоровая почва? Откуда сюда придетъ самосознаніе? И мы готовы заговорить хоть поафрикански, лишь бы не подумалъ кто, что свое намъ дороже чужого. Старшее поколѣніе, не имѣя въ рукахъ археологіи русской, которая занимаетъ свое мѣсто лишь за послѣднюю четверть вѣка, мало знаетъ старину; молодежь почему-то считаетъ старину принадлежностью стариковъ. И какъ выйти изъ этого заколдованнаго круга? Какимъ путемъ удастся намъ полюбить старину и понять красоту ея—просто невѣдомо.

Можно подумать, не нужны ли здѣсь еще какія-либо приказанія. Не нужно-ли еще отпуска казенныхъ суммъ?

Предвижу, что археологи скажутъ мнѣ: дайте денегъ, укажите средства, ибо монументальныя сооруженія требуютъ и крупныхъ затратъ. Но не въ деньгахъ дѣло; денегъ на

Руси много; исторія реставраціи Ростовскаго кремля и нѣкоторыхъ другихъ памятниковъ, наконецъ сейчасъ переживаемое нами время ясно свидѣтельствуетъ что если является интересъ и сознаніе—находятся и средства, да и не малыя. Деньги то есть, но интереса мало, мало любви. И покуда археологія будетъ сухо-научною, до тѣхъ поръ, безъ пророчества можно предсказать, отчужденность ея отъ общества, отъ народа.

Картина можетъ быть сдѣлана по всѣмъ правиламъ и перспективы, и анатоміи, и ботаники и все-таки она можетъ вовсе не быть художественнымъ произведеніемъ. Дѣло памятниковъ старины можетъ вестись очень научно, можетъ быть переполнено спеціальнѣйшими терминами со ссылками на тысячетомную литературу и все-таки въ немъ можетъ не быть духа живого и всетаки оно будетъ мертво. Какъ въ картинѣ весь ея смыслъ существованія часто заключается въ какомъ то необъяснимомъ словами тонѣ, въ какой-то неподдающейся формулѣ убѣдительности, такъ и въ художественномъ пониманіи дѣла старины есть много, не укладывающагося въ рѣчи, есть многое, что можно только воспринять чутьемъ. И безъ этого чутья, безъ чувства красоты историческаго пейзажа, безъ пониманія декоративности и конструктивности, всѣ эти разговоры будутъ нелѣпой тарабарщиной.

Не о легкомъ чемъ-то говорится здѣсь. Словъ нѣтъ, трудно не утратить чувства при холодныхъ основахъ знаній; много ли у насъ профессоровъ-наставниковъ, въ которыхъ горитъ огонь живого чувства?.. Часто разъ только рѣчь касается чувства, получается полная разноголосица, но, наученнымъ опытомъ нельзя бояться ея,—всегда изъ массы найдутся, немногіе, которымъ чувство укажетъ правду и на

этой правдѣ закопошится общій интересъ, а за нимъ найдутся и средства и все необходимое.

Безспорно, за эту четверть вѣка много уже сдѣлано для дѣла старины, но еще гораздо больше осталось впереди работы самой тонкой, самой трудной. И не такое дѣло старины, чтобы сдать ее въ археологическія и архивныя комиссіи и справлять тріумфъ ея пышными обѣдами археологическихъ съѣздовъ, да на этомъ и почить.

Все больше и больше около старины накопляется задачъ, рѣшить которыя могутъ не одни ученые, но только въ единеніи съ художниками, зодчими и писателями.

Въ жизни нашей многое сбилось, спутались многія основы. Наше искусство наполнилось самыми извращенными понятіями. И старина, правильно понятая, можетъ быть доброй почвой, не только научной и художественной, но и оплотомъ жизни въ ея ближайшихъ шагахъ.

Я могу ожидать вопросъ: „вы дали неутѣшительную картину дѣла старины русской, но что же вы укажете, какъ ближайшій шагъ къ нравственному исправленію этого сложнаго дѣла“?

Что же мнѣ оставалось бы отвѣтить на такой прямой вопросъ? Отвѣтъ былъ бы очень старый;—пора русскому образованному человѣку узнать и полюбить Русь. Пора людямъ, скучающимъ безъ новыхъ впечатлѣній, заинтересоваться высокимъ и значительнымъ, которому они не съумѣли еще отвести должное мѣсто, что̀ замѣнитъ сѣрые будни, веселою, красивою жизнью.

Пора всѣмъ сочувствующимъ дѣлу старины кричать о ней при всѣхъ случаяхъ, во всей печати указывать на положеніе ея. Пора печатно неумолимо казнить невѣжественность

администраціи и духовенства, стоящихъ къ старинѣ ближайшими. Пора зло высмѣивать сухарей—археологовъ и безчувственныхъ педантовъ. Пора вербовать новыя молодыя силы въ кружки ревнителей старины,—пока, наконецъ, этотъ порывъ не перейдетъ въ національное творческое движеніе, которымъ такъ сильна всегда культурная страна.

1903

КЪ ПРИРОДѢ.

Не такъ давно, въ печати были приведены правдивые слова де-Буалье о новомъ направленіи искусства къ жизни, къ природѣ.

„Насъ утомилъ культъ нереальнаго, абстрактнаго, искусственнаго... И мы вырвались на открытый воздухъ... И у насъ изъ груди исторглись крики восторга и упоенія: какъ хороша природа! какъ красива жизнь! говорилъ де-Буалье.

Дѣйствительно, теперь вездѣ, то тамъ, то тутъ, раздается этотъ возгласъ: „какъ хороша природа“...

Мы отбрасываемъ всякія условности, забываемъ недавнюю необходимость смотрѣть на все чужими глазами и хотимъ стать къ природѣ лицомъ къ лицу, въ этомъ индувидуальномъ стремленіи приближая наше время, вѣрнѣе сказать, близкое будущее къ одной изъ хорошихъ прошлыхъ эпохъ—къ эпохѣ возрожденія.

Художники настоящаго времени горячо стремятся къ передачѣ природы; стараются они взглянуть на природу, на жизнь глазомъ индивидуальнымъ и въ разнообразіи ихъ воззрѣній передаваемая природа начинаетъ жить. Истинное упрощеніе формы (безъ символическаго шаблона и академической утрировки), восхищеніе передъ легкимъ рѣшеніемъ задачи приближенія къ впечатлѣнію природы, прозрачность фактуры,—именно высокая техника, даже незамѣтная въ своей высотѣ, всѣ эти основанія лежатъ въ корнѣ новѣйшихъ художественныхъ стремленій всѣхъ родовъ искусства.

Этимъ стремленіемъ къ природѣ, конечно, не исключается творчество историческое, ибо мы любимъ его, не по стольку, по скольку оно является пріятнымъ патріотическому чувству, поучительнымъ или же иллюстраціей историческаго источника, а оно дорого намъ и цѣнно также потому, что даетъ намъ художественную концепцію несравненно самобытной былой природы и возстановленіе человѣческой личности, несмотря даже на сильную неуравновѣшенность многихъ сторонъ ея, все же можетъ быть полнѣйшей, при большей простотѣ.

Стремленіе къ природѣ, натурализмъ, само собой разумѣется, понимается не только въ широкомъ значеніи въ смыслѣ стремленія вообще къ жизни, но и въ буквальномъ, являющемся непремѣннымъ слѣдствіемъ перваго пониманія, т. е. въ смыслѣ стремленія къ самой канвѣ жизни, стремленія въ природу. Беру первый попавшійся примѣръ. На недавней парижской выставкѣ однимъ изъ любопытныхъ уголковъ ея была швейцарская деревня. Интересно было наблюдать впечатлѣніе, производимое ею на большинство публики; лица какъ-то успокаивались, улыбки дѣлались менѣе искусствен-

ными и напряженными и часто тянулась рука снять шляпу,— это хорошій жестъ! Искренно является онъ только передъ величавымъ, — снимемъ ли мы шляпу передъ старикомъ, въ храмѣ ли или передъ морской тишиной. Раздавались голоса: „и не подумаешь, что въ центрѣ Парижа!“ —„Даже воздухъ словно бы чище кажется“, слышалось на различныхъ нарѣчіяхъ, а вѣдь это была лишь грубая поддѣлка, такъ что подобные отзывы можно было объяснить лишь чрезмѣрною окружающею суетою и усиленнымъ надъ природой насиліемъ.

Сильно въ человѣкѣ безотчетное стремленіе къ природѣ (единственной дорогѣ его жизни); до того сильно это стремленіе, что человѣкъ не гнушается пользоваться жалкими пародіями на природу — садами и даже комнатными растеніями, забывая, что подчасъ онъ бываетъ также смѣшонъ, какъ кто-нибудь, носящій волосъ любимаго человѣка.

Все насъ гонитъ въ природу: и духовное сознаніе, и эстетическія требованія, и тѣло наше — и то ополчилось и толкаетъ къ природѣ, насъ измочалившихся суетою и извѣрившихся. Конечно, какъ передъ всѣмъ естественнымъ и простымъ, часто мы неожиданно упрямимся; вмѣсто шаговъ къ настоящей природѣ, стараемся обмануть себя фальшивыми, нами же самими сдѣланными ея подобіями, но жизнь, въ своей спирали культуры неукоснительно сближаетъ насъ съ перво-источникомъ всего и никогда еще, какъ теперь, не раздавалось столько разнообразныхъ призывовъ къ природѣ.

Парадоксальною должна представляться пресловутая нелюбовь Джона Рескина къ желѣзнымъ дорогамъ. Его требованіе сообразоваться при всякихъ сооруженіяхъ съ окру-

жающимъ пейзажемъ могло казаться страннымъ, но въ этомъ послѣднемъ желаніи нѣтъ ничего излишняго; наоборотъ, теперь оно должно считаться практически необходимымъ и непремѣннымъ условіемъ во всѣхъ проявленіяхъ созидательной работы.

Различные заботы о здоровьѣ природы уже давно признаются насущными; мы разводимъ лѣса, углубляемъ рѣки, удобряемъ землю, предотвращаемъ обвалы, — все это требуетъ усиленной работы и затратъ. Но цѣлесообразное пользованіе пейзажемъ, природою, тоже вѣдь одно изъ существеннѣйшихъ условій ея здоровья и притомъ для выполненія этого условія ничего не надо тратить, не надо трудиться, не надо „дѣлать", надо только наблюдать, чтобы и безъ того дѣлаемое совершалось разумно. И для осуществленія этой задачи прежде всего необходимо сознаніе, что самый тщательный кусокъ натуральнаго пейзажа все же лучше даже вовсе не самаго плохого созданія рукъ человѣка. Всякій клочекъ природы, впервые подвергающійся обработкѣ рукою человѣка, непремѣнно долженъ вызывать чувство, похожее на впечатленіе потери чего-то невозвратимаго.

И надо сказать, что требованія заботливаго отношенія къ природѣ и сохраненія ея характерности нигдѣ не примѣнимо такъ легко, какъ у насъ. Какой свой характеръ могутъ имѣть многія европейскія области? Придать характеръ тому, что его утратило, уже невозможно. А между тѣмъ, что же, какъ не своеобразіе и характерность, цѣнно всегда и во всемъ? Не затронемъ принципа національности, но все же скажемъ, что производства народныя цѣнятся не столько по своей исключительной цѣлесообразности, сколько по ихъ характерности.

Русь только начинаетъ застраиваться. Русь начинаетъ мѣнять первобытное хозяйство на новѣйшее. Русь теперь вводитъ разныя важныя статьи благоустройства; многочисленные ея пункты еще по счастью сохранились дѣвственными и характерными. Ничего тамъ не нужно ни сносить, ни передѣлывать, но лишь наносить и дѣлать, имѣя въ виду никакихъ ни трудовъ, ни денегъ,—нестоющее соображеніе экономіи природой.

Указаніе на многіе дѣвственные мѣста Руси, вовсе не слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что вопросъ экономіи природой у насъ находится въ благополучномъ состояніи. Конечно, у всѣхъ бездна разбросанныхъ по всей будничной жизни примѣровъ холодной жестокости при обращеніи съ природой, жестокости необъяснимой, доходящей до нелѣпости.

Къ сожалѣнію, соображенія бережливаго отношенія къ природѣ нельзя ни навязать, ни внушить насильно, только само оно можетъ незамѣтно войти въ обиходъ каждаго и стать никому снаружи незамѣтнымъ, но непремѣннымъ стимуломъ создателя.

Скажутъ: „Объ этомъ ли еще заботиться? На соображенія ли съ характеромъ природы тратить время, да времени-то и безъ того мало, да средствъ-то и безъ того не хватаетъ“.

Но, опять же и въ третій разъ скажу, ибо вопросъ о расходахъ настолько всегда краеугольный, что даже призракъ его нагоняетъ страхъ, средствъ это никакихъ не стоитъ, а разговоръ о времени и лишнемъ дѣлѣ напоминаетъ человѣка, не полощущаго рта послѣ ѣды по недостатку времени. Вотъ, если будутъ отговариваться прямымъ нежеланіемъ,

стремленіемъ жить, какъ дѣды жили (причемъ сейчасъ же учинятъ что-либо такое, о чемъ дѣды и не помышляли), тогда другое дѣло. Тогда давайте рубить лѣса, класть шпалы по нарочито лучшимъ мѣстамъ, тогда какъ также удобно въ смыслѣ практическомъ, было бы ихъ положить въ сосѣднемъ направленіи; давайте въ Архангельскѣ ставить колонаду, а въ Крыму тесовые срубы; тогда... мало ли что еще можно придумать подходящаго для послѣдняго образа мысли.

Въ то время, когда усиленно начинаютъ искать орнаментъ и настоящій стиль, когда вдумавшись въ памятники древности, поиски за орнаментомъ обращаютъ къ той же окружающей природѣ; когда своеобразность въ человѣкѣ начинаетъ цѣниться несравненно, тогда не заботиться о природѣ, факторѣ этой своеобразности,—грѣшно.

Что бы заботиться о чемъ бы то ни было, надо, конечно, прежде всего, знать этотъ предметъ заботы. Знаемъ ли мы, русскіе, нашу природу? Возьмемъ среднее и принуждены будемъ сказать: „не знаемъ".

„Хотимъ ли мы знать нашу природу?".

„Этого не замѣтно".

„Принято ли у насъ знакомиться съ нашей природой?"

„Нѣтъ не принято".

Послѣ всѣхъ этихъ неблагополучныхъ заключеній, попробуемъ найти смягчающее вину обстоятельство.

„Возможно-ли у насъ ознакомленіе съ природою?„ Отвѣтъ: „съ трудомъ". Правда, послѣдній отвѣтъ умаляетъ тяжесть указанныхъ признаній, но съ другой стороны, вѣдь только спросъ создаетъ предложеніе.

— Почему у васъ такая неприспособленность ко всему?—

спрашиваете вы при случайной остановкѣ на захолустномъ постояломъ дворѣ, раскинутомъ въ превосходнѣйшей мѣстности.—„Кормилецъ, да нешто съ насъ спрашиваетъ кто-нибудь? Нешто кому это надобно? Вотъ ты проѣхалъ, да недѣли двѣ назадъ приказчикъ изъ экономіи со становыми. останавливались, а теперь и невѣдомо, когда гостя дождешься".—„Почему вы не хотите ознакомиться съ внутренними областями?" — спрашиваете любителя путевой жизни. „Да что вы, хотите что ли меня клопамъ на растерзаніе отдать? Или, чтобы цынга у меня сдѣлалась?".

Всегда жалуются обѣ стороны другъ на друга. И теперь, когда всмотритесь во всѣ эти строго организованныя поѣздки подъ всѣми углами и по всѣмъ радіусамъ Европы, то прямо смѣшными становятся наши два-три общепринятыхъ маршрута, отъ нихъ же первые „по Волгѣ„ и по „Черному морю" и полное пренебреженіе ко многимъ остальнымъ, въ самомъ дѣлѣ, прекраснымъ.

И хоть бы что ни говорилось, за исключеніемъ одного процента, всѣ все-таки поѣдутъ по избитымъ путямъ; никакихъ приспособленій для болѣе разнообразныхъ поѣздокъ все-таки сдѣлано не будетъ; никто на пѣшеходные путешествія (столь принятые по Европѣ) не дерзнетъ и все-таки мы будемъ ощущать слишкомъ мало стыда, слыша, что нѣкоторые иностранцы видѣли Россію лучше, нежели исконные ея жители, имѣющіе при томъ возможность такого ознакомленія.

Правда, отъ всякаго смѣльчака, отважившагося отступить отъ традицій и пробраться куда-нибудь въ укромный, обойденный желѣзными путями уголокъ, вы наслышитесь всегда прямо невѣроятныхъ разсказовъ о трудностяхъ пути его (и мнѣ лично приходилось испытывать не мало курье-

зовъ, даже при слѣдованіи довольно обыденнымъ маршрутомъ), но почти безъ исключеній, вторая часть разсказа—впечатлѣніе природы, быта и древности, съ избыткомъ покрываютъ первую. И немудрено!—возьмите любую область. Возьмите суровую Финляндію, съ ея тихими озерами, съ ея гранитами, молчаливыми соснами. Возьмете ли Кивачъ и бодрый сѣверный край. Возьмете ли поэтичную Литву или недавнія твердыни замковъ балтійскихъ—сколько вездѣ своеобразнаго! А Уралъ-то! А протяжныя степи съ отзвуками кочевниковъ! А Кавказъ съ милою патріархальностью еще многихъ племенъ. Да что говорить о такихъ завѣдомо красивыхъ мѣстахъ, когда наши среднія губерніи подчасъ неожиданно даютъ мѣста красоты и характера чрезвычайнаго. Вспомнимъ озерную область—губерніи Псковскую, Новгородскую, Тверскую, съ ихъ окрестностями Валдая, съ ихъ Порховскими, Вышгородами, съ ихъ привольными холмами и зарослями, смотрящими въ причудливые воды озерныя рѣчныя. Какъ много въ нихъ грустной мелодіи русской, но не только грустной и величавой, а и звонкой и плясовой, что гремитъ въ здоровомъ, рудовомъ бору и переливается въ золотыхъ жнивьяхъ.

„О бокъ съ природой стоитъ любопытная жизнь ея обитателей. Сбилась уже эта жизнь; разобраться въ ней уже трудно безъ книжныхъ указаній, но все же для пытливаго уха среди нея всегда зазвучатъ новыя струны и дальнозоркій глазъ всегда усмотритъ новые тона.

Много на Руси истинной природы, надо беречь ее.

„У васъ много своеобразнаго и вашъ долгъ сохранить это“,—твердилъ мнѣ на дняхъ одинъ изъ первыхъ художниковъ Франціи.

Говоря о заботливомъ отношеніи къ природѣ, попутно нельзя не сказать тутъ же двухъ словъ о сохраненіи мѣстъ, уже освященныхъ природою, о сохраненіи историческихъ пейзажей и ансамблей.

О сохраненіи историческихъ памятниковъ теперь, слава Богу, скоро можно уже не говорить, на стражѣ ихъ скоро станутъ многолюдныя организаціи съ лицами просвѣщенными во главѣ. Но мало охранить и возстановить самый памятникъ, очень важно, насколько это въ предѣлахъ возможнаго, не искажать впечатлѣнія его окружающимъ.

Не буду говорить о такихъ мелочахъ, какъ надстройка надъ древней крѣпостной башней, бѣлой отштукатуренной колокольни (кажется въ Порховѣ), но напримѣръ, сооруженіе Большихъ Гостинныхъ Рядовъ въ Москвѣ—дѣло прекрасное, но отступи оно еще дальше отъ Кремля и Лобное Мѣсто не стало бы казаться плевательницей, а Василій Блаженный стоялъ бы много свободнѣе. И поэтому каждый разъ, проѣзжая мимо Рядовъ, невольно бросаешь недовольный взглядъ на нихъ.

Всякое общеніе съ природой какъ-то освящаетъ человѣка, даже если оно выражается въ такой грубой формѣ, какъ охота. Охотникамъ знакомо тягостное чувство при отъѣздѣ изъ природы; охотникъ скорѣй другихъ прислушается въ городѣ къ далекому свистку паровоза и вздохнетъ не о томъ, что лишняя птица остается живою, а почему не онъ уѣзжаетъ въ природу.

Всегда особенно много ожидаешь и при томъ рѣдко въ этомъ ошибаешься, когда встрѣчаешься съ человѣкомъ имѣвшемъ въ юности много настоящаго общенія съ природой, съ человѣкомъ, такъ сказать, вышедшимъ изъ природы и подъ старость возвращающимся къ ней же.

„Изъ земли вышелъ, въ землю уйду".

Слыша о такомъ началѣ и концѣ, всегда предполагаешь, интересную и содержательную середину и рѣдко, какъ я сказалъ, въ этомъ обманываешься.

Иногда бываетъ и такъ, что подъ конецъ жизни человѣкъ неимѣющій возможности уйти въ природу физически, по крайней мѣрѣ, уходитъ въ нее духовно; конечно, это менѣе полно, но все же хорошо заключаетъ прожитую жизнь.

Люди, вышедшіе изъ природы, какъ-то инстинктивно чище и при томъ ужъ не знаю, нашептываетъ ли это мнѣ всегда цѣлесообразная природа, или потому, что они здоровѣе духовно, но они обыкновенно лучше распредѣляютъ свои силы и рѣже придется вамъ спросить вышедшаго изъ природы: зачѣмъ онъ это дѣлаетъ, тогда какъ періодъ данной дѣятельности для него уже миновалъ?

„Бросьте все, уѣзжайте въ природу",—говорятъ человѣку, потерявшему равновѣсіе, физическое или нравственное, но отъ одного его тѣлеснаго присутствія въ природѣ толкъ получится еще очень малый и хорошій результатъ будетъ лишь, если ему удастся слиться съ природой духовно, впитать духовно красоты ея, только тогда природа дастъ просителю силы и здоровую, спокойную энергію.

Тѣмъ и важно, что искусство теперь направляется усиленнымъ ходомъ въ жизнь, въ природу и толкуетъ зрителямъ и слушателямъ разнообразными нарѣчіями красоту ея.

Но нельзя исключить изъ красоты и жизнь внѣ природы.

Пусть города громоздятся другъ на друга, пусть они закутываются пологомъ проволочной паутины, пусть на разныхъ глубинахъ шныряютъ змѣи поѣздовъ, и къ небу ва-

вилонскими башнями несутся стоэтажныя дома. Городъ, выросшій изъ природы, угрожаетъ теперь природѣ; городъ; созданный человѣкомъ, властвуетъ надъ человѣкомъ. Городъ въ его теперешнемъ развитіи уже прямая противоположность природѣ; пусть же онъ и живетъ красотою прямо противоположною, безъ всякихъ обобщительныхъ попытокъ согласить несогласимое. Въ городскихъ нагроможденіяхъ, въ новѣйшихъ линіяхъ архитектурныхъ, въ стройности машинъ, въ жерлѣ правильной печи, въ клубахъ дыма, наконецъ, въ пріемахъ научнаго оздоровленія этихъ, по существу, ядовитыхъ началъ—тоже, своего рода, поэзія, но никакъ не поэзія природы.

И ничего устрашающаго нѣтъ въ контрастѣ красоты городской, и красоты природы. Какъ красивыя контрастные тона вовсе не убиваютъ одинъ другого, а даютъ сильный аккордъ, такъ красота города и природы въ своей противоположности идутъ рука объ руку и обостряя обоюдное впечатлѣніе, даютъ сильную терцію, третьей нотой, которой звучитъ красота „невѣдомаго“.

1901

СПАСЪ НЕРЕДИЦКІЙ.

Синодикъ погибшей старины выростаетъ.

Показали снимокъ незнакомой церкви. „Откуда это?“ „Вотъ вашъ любимый Спасъ въ новомъ видѣ“.

Сдѣлался некрасивымъ чудный Нередицкій Спасъ. Нынче лѣтомъ его передѣлали. Нашли мертвую букву Византіи, отбросили многое, тоже вѣками сложенное.

На пустомъ берегу, звеномъ Новгорода и стараго Городища, Стоялъ Спасъ одинокій. Позднѣйшая звонница, даже ненужный сарайчикъ пристройки, даже рѣдкія ветлы волховскія, все спаялось въ живомъ силуэтѣ. А теперь осталась Новгородская голова на чужихъ плечахъ.

Семь лѣтъ назадъ писалъ я о будущей реставраціи Спаса. Въ 1904 году дошли вѣсти, что Спаса обезглавятъ, и я писалъ: „ужаснутся мужи Новгородскіе, если на любимомъ святочтимомъ Спасѣ засверкаетъ новенькій византійскій котелокъ“.

Кора времени миновала главу; опустилась на плечи. Ободраны милые сѣверу четыре ската крыши; вызваны на свѣтъ уже чуждые намъ полукружные фронтоны. По карнизамъ появились острые сухарики. Откуда они? Зачѣмъ? Кто ихъ навязалъ реставратору, вопреки чутью художника?— Даже карнизикъ барабана главы усѣяли эти ненавистныя острія.

Зачѣмъ полумѣры? Отчего пощадили главу? Почему не перекрыли ее византійскимъ фасономъ? Зачѣмъ не снесли позднюю колокольню?

Если во имя буквы нарушать вѣковую красоту, надо сдѣлать это обстоятельно, во всемъ предѣлѣ изувѣрства. Достанемъ изъ пыли греческій клиръ. Перешьемъ изъ саккоса Адріана, портище Алексѣя Михайловича.

Спѣшите, товарищи, зарисовать, снять, описать красоту нашей старины. Незамѣтно близится конецъ ея. Запечатлѣйте чудесные обломки для будущихъ зданій жизни.

1906

ВОЗСТАНОВЛЕНІЯ.

При министерствѣ внутреннихъ дѣлъ кажется начнетъ засѣдать коммиссія по выработкѣ положенія объ охранѣ памятниковъ старины. Трудное и высокое дѣло—найти формулу защиты лучшихъ словъ бывшей культуры. Нѣкоторые члены коммиссіи могли бы быть прекрасными хранителями старины во всемъ ея художественномъ пониманіи, но удастся ли имъ повліять на коллегальное рѣшеніе и установить почти немыслимую букву закона—весьма неизвѣстно.

Результатомъ трудовъ коммиссіи могутъ быть точные списки памятниковъ старины, прекрасно редактированныя правила, широкіе циркуляры отъ министерства по всѣмъ областямъ и губерніямъ... Но чѣмъ зажжется въ сердцахъ толпы горячее стремленіе оградить красивые останки отъ разрушенія? Какимъ пунктомъ правилъ можетъ быть разъяснено всѣмъ народнымъ массамъ, всѣмъ городскимъ хо-

зяйствамъ, что въ разрушеніи памятниковъ понижается культура страны?

Разойдется коммисія; въ чьихъ же рукахъ останутся прекрасныя правила? Въ чьихъ портфеляхъ потонутъ циркуляры? Въ какихъ шкафахъ будутъ погребены точные и длинные списки старины?

Будетъ ли коммиссіи предоставлено полное право также назвать людей, полезныхъ такому сложному художественному дѣлу?

О памятникахъ старины теперь много пишется. Боюсь, даже не слишкомъ ли много. Какъ бы жалобы на несчастья памятниковъ не сдѣлались обычными! Какъ бы, подъ звуки причитаній, памятники не успѣли развалиться. Правила, правда полезны для охраны старины, особенно сейчасъ, когда многіе остатки древности дошли до роковаго состоянія; но еще нужнѣе наличность людей, наличность настоящей преданности и любви къ дѣлу.

Помню значительное по смыслу засѣданіе Общества Архитекторовъ, посвященное несчастливой реставраціи Нередицкаго Спаса въ Новгородѣ. Помню, какъ оплакавъ Спаса, начали мечтать о возможныхъ правилахъ реставраціи и кончили утвержденіемъ, что каждая реставрація есть своего рода художественное произведеніе. Каждая реставрація требуетъ, кромѣ научной подготовки, чисто творческаго подъема и высокой художественной работы. При этомъ покойный Н. В. Султановъ, человѣкъ большой культурности, выразился совершенно опредѣлснно, что обсуждать реставрацію на основаніи общихъ правилъ нельзя и что каждый отдѣльный случай требуетъ своего особаго обсужденія. Всѣмъ было

ясно, что имѣетъ значеніе не то, какимъ путемъ будутъ обсуждаться реставраціи, но кто именно будетъ это дѣлать.

Словъ нѣтъ, на предметъ обсужденій очень хороша коллегія, Но главное несчастье коллегіи въ томъ, что она безотвѣтственна. Вспомнимъ разныя неожиданности закрытыхъ баллотировокъ; вспомнимъ, какъ никто изъ членовъ не приметъ на себя произошедшей досадной случайности. Процентъ случайностей въ коллегіальныхъ рѣшеніяхъ прямо ужасенъ. Вся отвѣтственность тонетъ въ многоликомъ, многообразномъ существѣ и коллегія расходится, пожимая плечами и разводя руками.

Въ коллегіальныхъ рѣшеніяхъ отсутствуетъ понятіе самое страшное для нашего времени, а именно: отвѣтственность личная, отвѣтственность съ ясными несмываемыми послѣдствіями.

Личная отвѣтственность необходима. Начинателю—первый кнутъ и первая хвала. И можно найти такихъ людей, которые имѣютъ силы и мужество принять высокую отвѣтственность охраны завѣтовъ культуры, памятниковъ старины. Имѣются люди, нужные для разныхъ вѣковъ древности.

Если есть поборники красоты старины, то кто же будетъ ихъ слушать и слушаться?

Какими путями можно проникнуть въ душу „обывателя“, для котораго памятникъ есть только старый хламъ? Какими ключами открывать душу ста милліоновъ людей?

Полные непростительныхъ мечтаній, еще недавно разсказывали мы „повѣсти лирическія“.

Мы говорили: „Россія съ особенною легкостью всегда отказывается отъ прежнихъ завѣтовъ культуры. Пора уже

понять, какое мѣсто занимаетъ старина въ просвѣщенномъ государствѣ. Пусть памятники стоятъ не страшными покойниками, точно изсохшіе останки, никому ненужные, сваленные по угламъ соборныхъ подземелій. Пусть памятники не пугаютъ насъ, но живутъ и вносятъ въ жизнь лучшія стороны прошлыхъ эпохъ. Больно смотрѣть, какъ памятники теряютъ всякую жизненность; любимый, заботливо обставленный дѣдовскій кабинетъ обращается въ пыльную кладовую хлама. Мы почитаемъ близкихъ покойныхъ. Мы, все-таки, заботимся почитать ихъ памятниками; нѣкоторое время мы желаемъ достойно поддержать памятники и все, принадлежавшее нашимъ близкимъ покойнымъ. Неужели неясно, что памятники древности, въ которыхъ собралось все наслѣдіе былой красоты, должны быть еще болѣе близкими и цѣнными въ нашемъ представленіи"?

Если душа семьи еще жива въ насъ, то неужели душа родовая уже умерла совсѣмъ? Неужели все соединяющая, всеобъемлющая душа земли не подскажетъ народамъ значеніе наслѣдства старины? Это не можетъ быть; національнализмъ, правда, не осилилъ задачу значенія древности, но душа земли, болѣе глубокая, нежели духъ націй, имѣетъ силы отстоять свои сокровища,—сокровища земли, пережившей многіе народы.

Не въ сумракѣ темницъ, должны памятники доживать свой вѣкъ; они должны свѣтить всей праздничной жизни народа.

Дайте памятнику то „чистое" мѣсто, которое онъ имѣлъ при созданіи—и къ такому живому музею пойдетъ толпа. При оживленіи памятниковъ, оживутъ и тысячи музейныхъ предметовъ и заговорятъ съ посѣтителями совсѣмъ инымъ

языкомъ; они сдѣлаются живыми частями цѣлаго увлекательнаго и чудеснаго. Не опасаясь педантичной суши, пойдетъ молодежь къ дѣдовскому наслѣдію; полная надежды, заглянетъ она въ чело его и мало въ комъ не шевельнутся прекрасныя чувствованія ранняго дѣтства, потомъ засыпанныя чѣмъ-то очень „нужнымъ“.

Около старины нужны чуткіе люди. Кромѣ учрежденій „археологическихъ“, должны появляться общества друзей старины. Вѣрю, что такія общества народятся скоро.

Городскому Управленію Новгорода, гдѣ есть очень богатые промышленники скажемъ, словами изъ одной моей старой статьи о старинѣ: „добрые люди, не упустите дѣло доходное. Чѣмъ памятникъ сохраннѣе, чѣмъ онъ подлиннѣе—тѣмъ онъ цѣннѣе. Привлеките къ памятнику цѣлые поѣзда любопытствующихъ, Богъ да проститъ васъ, извлекайте изъ памятниковъ выгоду, продавайте ихъ зрѣлища, сдѣлайте доступъ къ нимъ оплаченнымъ. Кормите пришедшихъ во имя древности, поите ихъ во имя старины, зазывайте небылицами, красивыми, украшайте каждое мѣсто легендами (издатели, слушайте!), громоздите эпизоды любовные, устрашайте разсказами жестокими, распаляйте богатствами грабежными, торгуйте, продавайте и радуйтесь!

(Освяти, отче, средство!). Обложите памятники арендами, запирайте отъ проходящихъ затворами, берегите ихъ, честно и крѣпко, какъ бумаги процентныя.

Въ памятникахъ вложены капиталы великіе; въ умѣлой рукѣ въ большомъ барышѣ пойдетъ памятникъ; опасны дѣла торговыя, а памятникъ, что вино, чѣмъ старѣе, тѣмъ цѣннѣе!

Чѣмъ до сердца доходчивѣе, тѣмъ и думайте; но старину сберегите“!

1908

СТРАННЫЙ МУЗЕЙ.

У насъ мало музеевъ, но и изъ нихъ немногихъ большинство поражаетъ странностями. Одинъ изъ самыхъ странныхъ—музей Академіи Художествъ.

Не буду касаться нижняго этажа скульптуры, гдѣ во мракѣ, въ пыли и грязи заперты герои и боги. Скажемъ сейчасъ о картинной галлереѣ.

Неразумный вопрошатель можетъ вообразить, что въ системѣ галлереи Академіи стремится представить русскую школу, хотя бы въ немногихъ главныхъ образцахъ.

Ничуть не бывало. Гдѣ тутъ русская школа, когда въ музеѣ нѣтъ ни Сурикова, ни Куинджи, ни Васнецовыхъ, ни Нестерова, ни Врубеля, ни Рябушкина... Нѣтъ, русская школа тутъ не причемъ.

Можетъ быть, самодовлѣющая „новая“ Академія послѣ старо-профессорскихъ вещей начала собирать картины только

своихъ лучшихъ молодыхъ? Нѣтъ и нѣтъ. Нѣтъ ни Малявина, ни Рущица, ни Сомова, ни Грабаря, ни Кардовскаго...

Даже большинство конкурсныхъ картинъ миновало музей Академіи. Нѣтъ ни формальной основы, ни любви, ни заботы. Въ любой частной коллекціи вещи размѣщаются въ лучшемъ порядкѣ, съ большой заботой освѣщенія и сосѣдства. Ни порядка, ни каталога, ни снимковъ въ музеѣ Академіи; для иностранцевъ даже невѣроятно. Есть только хранители и служители.

Темница искусства доподлинная; къ тому же двѣ трети года закрытая щитами выставокъ. Такое посмѣшище музея надо прекратить. Надо перенести выставки въ иное помѣщеніе; или выстроить его новое въ академическомъ саду, гдѣ кромѣ сторожей и Залемана никого не видно, или лучше, перестроить для этого одинъ изъ корпусовъ квартиръ. И безъ того останутся цѣлые корпуса и этажи квартирные.

Академія справедливо гордится Кушелевской галлереей, но вѣдь это даръ, это чужія труды, чужая преданность искусству. Многимъ ли можетъ гордиться „новая“ Академія среди своихъ собраній?

Строгая система, широкая справедливость, заботливое устройство, примѣрное содержаніе—ничего этого нѣтъ въ музеѣ Академіи. Нѣтъ даже произвола личности, иногда оправдывающаго любительскія собранія.

Впрочемъ, скажутъ, зачѣмъ говорить о ногахъ, когда все туловище Академіи теперь надъ пропастью.

1906.

ГОЛГОѲА ИСКУССТВА.

Странныя легенды живутъ около многихъ музеевъ искусства. Трудно повѣрить, чтобы такъ высока, такъ тяжела была Голгоѳа исканія красоты. Злоба, зависть, двуличіе собираются именно тамъ, гдѣ менѣе всего имъ умѣстно. Что чмъ, темнымъ, художество? Вѣнецъ жизни имъ, темнымъ, долженъ быть далекъ.

Вотъ еще одинъ случай съ музеемъ. Еще разсказъ; его съ недовѣріемъ будутъ передавать будущіе люди.

Уже писалъ про музей княгини М. К. Тенишевой. Многолюбовно составлялось это собраніе. Сколько красивыхъ вещей было спасено отъ гибели и отъ вывоза въ чужія руки.

Наконецъ собраніе перешло границы любительства; явилась возможность перевести его въ систему музея. Утвердилась мысль отдать собранное богатство городу Смоленску.

Первымъ номеромъ музея должна была стать одна изъ башенъ города; одна изъ обреченныкъ на медленную казнь разрушеніемъ. Башня должна была быть укрѣплена и приспособлена внутри; внѣшность должна была остаться неприкосновенной. Удачная мысль!

Городъ не отдалъ башню свою подъ музей. Городъ предпочелъ разрушать каменное ожерелье Смоленска. Идти навстрѣчу вѣчному украшенію края городъ отказался. Говорятъ, запретилъ умный археологъ. Ни одинъ голосъ не поднялся противъ этого запрещенія. Городъ далекъ былъ понять значеніе дара.

Княгинѣ пришлось на своей землѣ за городской чертою выстроить домъ и туда перенести свое хранилище.

Не успѣли разставить музей въ новомъ мѣстѣ, какъ узнали, что власти не отвѣчаютъ за сохранность его.

Неутомимо везетъ княгиня музей въ Парижъ, на-время. Кромѣ заботы сохранить, является мысль показать красоту русскаго искусства тамъ, гдѣ къ нему больше вниманія. Не въ примѣръ нашимъ городамъ, правительство Франціи приглашаетъ княгиню выставить музей въ Луврѣ, въ павильонѣ Marsan. Тамъ онъ и теперь. Успѣхъ музея извѣстенъ. Лучшія изданія, лучшіе люди оцѣнили его.

И тогда, именно тогда Смоленскъ нашелъ время снова выступить противъ своего музея. Нашелся „проникновенный“ смоленскій житель и началъ писать о „разграбленіи“ смоленскихъ ризницъ. Въ такомъ дѣлѣ обвинилъ онъ и княгиню. Именно теперь нашелся человѣкъ пишущій: „еще захочетъ ли городъ принять этотъ даръ“. Да, да—такъ было написано о лицѣ, спасшемъ столько предметовъ искусства отъ гибели.

Какое чудовищное недомысліе! Кошмаръ, приведшій въ ужасъ иностранцевъ. Чего же ждать отъ Россіи?

И городъ не выбросилъ изъ своей среды безумца. Городъ молчаливо согласился и съ этою выходкою. Такъ нашелъ время городъ Смоленскъ отвергнуть щедрый даръ. Даръ, которому всякій культурный центръ отвелъ бы лучшее мѣсто и гордился.

Какъ близка Финляндія. Какъ умѣютъ тамъ цѣнить жертвы искусству. Но не у насъ.

На всякое культурное дѣло мы сумѣемъ навести все темное; тяжелой рукою мы прикроемъ, если что свѣтится.

Паутина трудностей виситъ надъ всякимъ дѣломъ искусства. Я писалъ о собирательствѣ темномъ—собирательствѣ гномовъ, оно идетъ въ норахъ и по всей Руси Изъ свѣтлаго стремленья мы сдѣлали тайное дѣло; мы загнали свѣточи въ глубину подваловъ.

Будетъ день—и горько пожалѣетъ Смоленскъ о потерянномъ дарѣ, И вообразитъ кто-нибудь, не придумалъ ли я этотъ разсказъ.

ОБѢДНѢЛИ МЫ.

Обѣднѣли мы красотою. Изъ жилищъ, изъ утвари, изъ насъ самихъ, изъ задачъ нашихъ ушло все красивое. Крупицы красоты прежнихъ временъ странно остаются въ нашей жизни, и ничто не преображаютъ собою. Даже невѣроятно, но это такъ. И обсуждать это старо.

Умеръ, умеръ великій Панъ!

Полныя мечтами о красотѣ являются груды изданій, живутъ десятилѣтія; на томъ же словѣ и умираютъ. А самодовольное сознаніе наше молчитъ по-прежнему. По-прежнему удивленно-насмѣшливо обозрѣваемъ мы истинныя попытки украшенія жизни и при случаѣ плохо встрѣчаемъ безпокойныхъ искателей. Нескончаемо медленно выростаютъ ряды любителей искусства.

У насъ въ Россіи.

Говорить такъ нелегко. Необходимо почувствовать иное—

безъ ужаса сознанія, что старая Русь по своему художественному смыслу была ближе насъ современному Западу. Необходимо, но можно ли?

Стыдно: въ каменномъ вѣкѣ лучше понимали значеніе украшеній, ихъ оригинальность, безконечное разнообразіе. Не для нашего безразличія расцвѣли красоты восточныхъ искусствъ. Драгоцѣнная струя Возрожденія намъ не ближе пестрой шумихи. Въ хранилищахъ и въ собраніяхъ среди омертвѣлыхъ красивѣйшихъ формъ, и даже не очень давнихъ, приходятъ грустныя мысли. Лучше и не вдумываться въ украшенія древности... Проще сожалѣть далекое, дикое время и кичиться „прогрессомъ". Сколько нелѣпаго иногда въ этомъ словѣ! Что же и требовать съ насъ? Справивъ тысячелѣтіе своего царства, мы еще не научились достойно почтить даже красоту старины; беречь ее хотя бы по значенію историческому, если пути искусства намъ непостижимы.

Трудно добиться въ Россіи толка въ дѣлѣ старины; новые шаги тяжелы тѣмъ непомѣрнѣе.

Для насъ красота — звукъ пустой, непонятный и стыдный; что то неподобающее? Не нужна красота тамъ, гдѣ живетъ великое уныніе нашего времени—всевластная пошлость; гдѣ пошлостью и видятъ и чувствуютъ; гдѣ на все необычное опускаются тысячи рукъ. Не сказать ли примѣры?

Не отъ столицъ ждать красоты. Не отъ ихъ сиротливыхъ музеевъ, не отъ торжищъ искусства.

Все красивое тамъ теперь гость случайный.

Въ этихъ истокахъ грязнится живая вода, а чемъ она нежданная изъ тишины и покоя — отъ самой земли. Вер-

шина и корень. Вѣнецъ и основа засвѣтятъ свѣтъ красоты на гибель серединѣ.

Нужно дѣло. Новые шаги, подвиги нужны, какъ бы затруднены они не были.

Послѣднее время и у насъ есть попытки пробить свѣжіе родники. И всѣ поновители нашей жизни достойны великой чести. Уже нѣсколько лѣтъ наблюдаю такой родникъ. Какъ и должно быть въ живомъ дѣлѣ, въ немъ нѣтъ подневольныхъ путей. Почтена старина лучшимъ вниманіемъ: въ ней найдена живая сила—сила красоты, идущей къ новизнѣ и основы, которой соткали для кристалловъ вѣкового орнамента всѣ царства природы: звѣри, птицы, камни, цвѣты... Сколько очаровательныхъ красокъ, сколько новыхъ неизсякаемыхъ линій!

Украшателю жизни не матеріала искать: искать чистому мысли, непосредственность взгляда и проникновенія въ благородство старыхъ формъ?

И далеко должно быть вдохновляемое примѣромъ старины, отъ разврата стиля, по близорукости нашей часто называемаго „новымъ".

Въ родникѣ—о немъ думаю—работаютъ друзья искусства, полные лучшими мыслями.

Приходили къ нему и достойнѣйшіе нами художники. И Врубель, тончайшій мастеръ, приходилъ къ нему; былъ у него и Малютинъ и Стеллецкій и другіе, интересные. Близки ему работы покойныхъ художницъ Полѣновой и Якунчиковой. Создаетъ родникъ и новыя силы; имъ крѣпнутъ и Зиновьевъ и Бекетовъ; талантливая молодежь. Борщевскій, оказавшій такую услугу друзьямъ старины русской своими снимками и

такъ мало отмѣченный нашимъ офиціальнымъ искусствомъ нашелъ въ родникѣ достойную оцѣнку.

Такое дѣло радуетъ.

Въ Кривичахъ Смоленскихъ на великомъ пути въ Греки этотъ родникъ. Тамъ многое своеобычно. Дѣло широко открыто всему одаренному, всѣмъ хорошимъ поискамъ. Слышатся тамъ рѣчи не только про любимцевъ минуты, но и про многихъ другихъ, чьи имена случайно сейчасъ не на гребнѣ волны. Княгиня Тенишева, Марія Клавдіевна стремится истово ставить дѣло въ своемъ Талашкинѣ подъ Смоленскомъ. Отъ близости такого центра художества обновляется интересъ и къ самому старому городу Смоленску.

Покойный Сизовъ, давній другъ Талашкина, всегда отзывчивый и живой, хорошо сказалъ мнѣ про начало движенія. Редакторъ „Міра Искусства“, С. П. Дягилевъ, сообщая объ издѣліяхъ мастерскихъ княгини, чутко отмѣтилъ свое впечатлѣніе. „У Талашкина есть будущее“, еще недавно говорилъ мнѣ М. В. Нестеровъ.

Главное: нѣтъ въ Талашкинѣ тягости заклятаго круга. Пусть неизбѣгнуты иныя увлеченія, даже отвлеченія: они всегда въ искусствѣ; но чувствуется насколько дѣло гибко, насколько способно принять все достойное, перебродить въ немъ и рости.

Искренняя любовь къ искусству должна быть, чтобы поднять и установить такое художественное хозяйство.

Устройство мастерскихъ, школъ и музея сложно и хлопотливо. Такая любовь есть у Маріи Клавдіевны. Долгое время она жила въ искусствѣ. Удалось ей уже нѣсколько крупныхъ задачъ.

Въ Русскомъ Музеѣ въ Петербургѣ ея отдѣлъ акварели русской. Только благодаря заботамъ княгини Музей не остался самодовольно чуждымъ такимъ художникамъ, какъ Врубель, Сомовъ и цѣлый рядъ превосходныхъ финляндцевъ. Хорошее собраніе; оно постоянно растетъ новыми покупками. Но мысль первоначальная была еще полнѣе; думалось о цѣломъ собраніи образцовъ всей исторіи акварельной живописи Запада. Думалось и осуществилось уже это, но задача оказалась не по силамъ обширна уставу Музея. И распалась мысль о широко сложенномъ и нужномъ столицѣ трудѣ.

Первая помогла княгини появленію „Міра Искусства“. Сколько заботы было объ удобствѣ творчества многихъ художниковъ.

Наконецъ, теперь окончено собраніе великолѣпнаго музея художественно-прикладного и этнографическаго. И опять музей отдается на общее пользованіе. Радость будетъ Смоленску. Музей изъ Талашкина уже перенесенъ въ городъ. Многія отличныя вещи заботливо собраны въ немъ. Замѣчательны и шитье, и рѣзьба, иконы, и скань, и металлъ. Объединяетъ ихъ личный вкусъ, не только буква науки; субъективная основа всегда даетъ отпечатокъ уюта собраніямъ. Между старинными вещами займутъ должное мѣсто работы новѣйшихъ мастеровъ, несравненныя уники Лялика, Фаллиза, Галлэ, Колонна, Тиффани и другихъ безподобныхъ. Конечно, Смоленскъ уже покосился на дѣло и

предпочелъ выгребать песокъ изъ-подъ стѣнъ и башенъ, изъ-подъ своего знаменитаго ожерелья, но сохранить одну изъ нихъ для музея—оказалось негожимъ. Случилось это къ добру. Крѣпче Музею стоять на своемъ дворѣ за яснымъ уставомъ — обороною отъ всякихъ случайностей нашей „культуры".

Безъ устали поднять столько дѣлъ, дорогихъ искусству, по нашему времени просто небывало; можно только особою склонностью къ искусству и многолѣтнею подготовкой. И вотъ, когда видишь въ Талашкинѣ радость и отъ курганной эмали, и отъ гребня Лялика, отъ новѣйшаго образца переплета, отъ миніатюры, отъ лиможей и клуазоннэ, отъ рѣзного складня, отъ шитья убора — отъ самыхъ разныхъ красивыхъ вещей, внутренно радуешься за самое дѣло.

Значитъ, оно жизнеспособно.

Въ Талашкинѣ неожиданно переплелись широкая хозяйственность съ произволомъ художества; усадебный домъ—съ узорчатыми теремками; старописный уставъ—съ послѣдними рѣчами Запада. Многое непримиримо. И въ непримиримости этой особый пульсъ, который выявляетъ нашу многогранную жизнь.

Этотъ пульсъ во всѣхъ силахъ Талашкина. Особый укладъ получаетъ и сельскохозяйственная школа, и художественныя мастерскія. Въ ученикахъ и молодыхъ мастерахъ пробуждается пытливый взглядъ. На окрестное населеніе,

всегда близкое художественному движенію Талашкина, ложится вѣчная печать вѣчнаго смысла жизни. Тысячи окрестныхъ работницъ и работниковъ идутъ къ Талашкину— для цѣлой округи значеніе огромное; такъ протянулась безконечная паутина лучшаго заживленія.

У священнаго очага, вдали отъ городской заразы, творитъ народъ вновь обдуманные предметы, безъ рабскаго угодства, безъ фабричнаго клейма, творитъ любовно и досужно. Снова вспоминаются завѣты дѣдовъ и красота и прочность старинной работы. Въ молодежи зарождаются новыя потребности и крѣпутъ яснымъ примѣромъ. Некогда бѣжать въ винную лавку; и безъ нея вѣрится празднику, когда кругомъ открывается столько истинно занятнаго, столько уносящаго отъ будней.

Самъ Микула выарываетъ изъ земли красоту жизни. Запечатлѣется красота въ укладѣ деревни и передается мнокимъ поколѣніямъ. Опять всѣ мелочи дѣланія можетъ порыть сознаніе чистаго и хорошаго. Опять можетъ открыться многое за всякою тяготою.

Вѣдь это намъ нужно. Отъ большой жизни искусства, отъ новѣйшихъ и сильныхъ кружковъ до захолустья деревни — вездѣ нужна почва желанья и стремленья. А препятствій безъ числа.

Мечты о ясномъ подходѣ къ явленіямъ жизни, рожденнымъ тайнами природы, безсознательно, какъ природа, красивы и бездонно велики смысломъ красоты. Чтобы увидѣть, надо омыть глаза чистымъ искусствомъ, безъ ученій, безъ границъ и условнаго. Увидѣвшій не вернется болѣе къ обыденному.

Присматриваюсь къ Талашкину.

Видно, душевною потребностью, сознаніемъ твердой и прочной почвы двинулось дѣло талашкинскихъ школъ и музея.

Послѣ знакомства съ творческими путями лучшихъ мастеровъ всѣхъ временъ, послѣ юбилейныхъ сроковъ ученья Рескина, смѣшно говоритъ о достоинствѣ техники при развитомъ творчествѣ. Но у насъ, гдѣ промышленникъ и художникъ разъединены такъ часто; гдѣ само соединеніе этихъ словъ безконечно слогами и темно значеніемъ; у насъ, гдѣ носящіе этотъ длинный титулъ множатся, но имена свои въ исторіи искусства почти не заносятъ,—у насъ еще можно хвалить сознательное творчество въ прикладной техникѣ. Въ этомъ же можно хвалить и Талашкино.

Въ немъ нѣтъ таинства строгихъ авгуровъ. Всѣ дали искусства видны работникамъ мастерскихъ. Домовитый очагъ, полный вниманія къ лучшимъ современнымъ изданіямъ, къ работамъ новыхъ художниковъ, къ трепету спора выставокъ — всѣмъ близокъ. При выполненіи избраннаго мастерство у всякаго ученика составляется свое Святая Святыхъ: альбомы, пробы, копіи и сочиненія. Этимъ самымъ, помимо природныхъ способностей вышивальщицъ и рѣзчиковъ, въ работахъ учениковъ чувствуется часто творецъ техникм, понимающій и оцѣнившій качества своего матеріала. Слышатъ ученики объ единеніи ремесла и творчества не устно только, но ведутъ ихъ къ этому сознанію и дѣломъ. Княгиня сама примѣняетъ орнаментъ, въ разныхъ матеріалахъ, подавая примѣръ. Художники, бывавшіе въ мастерскихъ, тоже не

остаются чуждыми разнымъ производствамъ. А ученики въ работѣ технической помнятъ о творчествѣ. И замѣтно, что для нихъ работа не бездушна идеаломъ, „безъ сучка и задоринки“, но близко сознательна въ самихъ мелочахъ и случайностяхъ, повышающихъ предметы искусства. Работа съ натуры ведетъ ихъ къ тому же.

Смягчилась ступень высшихъ и низшихъ. Ясно ученикамъ, что прежде всего и дороже—искра художника и только изъ нея идетъ истинное совершенство техники. Много недоразумѣній на этой почвѣ. То же самое, казалось бы всѣмъ извѣстное, вспоминаю, говорилъ мнѣ и А. И. Куинджи, тотъ самый А. И. Куинджи, котораго почему-то не хотѣли понять и считаютъ врагомъ „прикладного“ искусства. А онъ, какъ художникъ, конечно, слишкомъ высоко ставитъ творчество, чтобы допустить клеймо ремесла.

Творческую сторону дѣла, несомнѣнно, предпочитаетъ требованія изъ магазина о повтореніи проданныхъ предметовъ и клягиня Марія Клавдіевна. Вмѣсто отвѣта не многія она находитъ единственно вѣрнымъ давать вещи въ новыхъ рисункахъ. Сама обстановка дѣла со сбытомъ въ магазинѣ не можетъ удовлетворить ее и она ищетъ болѣе подходящія условія выставки издѣлій. Такая боязнь опошленія тоже хорошій залогъ. Въ стремленіи къ совершенству и разнообразію ученикамъ дается прочное огражденіе отъ будущихъ искусовъ жизни.

Съ годами добромъ помянутъ вышедшіе изъ Талашкина свое школьное время.

. . . . . .

Рядъ острыхъ воспоминаній.

Фигурные, звѣринаго и цвѣточнаго рисунка, ворота и

столбы. Сказочные теремки. Вышиванья. Чаща узоровъ: острые «городки», пухлая «настебка», узорно-прозрачная «рѣдинка», «наборъ Москва», «строчка», «кресты»... Сукманина, рѣдно-дерюга, бранина, нацѣпина...—ткани простыя, на глазъ бархатистыя, мягкія. Красильня съ таинствомъ красокъ; пучки травы и кореньевъ; древняя старуха мордовка въ стародавнемъ нарядѣ, вѣдунья состава прочныхъ цвѣтовъ.

Хоры. Музыка. Событіе деревни—театръ. И театръ затѣйный. Вспоминаю приготовленія къ «Сказкѣ о семи богатыряхъ». Мнѣ, заѣзжему, виденъ весь муравейникъ. Пишется музыка. Укладывается текстъ. Сколько хлопотни за костюмами; сдѣланные заново должны быть хороши, подъ стать старымъ, взятымъ изъ музея. Постановка. Танцы. И не узнать учениковъ. Какъ бѣгутъ послѣ работы отъ верстака, отъ косы и граблей къ стариннымъ уборамъ; какъ стараются «сказать»; какъ двигаются въ танцахъ, играютъ въ оркестрѣ. Съ неохотой встрѣчаютъ ночь и конецъ.

Прошлымъ лѣтомъ любовался такимъ представленіемъ. Былъ участникомъ шумной радости.

Видѣлъ и начало храма этой жизни. До конца ему еще далеко. Приносятъ къ нему все лучшее. Въ этой постройкѣ могутъ счастливо претвориться чудотворныя наслѣднія старой Руси, съ ея великимъ чутьемъ украшенія. И безумный розмахъ рисунка наружныхъ стѣнъ собора Юрьева-Польскаго, и фантасмагорія храмовъ Ростовскихъ и Ярославскихъ, и внушительность Пророковъ Новгородской Софіи,—все наше сокровище Божества не должно быть забыто. Даже храмы Аджанты и Лхассы. Пусть протекаютъ годы въ спокойной работѣ. Пусть она возможно полнѣй воплотитъ завѣты красотъ.

Гдѣ желать вершину красоты, какъ не въ храмѣ, высочайшемъ созданіи нашего духа?

Удивляются успѣху Талашкина. Удивляются, почему быстро расходятся издѣлія его мастерскихъ? Но это проломы въ плотномъ строѣ прошлости, и даютъ они надежды на будущее. Недаромъ заграницей оцѣниваютъ достоинства дѣла княгини Тенишевой и съ доброжелательствомъ говорятъ о немъ. Недаромъ молодежь полна желаній примѣнить силы свои въ такомъ дѣлѣ. Въ стремленіи молодежи всегда звучитъ хорошее, не задавленное предубѣжденіемъ возраста.

Говоря о дѣлѣ сейчасъ, приходится только сказать о развитіи его въ случайной минутѣ. Трудно предугадать, какъ шагнетъ дѣло, какіе заторы его ожидаютъ и какой слѣдъ оставитъ оно въ русской жизни. Можно только догадываться, что будущее его можетъ быть такъ же примѣчательно, какъ и начало. И корни дѣла не такъ недалеки отъ «единства» стиля, въ стремленіи молодого Запада. Различіе подхода не заслонитъ цѣли—торжества строгой формы и линіи и сліянія съ «единымъ» западнымъ стилемъ, не въ слѣпомъ подражаніи ему, а въ единствѣ глубинъ красоты.

Считаютъ издѣлія Талашкина безупречными. Другіе отрицаютъ ихъ, забывая, что одно изъ главныхъ достоинствъ творчества Талашкина—отсутствіе скучной заключительной точки.

Много спора, какъ и обо всемъ, что не уложилось въ обмѣренныя рамки.

О характерѣ издѣлій Талашкина говорятъ разно. Называютъ этотъ стиль новымъ, измышленнымъ, непримѣнимымъ. Говорятъ, что это прямое преемство отъ старорусскихъ завѣтовъ. Находятъ въ немъ путь къ обновленію всей русской обстановки обихода. Видятъ его чуть ли не достояніемъ народнымъ. Упрекаютъ за грубость матеріала и техники; обвиняютъ въ этомъ Малютина... Не знаю, что вѣрнѣй. Не хочу и думать объ этомъ. Эта дума ненужная. Она никому не поможетъ, ни пользующимъ, ни творящимъ. Такими думами только закрѣпляются рамки вокругъ дѣла, свободнаго по существу. Вышивкамъ крестьянокъ, полнымъ пріятнѣйшихъ, растительнѣйшихъ красокъ и завѣтныхъ стежковъ и узоровъ, кристализованныхъ вѣками; сочной рѣзьбѣ и гончарству въ удачныхъ вещахъ — нѣтъ дѣла, кому они будутъ служить и какъ; безразлично имъ, чей глазъ ласкать и покоить.

Лишь бы росли и развивались такія дѣла. Лишь бы тѣмъ самымъ искусство становилось намъ болѣе нужнымъ.

Усмѣхаемся горько; «нисколько не возбраняется презирать искусство. Любить его никто не обязанъ... Справедливо мнѣніе, что искусство ничего не требуетъ отъ правительства кромѣ того, что требовалъ у Александра Діогенъ: посторонись, не заслоняй мнѣ солнца". Эта скромная просьба искусства обращена и къ толпѣ, къ академіямъ, часто къ критикѣ и ко многимъ художникамъ.

Конечно, въ настоящее время, а можетъ быть, и въ ближайшіе дни искусство будетъ особенно далекимъ отъ насъ, заслоненное другими событіями жизни. Можетъ быть, еще никогда русская мысль не удалялась такъ отъ искусства,

какъ сейчасъ. Но тѣмъ пріятнѣе въ эти дни мечтать объ искусствѣ. Пріятно сознать, что, можетъ быть, хотя бы путемъ временнаго удаленія, мы ближе подойдемъ къ нему, къ его жизненной сущности. Можетъ быть... И глаза наши, полузакрытые, откроются на многое вѣчное.

Къ этому времени нужна работа. Нужны усилія не только отдѣльныхъ личностей, лишенныхъ ли дѣла, уходящихъ ли «въ горы», подавленныхъ ли въ своихъ лучшихъ стремленіяхъ. Нужны явленія сильныя, съ широкимъ размахомъ. Такое и дѣло княгини Тенишевой, крѣпкое въ неожиданномъ единеніи земляного нутра и лучшихъ словъ культуры.

Въ сторонѣ отъ центровъ, внѣ барышей и разсчетовъ творится большое, хорошее, красивое.

Такъ вспоминается Талашкино.

1905.

РАДОСТЬ ИСКУССТВУ.

I.

Наше искусство очистимъ-ли? Что возьмемъ? Куда обратимся? — Къ новымъ ли перетолкованіямъ классицизма? Или сойдемъ до античныхъ первоисточниковъ? Или углубимся въ бездны примитизма? Или искусство наше найдетъ новый свѣтлый путь „нео-національнзма“, овѣянный священными травами Индіи, крѣпкій чарами финскими, высокій взлетами мысли такъ называемаго „славянства“? Сейчасъ еще не остановлюсь на можетъ быть загадачномъ словѣ „нео-національнзмъ“. Нужны дѣла,—еще рано писать манифестъ этому слову. Всѣхъ насъ безконечно волнуетъ—откуда придетъ радость будущаго искусства? Радость искусства—о ней мы забыли—идетъ. Въ послѣднихъ исканіяхъ мы чувствуемъ шаги этой радости.

Среди достиженій выдвигается одно счастливое явленіе. Съ особенной остротою выростаетъ сознаніе о настоящей украшаемости „декоративности“. О декоративности, какъ

единственномъ пути и началѣ настоящаго искусства. Такимъ образомъ опять очищается мысль о назначеніи искусства—*украшать*. Украшать жизнь такъ, чтобы художникъ и зритель, мастеръ и пользующійся объединялись экстазомъ творчества и хоть на мгновеніе ликовали чистѣйшею радостью искусства.

Можно мечтать, что именно исканіями нашего времени будутъ отброшены мертвые придатки искусства, навязанные ему въ прошломъ вѣкѣ. Въ массахъ слово *украшать* будто получаетъ опять обновленное значеніе. Изъ порабощеннаго, служащаго искусство вновь можетъ обратиться въ перваго двигателя всей жизни.

Драгоцѣнно то, что культурная часть общества именно теперь особенно настойчиво стремится узнавать прошлое искусства. И, погружаясь въ лучшіе родники творчества, общество вновь пойметъ все великое значеніе слова „*украшать*“. Въ огнѣ желаній радости—залогъ будущихъ яркихъ достиженій. Достиженія эти сольются въ апоѳеозѣ какого-то новаго стиля, сейчасъ немыслимаго. Этотъ стиль дастъ какую-то эпоху, намъ совершенно невѣдомую. Эпоху по глубинѣ радости, конечно, близкую первымъ лучшимъ началамъ искусства. Машины будущаго—искусству не страшны. Цвѣты не расцвѣтаютъ на льдахъ и на камнѣ. Для того, чтобы сковалась стройная эпоха творчества, нужно, чтобы вслѣдъ за художниками все общество приняло участіе въ постройкѣ храма. Не холодными зрителями должны быть всѣ люди, но сотрудниками работы. Такое мысленное творчество освятитъ всѣ проявленія жизни и будетъ тѣмъ цѣннымъ покровомъ холодныхъ камней, безъ котораго корни цвѣтовъ высыхаютъ.

Пусть будетъ такъ, пусть всѣ опять научатся радости.

Судьба обращаетъ насъ къ началамъ искусства. Всѣмъ хочется заглянуть вглубь, туда, гдѣ сумракъ прошлаго озаряется сверканьемъ истинныхъ украшеній. Украшеній, повторенныхъ много разъ въ разные времена, то роскошныхъ, то скромныхъ и великихъ только чистотою мысли, ихъ создавшей.

Счастливое прошлое есть у всякой страны, есть у всякаго мѣста. Радость искусства была суждена всѣмъ. Съ любой точки земли человѣкъ могъ къ красотѣ прикасаться.

Не будемъ слишкомъ долго говорить о томъ, почему мы сейчасъ почти разучились радоваться искусству. Не будемъ слишкомъ мечтать о тѣхъ дворцахъ свѣта и красоты, гдѣ искусство сдѣлается дѣйствительно нужнымъ. Теперь мы должны посмотрѣть, когда именно бывала радость искусства и на нашихъ земляхъ. Для будущаго строительства эти старыя вѣхи сдѣлаются опять нужными.

Не останавливаясь на обычныхъ историческихъ станціяхъ, мы пройдемъ, поступью любителя, къ началамъ искусства. Пройдемъ не къ позднѣйшимъ отраженіямъ, а туда— къ дѣйствительнымъ началамъ. Посмотримъ, насколько эти начала близки нашей душѣ. Попробуемъ рѣшить, если бы мы, такіе какъ мы есть, могли перемѣститься въ разные далекіе вѣка, то насколько бы мы почувствовали себя близкими въ нихъ бывшему искусству. Геніальныхъ дѣтей или мудрецовъ можемъ мы увидѣть? Не будемъ описывать отдѣльныхъ предметовъ; не будемъ ихъ измѣрять и объяснять. Такія навязанныя измѣренія могутъ обидѣть ихъ прежнихъ авторовъ и владѣльцевъ.

Сейчасъ намъ нужно намѣтить главныя вѣхи радости

искусства. Не измѣреніе, а впечатлѣніе нужно въ искусствѣ. Безъ боязни преемственности, строго сохранимъ принципъ, что красивое, замѣчательное, благородное всегда такимъ и останется, не смотря ни на что. Клевета не страшна. Согласимся отбросить все узко-національное. Оставимъ зипуны и мурмолки. Кромѣ балагана, кромѣ привязанныхъ бородъ и переодѣваній, вспомнимъ, была-ли красота въ той жизни, которая протекала именно по нашимъ территоріямъ.

Намъ есть что вспомнить, цѣнное въ глазахъ всего міра.

Мнимуемъ отступленія и заблужденія въ искусствѣ, которыми полно еще недавнее прошлое. Многое постороннее, что успѣло въ силу нехудожественнаго принципа войти въ искусство, нужно съумѣть забыть поскорѣе. Желая радоваться, мы не должны останавливаться на порицаніяхъ. И безъ того, когда говорятъ о современномъ искусствѣ, то больше обращаютъ вниманіе не темныя, нежели на радостныя стороны дѣла. Въ чрезмѣрныхъ занятіяхъ порицаніями чувствуется молодость Россіи. Въ то время, какъ Западъ спѣшитъ мимо маловажныхъ вещей къ замѣчательному, мы особенно усидчиво остаемся передъ тѣмъ, что намъ почему-либо не нравится. При этомъ „почему-либо“ выходитъ за всякіе возможные предѣлы, и слишкомъ часто мы легкомысленно говоримъ о личностяхъ, тѣмъ самымъ попирая дѣло. Въ такомъ проявленіи молодости никто, конечно, не сознается, но фактъ остается непреложнымъ: для сознанія значенія и полезности намъ все еще необходима утрата. Одинъ изъ послѣднихъ ужасающихъ примѣровъ: Врубель, избранный академикомъ только послѣ слѣпоты для малопризнанный критикой, пока болѣзнь не остановила ростъ его искусства. Сами того не замѣчая,

многіе слишкомъ думаютъ о томъ, какъ бы уничтожить, а не о томъ, какъ создать. Поспѣшимъ къ радостямъ искусства.

Поспѣшимъ въ трогательные тридцатые годы. Мысленно полюбуемся на прекрасные, благородные расцвѣты Александровскаго времени. Восхитимся пышнымъ, истинно декоративнымъ блескомъ времени Екатерины и Елизаветы. Изумимся непостижимымъ совмѣщаніямъ Петровской эпохи. По счастью, отъ этихъ временъ сохранилось еще очень многое, и они легче другихъ доступны для изученій и наблюденій. Сейчасъ мы имѣемъ такихъ исключительныхъ выразителей этихъ эпохъ. Пройдемъ же туда, гдѣ еще такъ недавно искусство считалось только порабощеннымъ. скромнымъ служителемъ церкви.

Думая о старинѣ мы должны помнить. что настоящее пониманіе допетровской Руси испорчено. Чтобы вынести оттуда не пѣтушиный стиль, чтобы не вспомнить только о дугѣ и рукавицахъ, надо брать одни первоисточники. Всѣ перетолкованія прошлаго вѣка должны быть забыты. Церковь и домъ сѣвернаго края мы должны взять не изъ чертежа профессора, а изъ натуры, можетъ быть даже скорѣе изъ скромнаго этюда ученика, который не рѣшился „по своему“ исправить своеобразное выраженіе старины. Богатство царскихъ покоевъ, не изъ акварелей Солнцева, а только мысленно перенося въ жизнь сокровища Оружейной Палаты. Если сейчасъ мы вспомнимъ архитектурный музей Академіи Художествъ, то ужаснемся, по какимъ образцамъ ученики вынуждены узнавать интересное прошлое и чѣмъ эти образцы и теперь пополняются. Сознаемся, что въ допетровской Руси среди драгоцѣнностей, одеждъ, тканей и оружія

много европейской красоты. Все зто настоящимъ способомъ декоративно.

Какъ магически декоративны Чудотворныя лики! Какое постиженіе строгой силуэтности и чувство мѣры въ стѣсненныхъ фонахъ. Ликъ-грозный, Ликъ-благостный, Ликъ-радостный, Ликъ-печальный, Ликъ-милостивый, Ликъ-всемогущій.

Все тотъ же Ликъ спокойный чертами, бездонный красками, великій впечатлѣніями,—Чудотворный.

Только недавно осмѣлились взглянуть на иконы, не нарушая ихъ значенія, со стороны чистѣйшей красоты; только недавно разсмотрѣли въ иконахъ и стѣнописяхъ не грубыя, неумѣлыя изображенія, а великое декоративное чутье, овладѣвавшее даже огромными плоскостями. Можетъ быть, даже безсознательно авторы фресокъ пришли къ чудесной декораціи. Близость этихъ композиціи къ настоящей декоративности мы мало еще умѣемъ различать, хотя и любимъ изслѣдовать черты, и детали, и завитки орнамента старинной работы. Какой холодъ наполняетъ часто эти изслѣдованія! Иногда, слушая разсужденія такъ называемыхъ „спеціалистовъ“ даже желаешь гибели самихъ неповинныхъ прекрасныхъ предметовъ; если они могли вызвать такія противохудожественныя сужденія, то пусть лучше погибнутъ.

Въ яркихъ стѣнныхъ покрытіяхъ храмовъ Ярославля и Ростова какая смѣлость красочныхъ выраженій!

Осмотритесь въ храмѣ Ивана Предтечи въ Ярославлѣ. Какія чудеснѣйшія краски васъ окружаютъ! Какъ смѣло сочетались лазоревые воздушнѣйшіе тона съ красивой охрой! Какъ легка изумрудно-сѣрая зелень и какъ у мѣста на ней красноватыя и коричневатыя одежды! По тепловатому свѣт-

лому фону летятъ грозные архангелы съ густыми желтыми. сіяніями, и бѣлые ихъ хитоны чуть холоднѣе фона. Нигдѣ не безпокоитъ глазъ золото, вѣнчики свѣтятся одною охрою. Стѣны эти—тончайшая шелковистая ткань, достойная одѣвать великій Домъ Предтечи!

Или вспомните тепловатый побѣдный тонъ церкви Ильи Пророка! Или, наконецъ, перенеситесь въ лабиринтъ ростовскихъ переходовъ, гдѣ каждая открытая дверка поражаетъ васъ неожиданнымъ стройнымъ аккордомъ красокъ. Или на пепельно-бѣлыхъ стѣнахъ сквозятъ чуть видными тонами образы; или пышетъ на васъ жаръ коричневыхъ и раскаленно-красныхъ тоновъ; или успокаиваетъ задумчивая синяя-празелень; или какъ бы суровымъ словомъ канона останавливаетъ васъ сѣрыми тѣнями образъ, залитый охрой.

Вы вѣрите, что это такъ должно было быть, что сдѣлалось это не случайно; и кажется вамъ, что и вы не случайно зашли въ этотъ Домъ Божій, и что это красота еще много разъ будетъ нужна намъ въ вашей будущей жизни.

Писались эти прекрасныя вещи не какъ-нибудь зря, а такъ, чтобы „предстоящимъ мнѣти бы на небеси стояти предъ лицы самихъ первообразныхъ. Главное въ томъ, что работа дѣлалась „лѣпо, честно, съ достойнымъ украшеніемъ, приличнымъ разборомъ художества".

Писали Иверскую икону; обливали доску святою водою; съ великимъ дерзновеніемъ служили Божественную литургію, мѣшали св. воду и св. мощи съ красками; живописецъ только по субботамъ и воскресеньямъ получалъ пищу; великъ экстазъ созданія древней иконы и счастье, когда выпадалъ онъ на долю природнаго художника, понявшаго красоту вѣкового образа.

Прекрасные завѣты великихъ итальянцевъ въ чистодекоративной перефразѣ слышатся въ работѣ русскихъ артелей; татарщина внесла въ русскую кисть капризность Востока. Горестно, когда многіе слѣды стараго творчества поновляются не по драгоцѣннымъ преданіямъ.

Въ царскомъ періодѣ Руси мы ясно видимъ чистую декоративность. Строительство въ храмахъ, палатахъ и частныхъ домикахъ даетъ прекрасные образцы пониманія пропорцій и чувства мѣры въ украшеніяхъ. Здѣсь спорить не о чемъ!

Безконечно изумляешься благородству искусства и быта Новгорода и Пскова, выросшихъ на „великомъ пути“, напитавшихся лучшими соками ганзейской культуры. Голова льва на монетахъ Новгорода, такъ схожая со львомъ св. Марка, не была ли мечтою о далекой царицѣ морей—Венеціи? (Символика монетныхъ изображеній дастъ еще большія неожиданности. Нумизматика тоже ждетъ своего художники). Когда вы вспоминаете расписные фасады старыхъ ганзейскихъ городовъ, не кажется ли вамъ, что и бѣлыя строенія Новгорода могли быть украшены забавною росписью?

Великій Новгородъ, мудрый безпредѣльными набѣгами своей вольницы, скрылъ сейчасъ отъ случайнаго прохожаго свой прежній ликъ, но на представленіи о славѣ новгородской не лежитъ никакихъ темныхъ пятенъ. Представленіе о Новгородѣ далеко отъ тѣхъ предвзятыхъ затемненій, которыя время набросило на русскую татарщину.

Изъ татарщины, какъ изъ эпохи ненавистной, время истребило цѣлыя страницы прекрасныхъ и тонкихъ украшеній Востока, которыя внесли на Русь монголы.

О татарщинѣ остались воспоминанія только какъ о какихъ-

то мрачныхъ погромахъ. Забывается, что таинственная колыбель Азіи вскормила этихъ диковинныхъ людей и повила ихъ богатыми дарами Китая, Тибета, всего Индостана. Въ блескѣ татарскихъ мечей Русь вновь слушала сказку о чудесахъ, которыя когда-то знали хитрые арабскіе гости Великаго Пути и греки.

Монгольскія лѣтописи, повѣсти иностранныхъ посольствъ толкуютъ о непостижимомъ смѣшеніи суровости и утонченности у великихъ кочевниковъ. Повѣсти знаютъ, какъ ханы собирали къ ставкѣ своей лучшихъ художниковъ и мастеровъ.

Кромѣ установленной всѣми учебниками, можетъ быть иная точка зрѣнія на сущность татаръ. Вспоминая ихъ презрѣніе къ побѣжденному, къ не сумѣвшему отстоять себя, не покажутся ли символическими многіе поступки кочевниковъ? Пиръ на тѣлахъ русскихъ князей, высокомѣріе къ вѣстникамъ и устрашающія казни взятыхъ въ плѣнъ? Развѣ князья своею разъединенностью, взаимными обидами и наговорами или позорнымъ смиреньемъ не давали татарамъ лучшихъ поводовъ къ высокомѣрію? Если татары, наконецъ, научили князей упорству, стойкости и объединенности, то они же оставили имъ татарскіе признаки власти—шапки и пояса, и внесли въ обиходъ Руси сокровища ковровъ, вышивокъ и всякихъ украшеній. Не замѣчая, взяли татары древнѣйшія культуры Азіи и также невольно, полные презрѣнія ко всему побѣжденному, разнесли ихъ по русской равнинѣ.

Не забудемъ, что, кромѣ пѣсни о татарскомъ полонѣ, можетъ быть еще совсѣмъ иная пѣснь: „мы, татары, идемъ“.

Изъ временъ смутныхъ одиноко стоятъ остатки Суздаля, Владиміра, и сказочный храмъ Юрьева Польскаго. Не рус-

скія руки трудились надъ этими храмами. Можетъ быть аланы Андрея Боголюбскаго?

Если мы боимся вспомнить о татарскомъ огнѣ, то еще хуже вспоминать, что усобицы князей еще раньше нарушили обаянія великихъ созданій Ярослава и Владиміра. Русскіе тараны также били по бѣлымъ вѣжамъ и стѣнамъ, которыя прежде свѣтились, по словамъ лѣтописи, „какъ сыръ". И раньше татаръ начали пустѣть триста церквей Кіева.

Когда идешь по равнинамъ за окраинами Рима, то невозможно себѣ представить, что именно по этимъ пустымъ мѣстамъ тянулась необъятная, десяти-милліонная столица цезарей. Даже когда идешь къ Новгороду отъ Нередицкаго Спаса, то дико подумать, что пустое поле было все занято шумомъ ганзейскаго города. Намъ почти невозможно представить себѣ великолѣпіе Кіева, гдѣ достойно принималъ Ярославъ всѣхъ чужестранцевъ. Сотни храмовъ блестѣли мозаикой и стѣнописью, скудные обрывки церковныхъ декорацій Кіева; обрывки стѣнописи въ новгородской Софіи; величественный, одинокій Нередицкій Спасъ; части росписи Мирожскаго монастыря во Псковѣ... Всѣ эти огромныя большеокія фигуры, съ лицами и одеждами, очерченными дѣйствительными декораторами, все-таки не въ силахъ разсказать намъ о расцвѣтѣ Кіева временъ Ярослава.

Минувшимъ лѣтомъ въ Кіевѣ, въ мѣстности Десятинной церкви, сдѣлано замѣчательное открытіе: въ частной усадьбѣ найдены остатки какихъ-то палатъ, груды костей, обломки фресокъ, изразцовъ и мелкія вещи. Думаютъ, что это остатки дворцовъ Владиміра или Ярослава. Нецерковныхъ украшеній отъ построекъ этой поры мы вѣдь почти не знаемъ, и потому тѣмъ цѣннѣе мелкіе фрагменты фресокъ, пока найден-

ные въ развалинахъ. Въ Археологической Коммиссіи я видѣлъ доставленныя части фрески. Часть женской фигуры, голова и грудь. Художественная малоазійскаго характера работа. Еще разъ подтверждается, насколько мало мы знаемъ частную жизнь Кіевскаго періода. Остатки стѣнъ сложены изъ краснаго шифера, связаннаго известью. Техника кладки говоритъ о какомъ-то технически типичномъ характерѣ постройки. Горячій порывъ строительства всегда вызывалъ какой-нибудь спеціальный пріемъ. Думаю, палата Рогеровъ въ Палермо даетъ представленіе о палатахъ Кіева.

Скандинавская стальная культура, унизанная сокровищами Византіи, дала Кіевъ, тотъ Кіевъ, изъ-за котораго потомъ возставали братъ на брата, который по традиціи долго считался матерью городовъ. Поразительные тона эмалей; тонкость и изящество миніатюръ; просторъ и спокойствіе храмовъ; чудеса металлическихъ издѣлій; обиліе тканей; лучшіе завѣты великаго романскаго стиля дали благородство Кіеву. Мужи Ярослава и Владиміра тонко чувствовали красоту; иначе все оставленное ими не было бы такъ прекрасно.

Вспомнимъ тѣ былины, гдѣ народъ занимается бытомъ, гдѣ фантазія не расходуется только на блескъ подвиговъ.

Вотъ теремъ:

„Около терема булатный тынъ,
Верхи на тычинкахъ точеные,
Каждая съ маковкой—жемчужинкой;
Подворотня—дорогъ рыбій зубъ,
Надъ воротами иконъ до семидесяти;
Середи двора терема стоятъ,
Терема все златоверховатые;

Первыя ворота—вальящетыя,
Среднія ворота—стекольчатыя,
Третьи ворота—рѣшетчатыя".

Въ описаніи этомъ чудится развитіе дакійскихъ построекъ Траяновой колонны.

Вотъ всадники:

„Платье-то на всѣхъ скурлатъ-сукна,
Всѣ подпоясаны источенками,
Шапки на всѣхъ черны мурманки,
Черны мурманки—золоты вершки;
А на ножкахъ сапожки—зеленъ сафьянъ,
Носы-то шиломъ, пяты востры,
Кругъ носовъ-носовъ хоть яйцомъ прокати,
Подъ пяту-пяту воробей пролети".

Точное описаніе византійской стѣнописи.

Вотъ самъ богатырь:

„Шеломъ на шапочкѣ какъ жаръ горитъ;
Ноженки въ лапоткахъ семи шелковъ.
Въ пяты вставлено по золотому гвоздику,
Въ носы вплетено по дорогому яхонту.
На плечахъ шуба черныхъ соболей,
Черныхъ соболей заморскіихъ,
Подъ зеленымъ рытымъ бархатомъ,
А во петелкахъ шелковыхъ вплетены
Все-то божьи птичушки пѣвучія,
А во пуговкахъ злаченыхъ вливаны
Все-то люты змѣи, звѣрюшки рыкучіе"...

Предлагаю на подобное описаніе посмотрѣть не со стороны курьеза былиннаго языка, а по существу. Передъ нами детали вѣрныя археологически. Передъ нами въ своеобраз-

номъ изложеніи отрывокъ великой культуры, и народъ не дичится ея. Эта культура близка сердцу народа; народъ безъ злобы, горделиво о ней высказывается.

Заповѣдные ловы княжескіе, веселыя скоморошьи забавы, мудрые опросы гостей во время пировъ, достоинство постройки новыхъ городовъ сплетаются въ стройную жизнь. Этой жизни прилична оправа былинъ и сказокъ. Вѣрится, что въ Кіевѣ жили мудрые богатыри, знавшіе искусство.

„Заложи Ярославъ городъ великый Кыевъ, у него же града суть Златая Врата. Заложи же и церковь святыя Софья, митрополью и посемъ церковь на Золотыхъ Воротахъ святое Богородицѣ Благовѣщенье, посемъ святаго Георгія монастырь и святыя Ирины. И бѣ Ярославъ любя церковныя уставы и книгамъ прилежа и почитая е часто въ нощи и въ дне и списаша книгы многы: съ же насѣя книжными словесы сердца вѣрныхъ людей, а мы пожинаемъ, ученье пріемлюще книжное. Книги бо суть рѣки, напаяющи вселенную се суть исходища мудрости, книгамъ бо есть неисчетная глубина. Ярославъ же се, любимъ бѣ книгамъ, многы наложи въ церкви святой Софьи, юже созда самъ, украси ю златомъ и сребромъ и сосуды церковными. Радовашеся Ярославъ видя множьство церквей.“

Вотъ первое яркое извѣстіе лѣтописи объ искусствѣ.

Владиміръ сдвигалъ массы, Ярославъ сложилъ ихъ во храмъ и возрадовался объ искусствѣ. Этотъ моментъ для стараго искусства памятенъ.

Восторгъ Ярослава при видѣ блистательной Софіи безмѣрно далекъ отъ вопля современнаго дикаря при видѣ яркости краски. Это было восхищеніе культурнаго человѣка, почуявшаго памятникъ, цѣнный на многіе вѣка. Такъ

было; такому искусству можно завидовать; можно удивляться той культурной жизни, гдѣ подобное искусство было нужно.

Не можетъ ли возникнуть вопросъ: какимъ образомъ Кіевъ въ самомъ началѣ исторіи уже оказывается такимъ исключительнымъ центромъ культуры и искусства? Вѣдь Кіевъ создался будто бы такъ незадолго до Владиміра? Но знаемъ ли мы хоть что-нибудь о созданіи Кіева? Кіевъ уже прельщалъ Олега—мужа бывалаго и много знавшаго. Кіевъ еще раньше облюбовали Аскольдъ и Диръ. И тогда уже Кіевъ привлекалъ много скандинавовъ: „и многи Варяги скуписта и начаста владѣти Польскою землею". При этомъ всѣ данныя не противъ культурности Аскольда и Дира. До Аскольда Кіевъ уже платилъ дань Хозарамъ, и основаніе города отодвигается къ легендарнымъ Кію, Щеку и Хориву. Не будемъ презирать и преданія. Въ Кіевѣ будто бы былъ и апостолъ проповѣдникъ. Зачѣмъ попалъ въ далекіе лѣса проповѣдникъ? Но появленіе его становится вполнѣ понятнымъ, если вспомнимъ таинственные, богатые культы Астарты малоазійской, открытые недавно въ Кіевскомъ краѣ. Эти культы уже могутъ перенести насъ въ XVI—XVII вѣка до нашей эры. И тогда уже для средоточія культа долженъ былъ существовать большой центръ.

Можно съ радостью сознавать, что весь великій Кіевъ еще покоится въ землѣ въ нетронутыхъ развалинахъ. Великолѣпныя открытія искусства готовы также и для нашихъ дней. То, что начато сейчасъ раскопками Хвойко, надо продолжить государству въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Останавливаемся на изслѣдованіи Кіева только потому, что въ немъ почти единственный путь углубить прошлое страны. Эти

вѣхи освѣщаютъ и скандинавскій вѣкъ и даютъ направленіе сужденіямъ о времени бронзы.

Несомнѣнно, радость Кіевскаго искусства создалась при счастливомъ сосѣдствѣ скандинавской культуры. Почему мы пріурочиваемъ начало русской Скандинавіи къ легендарному Рюрику? До извѣстія о немъ мы имѣемъ слова лѣтописи, что славяне „изъгнаша Варяги за море и не даша имъ дани"; вотъ упоминаніе объ изгнаніи, а когда же было первое прибытіе варяговъ? Вѣроятно, что скандинавскій вѣкъ можетъ быть продолженъ вглубь на неопредѣлимое время.

Какъ поразительный примѣръ неопредѣленности сужденій объ этихъ временахъ, нужно привести обычную трактовку учебниковъ: „прибылъ Рюрикъ съ братьями Синеусомъ и Труворомъ", что по толкованію сѣверянъ значитъ: „конунгъ Рурикъ со своимъ Домомъ (синъ хуусъ) и вѣрною стражею (тру веръ)".

Крѣпость скандинавской культуры въ сѣверной Руси утверждаетъ также и послѣднее толкованіе финляндцевъ о загадочной фразѣ лѣтописи: „земля наша велика...», и т. д., и о посольствѣ славянъ. По остроумному предположенію, не уличая лѣтописца во лжи, пресловутыя признанія можно вложить въ уста колонистовъ скандинавовъ, обитавшихъ по Волхову. Предположеніе становится весьма почтеннымъ и текстъ признаній перестаетъ изумлять.

Бывшая приблизительность сужденій, конечно, не можетъ огорчать или пугать искателей; въ ней—залогъ скрытыхъ сейчасъ блестящихъ горизонтовъ!

Глубины сѣверной культуры хватило, чтобы напитать всю Европу своимъ вліяніемъ на весь X-й вѣкъ. Никто не будетъ

спорить, что скандинавскій вопросъ—одинъ изъ самыхъ красивыхъ среди задачъ художественныхъ. Памятники скандинавовъ особенно строги и благородны. Долго мы привыкали ждать все лучшее, все крѣпкое съ сѣвера. Долго, только ладьи съ пестрыми парусами, только рѣзные драконы были вѣстниками всего особеннаго, небывалаго. Культура сѣверныхъ побережій, богатыя находки Гнѣздова, Чернигова, Волховскія и Верхне-Поволжскія — все говоритъ намъ не о проходной культурѣ сѣвера, а о полной ея осѣдлости. Весь народъ принялъ ее, весь народъ вѣрилъ въ нее. И опять нѣтъ никакого основанія считать сѣверянъ дикими поработителями родоначальниковъ Новгорода. Доказательство простое — все оставленное ими умно и красиво. Они жили невѣдомо какъ, но во всякомъ случаѣ жили долго и жили такъ, что истинное художество имъ было близко.

Варяги дали Руси человѣкообразныя божества, а сколько же времени сѣверные народы чтили силы природы, принадлежали одной изъ самой поэтическихъ религій! Эта религія—колыбель лучшихъ путей творчества.

Здѣсь кончаются общедоступныя картины.

Отъ жизни осталась одна пыль, отъ цѣлой грозной кольчуги остался комокъ желѣза—изъ него трудно развернуть всю прежнюю ея величину, и не знающему трудно повѣрить, что найденъ не скучный археологическій хламъ, а частица бывшей, подлинной прелести. Всему народу пора начать понимать, что искусство не только тамъ было, гдѣ оно ясно всѣмъ: пора вѣрить, что гораздо большее искусство сейчасъ скрыто отъ насъ временемъ. И многое—будто скучное—озарится тогда радостью проникновеній, и зритель сдѣлается творцомъ. Въ этомъ—прелесть прошлаго и буду-

щаго. И человѣку, не умѣющему понимать прошлое, нельзя мыслить о будущемъ. Сказочные Hallristningar'ы сѣверныхъ скалъ, высокіе курганы сѣверныхъ путей, длинные мечи, тяжелый фибулы, держащія узорныя одежды, заставляютъ любить сѣверную жизнь. Въ любви къ ней можетъ быть уваженіе къ первооформленному. За этою гранью мы сразу окунаемся въ хаосъ бронзовыхъ патинъ. Много или мало искусства въ неразборчивыхъ временахъ?

Чужда ли искусству животнообразная финская фантасмагорія? Чужды ли для художественныхъ толкованій формы, зачарованныя Востокомъ? Отвратительны ли въ первыхъ рукахъ скиѳовъ передѣлкн античнаго міра? Полно, только ли грубы золотыя украшенія полуизвѣстныхъ сибирскихъ кочевниковъ?

Эти находки не только близки искусству, но мы завидуемъ ясности мысли обобщенія исчезнувшихъ народовъ. Твердо и искусно укладывались великіе для нихъ символы въ безчисленные варіанты вещей. Даже безжалостный спутникъ металла — штампъ — не могъ погубить врожденныхъ исканій искусства. Въ таинственной паутинѣ вѣковъ бронзы и мѣди опасливо разбираемся мы. Каждый день приноситъ новые выводы; каждое приближеніе къ этой грудѣ даетъ новую букву жизни. Цѣлый рядъ блестящихъ шествій! Передъ глазами еще сверкаетъ Византія золотомъ и изумрудомъ тканей, эмалей, но вниманіе уже отвлечено.

Мимо насъ проходятъ пестрые финно-тюрки. Загадочно появляются величественные арійцы. Оставляютъ потухшіе очаги невѣдомые прохожіе... Сколько ихъ! Изъ ихъ даровъ складывается синтезъ дѣйствительно нео-національнзма искусства. Къ нему теперь обратится многое молодое. Въ этихъ

проникновеніяхъ — залогъ здороваго, сильнаго потомства. Если вмѣсто притупленнаго національнаго теченія суждено сложиться обаятельному „нео-націонализму“, то краеугольнымъ его сокровищемъ будетъ великая древность,—вѣрнѣе: правда и красота великой древности.

Еще полуслѣпые ищемъ мы подлинный обликъ обитателей прекрасныхъ городищъ. Еще непрозрѣвшіе чувствуемъ прелесть покинутыхъ культовъ природы, о чемъ совершенно не въ силахъ передать намъ древнѣйшія лѣтописи христіанскаго времени. Звѣриный обычай жизни, бѣсовскія игрища, будто бы неприсгойныя пѣсни, о которыхъ толкуетъ лѣтописецъ, подлежатъ большему обсужденію. Пристрастіе духовнаго лица—лѣтописца—здѣсь слишкомъ понятно. Церковь не приносила искусство. Церковь на искусствѣ становилась. И, созидая новыя формы, она раэдавливала многое, тоже прекрасное.

Послѣ скандинавскаго вѣка всякая достовѣрность исчезаетъ. Приблизительность доходитъ до нѣсколькихъ столѣтій. Мы только можемъ знать, что для жизни требовались красивыя вещи, но какая была жизнь, какія именно требовались предметы искусства, какъ вѣрили въ это искусство бывшіе жители—мы не знаемъ.

За четыре тысячи пятьсотъ лѣтъ до нашей эры расцвѣтала культура Вавилона; знаемъ кое-какія буквы ея, но сложить сказку изъ нихъ—пусть попробуютъ спеціалисты! Глубины бронзы и мѣди неразборчивы. Неразборчивы особенно, если мы захотимъ не сходить съ русскихъ территорій. Грецiя, Финикія! Какія непостижимыя слѣдствія должны были онѣ производить среди мѣстныхъ населеній. Конечно, если мы упрекали время русской усобицы въ пониженіи

смысла украшенія, то и въ вѣкахъ бронзы мы, естественно найдемъ моменты жизни, когда въ переходномъ движеніи значеніе искусства затѣмнялось. Неумѣлое пользованіе новымъ сокровищемъ—металломъ—отодвигало настоящую художественность. Но вѣдь время темныхъ вѣковъ желѣза, бронзы и мѣди очень длинно. Неясность здѣсь простительна, тѣмъ болѣе, что творчество въ одномъ направленіи шло безостановочно, а именно, въ творчествѣ орнамента. Культъ священныхъ узоровъ благодатною паутиною окутывалъ человѣчество. Скромная мордовка или черемиска не могутъ постичь, достояніе сколькихъ десятковъ вѣковъ на ней одѣто сейчасъ!

Но чувствуемъ, что штампованіе жизни кончается. Національность кончается. Условности политической экономіи кончаются. Кончается толпа. Не кончается искусство. Выступаетъ какой-то новый человѣкъ. Значитъ, мы подошли къ вѣкамъ камня.

Въ разныхъ періодахъ жизни Руси мы видѣли радость искусства. Чѣмъ глубже, тѣмъ волны этой радости неожиданнѣе, раздѣльнѣе, но гребни волнъ были все-таки высоки. По вершинамъ этой радости бѣгло прошли мы всю жизнь. Мы видѣли, что и послѣ блеска Кіева и скандинавскаго вѣка, понятіе «украшать» могло быть столь же чистымъ, столь же высокимъ, какъ и въ наиболѣе блестящія эпохи.

Пусть многіе попрежнему недовѣрчиво косятся на затемнѣлую археологію, отрѣзаютъ ее отъ искусства. Даже самоотверженный любитель не содрогнется ли отъ неизвѣстности при приближеніи къ каменному вѣку. Такая древность слишкомъ далека отъ нашего представленія о жизни. Когда вамъ кажется, что вы поняли часть древнѣй-

шей жизни, не думаете ли вы, что безоружнымъ глазомъ вы точно усмотрѣли клочекъ звѣзднаго неба?

Именно радость искусства время сохранило для насъ также изъ эпохи камня.

Забудемъ сейчасъ яркое сверканье металла; вспомнимъ всѣ чудесные оттѣнки камней. Вспомнимъ благородные тона драгоцѣнныхъ мѣховъ. Вспомнимъ патины разноцвѣтнаго дерева. Вспомнимъ желтѣющій тростникъ. Вспомнимъ тончайшія плетенія. Вспомнимъ крѣпкое, здоровое тѣло. Эту строгую гамму красокъ будемъ вспоминать все время, пока углубляемся въ каменный вѣкъ.

II.

Уловимъ ли мы біеніе всей незапамятной жизни? Или только возможно пока установить точку зрѣнія на такую непомѣрную древность?

Что слышно оттуда?

«Анге-патей ударила въ гнѣвѣ кремнемъ. Въ блестящихъ искрахъ создались боги земли и воды, лѣсовъ и жилищъ. Кончила дѣло свое Анге-патой и бросила на земь кремень, но и онъ сталъ богомъ: вѣдь она не отняла отъ кремня творящую силу. Сталъ кремень богомъ приплода, и на дворѣ или подъ порогомъ дома маленькая ямка прикрыта кремневымъ божкомъ—Кардясъ-сярко».

Такъ, въ преданіи, населила землю богами Ерзя, часть Мордвы.

Сравнимъ эту красивую легенду съ преданіемъ Мексики: «на небѣ Мексиканскомъ былъ нѣкогда богъ Цитлалъ Тонакъ, Звѣзда Сіяющая и богиня Цитлалъ-Куэ, она, что въ рубахѣ звѣздной. Эта звѣздная богиня родила странное существо—кремневый ножъ. Другія ихъ дѣти, пораженныя этимъ страннымъ порожденіемъ, сошвырнули его съ неба. Кремневый ножъ упалъ, разбился на мелкіе кусочки и среди искръ возникли тысяча шестьсотъ боговъ и богинь».

Космогонія Ерзи не хуже замысловъ мексиканскихъ.

«Каменнымъ ножемъ зарѣжешь барана», заповѣдаетъ жертвенный ритуалъ Вотяковъ.

«Громовая стрѣлка боль облегчаетъ, въ родахъ помогаетъ», шепчутъ знахарки.

«Великаны въ лѣсу каменный топоръ хоронили», помнятъ потомки Еми и Веси...

Много преданій! Въ каждомъ племени и сегодня живетъ таинственная основа «каменнаго вѣка». Обычаи и вѣрованія вмѣстѣ съ трудночеткими рунами орнамента толкуютъ все о томъ же «доисторическомъ времени». Называемъ его «доисторическимъ», хотя оно стоитъ вовсе не особнякомъ. Наоборотъ, оно плотно вплетается въ эпохи исторіи; часто питаетъ эти эпохи лучшими силами. Гдѣ границы жизни безъ металловъ?

Мы привыкаемъ искать наше искусство гдѣ-то далеко. Понятіе нашихъ началъ искусства становится почти равнозначащимъ съ обращеніемъ къ Индіи, Монголіи, Китаю или къ Скандинавіи, или къ чудовищной фантазіи финской. Но, кромѣ дороги позднѣйшихъ заносовъ и отраженій, у насъ, какъ у всякаго народа, есть еще одинъ общечеловѣческій путь—къ древнѣйшему іероглифу жизни и пониманію кра-

соты. Путь черезъ откровенія каменнаго вѣка. Предскажемъ, что въ поискахъ лучшей жизни человѣчество не разъ вспомнитъ о Freiherr'ахъ древности; они были близки природѣ, они знали красоты ея. Они знали то, чего мы не вѣдаемъ уже давно.

Цѣльны движенія древняго; строго цѣлесообразны его думы; остро чувство мѣры и стремленія къ украшенію.

Понимать каменный вѣкъ какъ дикую некультурность—будетъ ошибкою неосвѣдомленности. Ошибкою—обычныхъ школьныхъ путей. Въ дошедшихъ до насъ страницахъ времени камня нѣтъ звѣриной примитивности. Въ нихъ чувствуемъ особую, слишкомъ далекую отъ насъ культуру. Настолько далекую, что съ трудомъ удается мысль о ней инымъ путемъ, кромѣ уже избитой дороги—сравненія съ дикарями.

Вполнѣ допустимо: загнанные сильными племенами, вымирающіе дикари-инородцы съ ихъ кремневыми копьями, такъ же похожи на человѣка каменнаго вѣка, какъ идіотъ похожъ на мудреца. Осталось нѣсколько общеродовыхъ жестовъ, но они далеки отъ настоящаго смысла. Человѣкъ каменнаго вѣка родилъ начала всѣхъ блестящихъ культуръ; онъ могъ сдѣлать это. Отъ инородца—нѣтъ дороги; онъ даже утрачиваетъ всякую власть надъ природой.

Но въ страхѣ борьбы, въ ошибкахъ достиженій затемнился феноменъ бытія. Культуры развѣтвились слишкомъ. Дубъ всемірнаго очага разросся безмѣрно; мы боязливо путаемся въ его безчисленныхъ вѣткахъ. Въ стремленіи къ чеканкѣ формъ жизни мы должны очищать далекіе закрытые корни. И вотъ мы, кичливые владычествомъ металловъ, поняли. Только очень недавно поняли: пыльный проходной, первый залъ музеевъ не есть печальная необходимость, не

есть темное пятно родословной. Онъ есть первѣйшій источникъ лучшихъ заключеній. Мѣра почтенія къ нему такова же, какъ мѣра удивленія передъ тайной жизни десятковъ тысячелѣтій. Подумайте десятковъ!

Площади богатыхъ огромныхъ городовъ донесли до насъ кучу шлаковъ, нѣсколько обломковъ бронзы и груду камней. Но мы знаемъ, что дошедшее до насъ—не мѣрило протекшей жизни. Въ печальныхъ остаткахъ мы видимъ усмѣшку судьбы. Также и жизнь каменнаго вѣка—не въ тѣхъ случайныхъ кремневыхъ осколкахъ, которые пока попадаютъ намъ въ руки. Эти осколки—тоже случайная пыль большой жизни, длинной безконечно!

Особенная тайна окружаетъ слѣды каменнаго вѣка. Ничто иное, но каменные остатки всегда и даже до сихъ поръ относятся къ небесному происхожденію.

Какіе только боги не метали находимыя въ землѣ копія и стрѣлы!

Не только классическій міръ не съумѣлъ отгадать настоящее происхожденіе каменныхъ орудій, но и всѣ средніе вѣка, происхожденіе ихъ оставалось маловыясненнымъ. Только въ новѣйшее время, въ концѣ XVIII вѣка, немногіе ученые узнали истинное происхожденіе древнѣйшихъ издѣлій. Утвержденія были скудны, шатки, малоубѣдительны. Собственно безусловнаго въ постановкѣ дѣла немного установилось и до сихъ поръ. Изъ груды относительныхъ сужденій почти невозможно выдѣлить тѣ, которымъ бы не угрожала переоцѣнка. Это неудивительно, ибо если разстояніе одного тысячелѣтія уже колеблетъ увѣренность въ одномъ. даже двухъ вѣкахъ, то что же сказать про десятки такихъ эпохъ? Куда же идти дальше, если даже ледниковый періодъ остро-

умно замѣняется англичанами какой-то стремительной катастрофой! Вспомнимъ, что всѣ названія древнѣйшихъ періодовъ приняты лишь вполнѣ условно, по мѣсту перваго случайнаго нахожденія предметовъ. Можно представить, сколько неожиданностей хранитъ еще въ себѣ земля, и какія научныя перемѣщенія должны возникнуть. Прочія эпохи полны потрясающими примѣрами.

Научныя постройки въ предѣлахъ древняго камня опасны. Здѣсь возможны только наблюденія художественныя. Слово о красотѣ древности ничто отодвинуть не можетъ. За этими наблюденіями очередь. Будущее дастъ только новыя доказательства.

Странно подумать, что, быть можетъ, именно завѣты каменнаго царства стоятъ ближе всего къ исканіямъ нашего времени. То, что опредѣлилъ намъ поворотъ культуры, то самое чисто и непосредственно, впервые выростало въ сознаніи человѣка древнѣйшаго. Стремленіе обдумать всю свою жизнь, остро и строго оформить всѣ ея детали, все, отъ монументальныхъ строительныхъ силуэтовъ, до ручныхъ мелочей—все довести до строгой гармоніи: эти исканія нашего искусства, исканія полныя боли, ближе другого напоминаютъ любовныя заботы древняго изо всего окружающаго сдѣлать что-то обдуманное, изукрашенное, облаканное привычной рукою.

По отдѣльнымъ осколкамъ доходимъ до общаго. Каждый одиночный предметъ нашей жизни говоритъ объ его окружавшихъ вещахъ. Отлично сработанный наконечникъ копья говоритъ о прекрасномъ древкѣ; къ хорошему топору идетъ такое же топорище; отпечатки шнуровъ и сѣтей свидѣтельствуютъ о самыхъ этихъ вещахъ. Всѣ мелочи украшеній и

устройства возводятъ весь обиходъ и жилище въ извѣстный порядокъ развитія.

Радость жизни разлита въ свободномъ каменномъ вѣкѣ. Не голодные, жадные волки послѣдующихъ временъ, но царь лѣсовъ—медвѣдь, бережливый въ семействѣ, довольный обиліемъ пищи, могучій и добродушный, быстрый и тяжелый, свирѣпый и благостный, достигающій и уступчивый—таковъ типъ человѣка каменнаго вѣка.

Многіе народы чтутъ въ медвѣдѣ человѣческаго оборотня и окружаютъ его особымъ культомъ. Въ этомъ звѣрѣ оцѣнили народы черты первой человѣческой жизни. Семья и родъ, конечно—основы древнѣйшаго человѣка. Онъ одноженъ. Ради труда и роста семьи только снисходитъ онъ до многоженства. Онъ цѣнитъ дѣтей—продолжателей его творческой жизни. Онъ живетъ самъ по себѣ; ради себя творитъ и украшаетъ. Мѣна, щегольство, боязь одиночества, уже присущія позднему времени камня, не тронули древняго. Общинныя начала проникаютъ въ бытъ лишь въ неизбѣжныхъ, свободныхъ дѣйствіяхъ охоты, рыбной ловли, постройки.

Намъ не нужны сейчасъ наслоенія геологіи. Не тронемъ двѣ первичныя эпохи, хотя оставленное ими—кости ихъ страшныхъ обитателей и окаменѣлости—составляютъ огромный скелетъ сказочнаго для насъ міра; онъ такъ же близокъ душѣ художника, какъ и издѣлія рукъ человѣка. Допустимъ условныя научныя распредѣленія.

Минуемъ третичный пліоценъ съ его таинственнымъ предшественникомъ человѣка. Царство догадокъ и измышленій! Царапины на костяхъ и удары на кремневыхъ осколкахъ далеки отъ художественныхъ обсужденій.

Древнѣйшія эпохи доледниковыя—палеолитъ (шельская, ашельская, мустьерская) уже близки искусству. Человѣкъ уже сталъ царемъ природы. Въ чудесныхъ одиноборствахъ мѣряется онъ съ чудовищами. Увѣренными, побѣдоносными ударами высѣкаетъ онъ первое свое орудіе—клинъ, заостренный, оббитый съ двухъ сторонъ. Въ широкихъ ударахъ подѣлки человѣкъ символизируетъ побѣду свою; мамонты, носороги, слоны, медвѣди, гигантскіе олени несутъ человѣку свои шкуры. Каменнымъ скребкомъ (мустье) обрабатываетъ человѣкъ мохнатую добычу свою. Со львомъ и медвѣдемъ мѣняется человѣкъ жилищемъ—пещерою; онъ смѣло сосѣдствуетъ съ тѣми, отъ кого въ періодъ «отступленій» онъ защищается уже сваями. Приходитъ на умъ еще одна побѣда—прирученіе животныхъ. Веселое время!—время безчисленныхъ побѣдъ.

Движимый чудесными инстинктами гармоніи и ритма, человѣкъ, наконецъ, вполнѣ вступаетъ въ искусство. Въ двухъ послѣднихъ эпохахъ палеолита (солютрейская и мадлэнская) блестящій побѣдитель совершенствуетъ жилище свое и весь свой обиходъ. Все наиболѣе замѣчательное въ жизни одинокаго творца принадлежитъ этому времени.

Ммножество оленей доставило новый отличный рабочій матеріалъ. Изъ рога изготовлены прекрасные гарпуны, стрѣлы, иглы, привѣски, ручки кинжаловъ... Находимъ изображенія: рисунки и скульптуру изъ кости. Знаменитая женская фигурка изъ кости. Каменная Венера Брассемпуи. Пещеры носятъ слѣды разнообразныхъ украшеній. Плафоны разрисованы изображеніями животныхъ. Въ рисункахъ поражаютъ наблюдательность и вѣрная передача движеній.

Свободныя линіи обобщенія приближаютъ пещерные рисунки къ лучшимъ рисункамъ Японіи.

Пещеры южной Франціи, Испаніи, Бельгіи, Германіи (Мадлэнская, Брассемпуйская, Масъ-д'Азильская—съ древнѣйшею попыткою живописи минеральными красками, Альтамирская—съ необычайно сложнымъ плафономъ грота, Таингенская и др.) доставили прекраснѣйшіе образцы несомнѣнной художественности стремленій древняго человѣка. Чувствуется, что пещеры должны были какъ-то освѣщаться; предполагаются подвѣсные свѣтильники съ горящимъ жиромъ. Каменныя подѣлки восходятъ на степень ювелирности. Тончайшія стрѣлы требуютъ удивительной точной техники. Собака становится другомъ человѣка; на рисункахъ оленей—одѣты недоуздки. Украшенія достигаютъ замѣчательнаго разнообразія; отдѣлка зубовъ животныхъ, просверленные камни, раковины. Конечно, мѣна естественными продуктами постепенно изощряетъ результаты творчества человѣка.

Остатки лакомыхъ и намъ раковинъ, кости птицъ и рыбъ, кости крупныхъ животныхъ съ вынутымъ мозгомъ—все это остатки очень разнообразной и вкусной ѣды обитателей изукрашенныхъ пещеръ.

Между временемъ палеолита и неолита часто ощущается что-то невѣдомое. Вліяли ли только климатическія условія. смѣнялись ли невѣдомыя племена, завершала ли свой кругъ извѣстная многовѣковая культура, но въ жизни народа выступаютъ новыя основанія. Очарованіе одиночества кончилось; люди познали прелесть общественности. Интересы творчества дѣлаются разнообразнѣе; богатства духовной крѣпости, накопленныя одинокими предшественниками, ве-

дутъ къ новымъ достиженіямъ. Новыя препятствія отбрасываются новыми средствами; среди череповъ многіе оказываются раздробленными ударами тяжелыхъ орудій.

Такъ вступаютъ въ борьбу жизни послѣледниковыя эпохи. Неолитъ

Материки уже не отличаются въ очертаніяхъ стъ нынѣшнихъ, съ тѣмъ же климатомъ. Мамонты вымерли; сѣверные олени перешли къ полярному кругу. Скотоводство, земледѣліе, охота отличаютъ эпохи неолита. Выдвигается новое искусство—гончарство, богато украшенное. Каменныя вещи также дороги, какъ и въ прежнія эпохи.

Работая съ огнемъ, человѣчество натолкнулось на металлы. Неолитъ можетъ гордиться этимъ открытіемъ.

Послѣднее время неолита (эпоха Робенгаузенская); кончина «каменной красоты». Эпоха полированныхъ орудій, время свайныхъ построекъ, время неолитическихъ городовъ (Санторинъ, Мелосъ, Гиссарликъ, старая Троя)...

Въ многотысячныхъ собраніяхъ предыдущихъ эпохъ вы не найдете ни одного точнаго повторенія вещи. Все раздѣлено личнымъ умѣніемъ и потребностями, качествомъ и количествомъ матеріала; въ эпоху переходную къ металлу васъ поразитъ однообразіе формъ, ихъ недвижность; чувствуется обезцѣниваніе ювелирныхъ каменныхъ вещей—передъ неуклюжимъ кускомъ металла. Энергія творчества обращена на иныя стороны жизни. Гончарство также теряетъ свое разнообразіе, и орнаменты иногда нисходятъ до фабричнаго штампованія тканями и плетеніями. Время штампованія человѣческой души.

Неолитъ для Россіи особенно интересенъ. Палеолитъ (Днѣпровскій и Донской районы) пока не далъ чего-нибудь

необычнаго. Неолитъ же русскій и богатствомъ своимъ, и разнообразіемъ ведетъ свою особую дорогу; можетъ быть, именно ему суждено сказать новое слово среди принятыхъ условностей. Въ русскомъ неолитѣ находимъ всѣ лучшіе типы орудій.

Не будемъ строить предположеній о времени каменныхъ періодовъ. Къ чему повторять чужія слова о томъ, что неопредѣлимо? За 4.500 лѣтъ до Р. Х. уже расцвѣтала культура Вавилона, но въ Россіи остатки каменнаго вѣка имѣются даже во времена Ананьинскаго могильника, послѣ нашей эры.

Балтійскіе янтари, находимые у насъ съ кремневыми вещами, не моложе 2.000 лѣтъ до Р. Х. Площадки богатаго таинственнаго культа въ Кіевской губерніи, гдѣ находятся и полированныя орудія, по женскимъ статуеткамъ обращаютъ насъ къ Астартѣ Малоазійской, въ XVI и XVII вѣка до Р. Х.

При Марафонѣ нѣкоторые отряды еще стрѣляли кремневыми стрѣлами! Такъ переплетались культуры.

Русскій неолитъ далъ груды орудій и обломковъ гончарства.

Съ трепетомъ перебираемъ звонко звенящіе кремни и складываемъ разбитые узоры сосудовъ. Лучшія силы творчества отдалъ человѣкъ, чтобы создать подавляющее разнообразіе вещей.

Особо замѣтимъ осколки гончарства. Въ нихъ—все будущее распознаваніе племенъ и типовъ работы; только на нихъ дошли до насъ орнаменты. Тѣ же украшенія богато украшали и одежду, и тѣло, и разныя части деревянныхъ построекъ, все то, что время истребило.

Тѣ же орнаменты вошли въ эпохи металла. Смотря на родные узоры, вспомнимъ о первобытной древности. Если въ искусствѣ народа мы узнаемъ остро стилизованную природу, то знаемъ, что основа пользованія кристаллами природы выходитъ чаще всего изъ древнѣйшихъ временъ, изъ временъ до обособленія племенъ. Сравненія орнаментовъ легко даютъ примѣры. На вышивкахъ тверскихъ мы знаемъ мотивы стилизованныхъ оленей; не къ подражанію сѣверу, а къ древнему распространенію оленя, кости котораго находимъ съ кремнями, ведетъ этотъ узоръ. На орнаментѣ изъ Коломцевъ (Новгородъ) человѣкообразныя фигуры явно напоминаютъ ритуальныя фигуры вышивокъ новгородскихъ и тверскихъ. На гончарной бусѣ каменнаго вѣка найдено изображеніе змѣи, подобное древнѣйшему микенскому слою; змѣи народныхъ вышивокъ—древни.

Труденъ вопросъ орнамента. Всѣ доводы противъ инстинкта, хотя бы они дошли до ясности галлюцинацій, разбиваетъ сама природа. Развѣ не поразительно, что сущность украшеній одинакова у самыхъ разъединенныхъ существъ? Но не гипотезы намъ нужны, а факты.

Двѣ основы орнамента — ямка и черта. Чтобы украсить — надо прикоснуться; всякое прикосновеніе украшателя оставляетъ то или другое. Соединеніе этихъ основъ даетъ всякія фигуры; отъ ихъ качества зависитъ самый характеръ узора. Изъ хрупкой глины лѣпитъ человѣкъ огромные котлы съ круглымъ дномъ; тѣ же руки даютъ крошечную чашечку, полную тонкихъ узоровъ. Работаютъ пальцы, ногти; идетъ въ дѣло орнамента все окружающее: перья, белемниты (чертовы пальцы), веревки, плетенья, наконецъ выбиваются изъ камня особые штампы

для узоровъ. Всякій стремится украсить сосуды свои чѣмъ-то особеннымъ, сдѣлать ихъ болѣе цѣнными, болѣе красивыми, болѣе нужными. И трогательно изучать первыя славословія древнихъ красотѣ. Составьте изъ осколковъ разныя формы сосудовъ. Изумляйтесь пропорціямъ ихъ. Смотрите — вся поверхность котла залита ямочками или разбита чертами и всякими фигурами. Человѣкъ не знаетъ, чѣмъ бы украсить, отмѣтить сдѣланное; изъ плетеній и шнуровъ онъ даетъ новые узоры. Въ послѣднее время каменнаго вѣка, торопясь производствомъ, онъ печатаетъ на поверхности сосуда ткань одежды своей.

Но человѣку мало разнообразія узоровъ. Онъ находитъ растительныя краски, чтобы дать еще болѣе особенности своему издѣлію. Цѣлый наборъ тоновъ: черныхъ, красныхъ, сѣрыхъ и желтыхъ. Сосуды красятся сплошь и узорами. Можно представить себѣ сколько стремленій древняго разрушено временемъ, стерто землею, смыто водами. Та же спокойная палитра красокъ цвѣтилась и на одеждѣ, и на волосахъ, можетъ быть на татуировкѣ, такъ какъ мы знаемъ, что идея татуировки вовсе не принадлежитъ только дикарямъ. Стыдно для нашего времени: въ древности ни одного предмета безъ украшеній. Невозможно даже сравнить народный обиходъ современности нашей съ тѣмъ, что такъ настойчиво стремились имѣть около себя старые обитатели тѣхъ же мѣстъ.

Къ любимымъ прекраснымъ вещамъ приложите каменное орудіе—и оно не нарушитъ общаго впечатлѣнія. Оно принесетъ съ собою ноту покоя и благородства. Многіе не такъ думаютъ о древнихъ камняхъ; не такъ думаютъ тѣ, кто предвзято не хочетъ знать достиженій первыхъ людей.

Снимки въ черномъ съ каменныхъ орудій ничего не говорятъ о нихъ, кромѣ величины; такіе снимки мертвятъ цѣлесообразность предмета; именно они виновны, если намъ часто недоступенъ первый періодъ человѣчества. Черный снимокъ напоминаетъ о предметѣ, но слишкомъ рѣдко можетъ дать истинное о немъ представленіе. Почти невозможно изучать камни и въ музеяхъ, за двумя запорами витринъ. Кромѣ бѣдныхъ узниковъ, отягощенныхъ путами, сѣрыхъ отъ пыли, вы ничего въ музеѣ не узнаете.

Если хотите прикоснуться къ душѣ камня—найдите его сами на стоянкѣ; на берегу озера подымите его своею рукою. Камень самъ отвѣтитъ на ваши вопросы, разскажетъ о длинной жизни своей. Остатки леса, кора древности, почтенною сѣдиною покрываютъ камни. Вы не замѣчаете бывшаго ихъ примѣненія: перевертываете его въ рукѣ безуспѣшно—но идетъ на лицо улыбка, вамъ удалось захватить камень именно такъ, какъ приспособилъ его древній владѣлецъ. Именно тѣми пальцами попадаете вы во всѣ продуманныя впадины и бугорки. Въ рукахъ вашихъ оживаетъ нужное орудіе; вы понимаете всю тонкость, всю скульптурность отдѣлки его. Изъ-подъ сѣдины налетовъ начинаетъ сквозить чудесный тонъ яшмы или ядеита. Въ вашихъ рукахъ кусокъ красоты!

Чудесные тона красокъ украшали древки первыхъ людей кварцы, агаты, яшмы, обсидіаны, хлоромеланиты, нефриты; отъ темнозеленаго ядеита до сверкающаго горнаго хрусталя отсвѣчивало древнее оружіе. Прежде всего говоримъ объ оружіи; въ немъ—все соревнованіе, въ немъ—все щегольство; на него — вся надежда. Пропорціи копій, дротиковъ стрѣлъ равны лучшимъ пропорціямъ листьевъ. Тяжелое

копье, приличное медвѣдю, маленькая стрѣлка, пригодная перепелкѣ — въ безконечномъ разнообразіи выходили изъ-подъ рукъ человѣка.

Мы плохо различаемъ орудія. Для насъ цѣлая бездна орудій—все такъ называемые скребки. Но для древняго ясно различались среди нихъ массы орудій, самыхъ различныхъ назначеній. Во всѣхъ домашнихъ работахъ скребокъ—ближайшій помощникъ. Изъ скребка часто выходятъ пилка и навертышъ. Острый скребокъ близокъ и ножу. Также какъ копья, ножъ часто тонко вырабатывали, съ заостреннымъ, загнутымъ концомъ.

Кромѣ всего остраго и колющаго, каменный вѣкъ сохранилъ и груды тяжелыхъ ударныхъ орудій. Клинъ, долото, топоръ, молотъ; гдѣ битва и гдѣ хозяйство—здѣсь различить невозможно.

Наборъ орудій древняго человѣка обширнѣе, чѣмъ это предполагается. Крючки для ловли, круглые камни, можетъ-быть для метанья; круглыя булавы съ отверстіемъ; человѣко и животно-образныя подѣлки, быть-можетъ, священныя. Подвѣски изъ зубовъ, раковинъ, гончарныя бусы, янтарныя ожерелья. Костяныя иглы, дудки и стрѣлы. На днѣ озерномъ и рѣчномъ еще лежатъ темные стволы дубовъ; между ними можетъ быть, найдутся древнѣйшія лодки. Уже хорошо знали люди водные пути; на челнокахъ съ тою же смѣлостью переносились на далекія пространства, какъ и скандинавы на ладьяхъ одолѣвали океанъ.

Достоинство отдѣлки русскаго неолита очень высоко. Особенно радуетъ, что можно спокойно сказать: эта оцѣнка не есть „домашнее“ восхищеніе. На послѣднемъ до-историческомъ конгрессѣ 1905 г. въ Периге (деп. Дордонь) лучшіе

знатоки французы: Мортилье, Ривьеръ-де-Прекуръ, Картальякъ и Капитанъ привѣтствовали образцы русскаго неолита восторженными отзывами, поставивъ его на ряду съ лучшими классическими подѣлками Египта. Вообще, если мы хотимъ съ чѣмъ-нибудь сравнить форму и пропорціи каменныхъ вещей, то лучше всего обратиться къ законченностямъ классическаго міра.

Смутно представляемъ себѣ жилище древняго.

Мы видимъ древняго не ходульнымъ героемъ съ чреслами, задрапированными обрывками шкуръ. Мы ощущаемъ въ издѣліяхъ его не грубость и неотесанность, а тонкую ювелирность. Мы чувствуемъ, что обычный „печеный" колоритъ обстановки долженъ замѣниться въ представленіи нашемъ прекрасными красками. Мы ясно предчувствуемъ, что весь обиходъ и жилище древняго человѣка не могутъ быть полузвѣриными логовищами и восходятъ уже къ порядкамъ стройной жизни.

Пещеры изслѣдовались въ Россіи, особенно въ Польшѣ, но пока никакого особеннаго устройства въ нихъ не найдено. Украшенія и рисунки еще не открыты. Въ неолитѣ еще намъ извѣстны какія-то неопредѣленныя основанія прежнихъ жилищъ съ ямами очаговъ. Fonds des cabanes. Были ли зто простые коническіе шалаши? подобія юртъ, крытыя шкурами, тростниками и мѣхами? Или устройство ихъ было болѣе основательнымъ? Пока нѣтъ утвержденія. Но вспомнимъ, что и послѣ обширнаго дома иногда остается только груда печного кирпича. Развѣ основаніе очага можетъ сказать о прочихъ размѣрахъ жилья?

Остатки свайныхъ жилищъ указываютъ на развитую хозяйственность. Были ли у насъ свайныя постройки? Пока

неизвѣстно, но онѣ были, конечно. Идея сваи, идея искусственнаго изолированія жилья надъ землею въ предѣлахъ Россіи существуетъ издавна. Много вѣковъ прожили сибирскія и уральскія „сайвы"—домики на столбахъ, гдѣ охотники скрываютъ шкуры. Въ мѣновой древнѣйшей торговлѣ такіе склады играли большую роль. Здѣсь мы у большой древности. Погребеніе по Нестору „на столбахъ при путехъ"—избы смерти славянской старины; сказочныя избушки на курьихъ ножкахъ—все это вращается около идеи свайной постройки. Многочисленные острова на озерахъ и рѣкахъ, конечно, только упрощали устройство изолированныхъ деревень. Жалко, что мы не можемъ сюда же включить и городища, окопанныя валами, расположенныя по прекраснымъ холмамъ, облюбованнымъ съ великимъ чутьемъ. Правда, въ нихъ находятся и каменныя орудія, но ясно, что человѣкъ уже владѣлъ металломъ, а камни—уже случайные „послѣдыши" дѣдовской жизни.

Еще нельзя разсказать картину древнѣйшихъ періодовъ камня. Палеолитъ въ художественномъ представленіи пока безформенъ. Искры его высокаго развитія пока еще не связаны съ остальными деталями жизни. Но русскій неолитъ уже входитъ въ картины осязательныя.

Въ послѣдній разъ обернемся на пространство жизни съ камнями.

Озеро. При устьѣ рѣки стоитъ рядъ домовъ. По утонченной изукрашенности домики не напоминаютъ ли вамъ жилища Японіи, Индіи? Прекрасными тонами переливаютъ жилища, кремни, мѣха, плетенье, сосуды, темноватое тѣло. Крыши съ высокимъ „дымомъ" крыты желтѣющими тростниками, шкурами, мѣхами, переплетены какими-то изумитель-

ными плетеньями. Верхи закрѣплены деревянными рѣзанными узоромъ пластинами. Память о лучшихъ охотахъ воткнута на края крышъ. Бѣлый черепъ бережетъ отъ дурного глаза.

Стѣны домовъ расписаны орнаментомъ въ желтыхъ, красныхъ, бѣлыхъ и черныхъ тонахъ. Очаги внутри и снаружи: надъ очагами сосуды, прекрасные узорчатые сосуды, коричневые и сѣро-черные. На берегу—челны и сѣти. Сѣти сплетали долго и тонко. На сушильняхъ шкуры: медвѣди, волки, рыси, лисицы, бобры, соболя, горностаи...

Праздникъ. Пусть будетъ это тотъ праздникъ, которымъ всегда праздновали побѣду весенняго солнца. Когда надолго выходили въ лѣса; любовались цвѣтомъ деревьевъ; когда изъ перыхъ травъ дѣлали пахучіе вѣнки и украшали ими себя. Когда плясали быстрыя пляски, когда хотѣли нравиться. Когда играли въ костяныя и деревянныя рожки-дудки. Въ толпѣ мѣшались одежды, полныя пушныхъ оторочекъ и плетешекъ цвѣтныхъ. Переступала красиво убранная плетеная и шкурная обувь. Въ хороводахъ мелькали янтарныя привѣски, нашивки, каменныя бусы и бѣлые талисманы—зубовъ.

Люди радовались. Среди нихъ начиналось искусство. Они были намъ близки. Они навѣрное пѣли. И пѣсни ихъ были слышны за озеромъ и по всѣмъ островамъ. И желтыми пятнами колыхались огромные огни. Около нихъ двигались темныя точки толпы. Воды, бурныя днемъ, дѣлались тихими и лилово-стальными. И въ ночномъ праздникѣ быстро носились по озеру силуэты челновъ.

Еще недавно вымирающіе якуты, костенѣющимъ языкомъ своимъ, пѣли о весеннемъ праздникѣ.

„Эгяй! сочно-зеленый холмъ! Зной весенній взыгралъ! Березовый листъ развернулся! Шелковистая хвоя зазеленѣла! Трава въ ложбинѣ густѣетъ! Веселая очередь игръ, веселья пора!

„Закуковала кукушка! Горлица заворковала, орелъ заклекталъ, взлетѣлъ жаворонокъ! Гуси полетѣли попарно! У кого пестрыя перья—тѣ возвратились; у кого чубы тычинами—тѣ стали въ кучу!

„Тѣ, для кого базаромъ служитъ густой лѣсъ! Городомъ—сухой лѣсъ! Улицею—вода! Княземъ—дятелъ! Старшиною—дроздъ!—всѣ громкую рѣчь заведите!

„Верните молодость, пойте безъ устали!“

Такъ дословно пѣвали бѣдные якуты свою весеннюю пѣснь.

О каменномъ вѣкѣ когда-нибудь мы узнаемъ еще многое. Мы поймемъ и оцѣнимъ справедливо это время. И узнанный каменный вѣкъ скажетъ намъ многое. Скажетъ то что только иногда еще помнитъ индійская и шаманская мудрость!

Природа подскажетъ намъ многія тайны первоначалья. Еще многіе остатки красоты мы узнаемъ. Но все будетъ молчаливо. Языкъ не остался. Ни находки, ни фантазія подсказать его не могутъ. Мы никогда не узнаемъ, какъ звучала пѣснь древняго. Какъ говорилъ онъ о подвигѣ своемъ? Каковъ былъ кличъ гнѣва, охоты, побѣды? Какими словами радовался древній искусству? Слово умерло навсегда.

Мудрые древніе Майи оставили надпись. Ей три тысячи лѣтъ:

„Ты, который позднѣе явишь здѣсь свое лицо! Если твой умъ разумѣетъ, ты спросишь, кто мы?—Кто мы?

спроси зарю, спроси лѣсъ, спроси волну, спроси бурю, спроси любовь! Спроси землю, землю страданія и землю любимую! Кто мы?—мы земля".

Когда чувствовалъ древній приближеніе смерти, онъ думалъ съ великимъ спокойствіемъ: „отдыхать иду".

Не знаемъ, какъ говорили, но такъ красиво мыслили древніе.

1908.

ДРЕВНѢЙШІЕ ФИНСКІЕ ХРАМЫ.

Въ Финляндіи вѣдуньи еще варятъ зелье изъ змѣиныхъ головъ. Въ Финляндіи, по холмамъ, затѣйливыми, непонятными кругами раскинулись каменные лабиринты, свидѣтели незапамятныхъ обрядовъ. Богатыри схоронены въ длинныхъ курганахъ. Еще звучитъ кантеле. Олафсборгъ еще вспоминаетъ о широкой рыцарской жизни, о твердыхъ высокихъ шведахъ. Знаютъ ихъ древніе каменные храмы. Еще стоятъ деревянныя церкви, звено Норвегіи съ нашимъ Сѣверомъ; такая церковь въ Кеіго.

Много важнаго для насъ есть на великомъ сѣверномъ перепутьи—въ Финляндіи.

Въ горахъ безконечныхъ, въ озерахъ неожиданныхъ, въ валунахъ мохнатыхъ, въ порогахъ каменистыхъ живетъ прекрасная сѣверная сказка.

„Скандинавскій вопросъ"—повторяю, одинъ изъ самыхъ красивыхъ среди задачъ историко-художественныхъ. По глубинѣ сравниться съ нимъ можетъ только вопросъ о восточныхъ движеніяхъ. Таинственны люди, безконечною силой своей пронизавшіе самыя древнія страны, напитавшіе ихъ сильною культурою своею. Вездѣ скандинавы оставили послѣ себя одни изъ лучшихъ и самыхъ здоровыхъ вліяній. Драгоцѣнное качество — чувство собственнаго достоинства проникало въ государственность народовъ вслѣдъ за сѣверянами.

Для русскихъ территорій значеніе скандинавовъ особенно значительно. Упсала доставила намъ человѣкообразныя божества. Фіорды дали—судоходство. Варяги — боевой строй. Въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій мы привыкали ждать силу и опору съ сѣвера. Изученіе сѣвера намъ близко и важно. Но варяжскій вопросъ все еще числится въ будущихъ задачахъ. Медленно, какъ ручной заступъ, археологія раскапываетъ пеструю груду измышленій и фактовъ. Пока дѣло все еще только усложняется. О подробностяхъ начала текущаго тысячелѣтія иногда можно говорить только съ точностью до двухъ вѣковъ! Достаточно!

Всѣ детали скандинавскаго вопроса важны для насъ. То, что интересно само по себѣ, становится значительнѣе, какъ звено большого цѣлаго. Значеніе финскихъ древнѣйшихъ храмовъ, деталь общаго вопроса; какъ увидимъ, уясненіе этой детали сулитъ въ будущемъ очень интересные выводы.

Прежде всего нужно условиться въ одномъ: въ очень

раннемъ движеніи скандинавовъ на востокъ, гораздо болѣе значительномъ, нежели обратное движеніе Новгородцевъ. Надо признать осѣдлость скандинавовъ въ западномъ углу Финляндіи въ X вѣкѣ. Слѣдуя за фактами, не покажутся странными обширные каменные католическіе храмы въ зарослях шкеръ уже въ XII и XIII вѣкѣ.

Быстро еще разъ вспомнимъ шаги скандинавовъ къ востоку. Колонизація эта должна восходить въ очень раннимъ вѣкамъ. Культура Кенигсбергскихъ и Курляндскихъ бронзовыхъ и серебряныхъ древностей—богатыхъ и многочисленныхъ; находки Волховскія, Мстинскія, Верхняго Поволжья, и въ болѣе позднихъ и въ раннихъ проявленіяхъ—все говоритъ намъ о высокой культурѣ.

Чувствуется, что внесена культура не случайными прохожими; она укрѣплена среди мѣстной жизни; она сродилась съ общимъ бытомъ; принята населеніемъ не поверхностно. По типамъ вещей можетъ быть будетъ возможность отодвинуть сѣверные шаги даже и за X вѣкъ. Если о Россіи можно говорить такъ, то очень понятно, что ближайшая къ Скандинавіи страна, полная мелкими несильными племенами—Финляндія къ X вѣку была уже насыщена вліяніями непокойныхъ искателей-викинговъ. Допуская, что Ладожане уже въ X вѣкѣ могли получать дань съ Тавастовъ, нужно сознаться, что слѣды позднѣйшихъ русскихъ движеній остались въ Финляндіи очень скромные. Нѣсколько могильниковъ, нѣсколько крестовъ Новгородскаго типа.—Не больше чѣмъ находокъ куфическихъ монетъ! За то могильники, приморскіе и островные, говорятъ о нахожденіи скандинавовъ особенно въ западной Финляндіи.

Жалко кривичей! Жалко всего того, что давно мы по-

любили приписывать милымъ сердцу ближайшимъ славянамъ. Ихъ значеніе колеблется. Финскія данныя сокращаютъ кругъ дѣйствія сѣверныхъ славянскихъ племенъ. Очень важно одно изъ послѣднихъ заключеній А. Спицына о длинныхъ курганахъ озерного и верхнеднѣпровскаго района. Въ нихъ видѣли памятники славянскіе, теперь же онъ отодвигаетъ ихъ къ финнамъ. Г. Неовіусъ въ послѣднемъ трудѣ своемъ о движеніи скандинавовъ на Русь указываетъ на основаніи данныхъ Стокгольмскихъ архивовъ въ приладожской области въ мѣстности Кексгольма озера Рурика Ярви (шведское) произношеніе—Рюрика). Пресловутыя сообщенія Нестора о приглашеніи инозсмцевъ самими славянами изслѣдователь вкладываетъ въ уста колонистовъ-скандинавовъ, уже мирно осѣвшихъ по берегамъ Волхова и Днѣпра. Странная для славянъ формула приглашенія становится вполнѣ типичною со стороны колонистовъ-пришельцевъ, зовущихъ ближайшаго своего Freiherr'a въ „свою“ землю, гдѣ они осѣли, зовущихъ для порядка, для защиты торговаго пути. Остроумно! И во всякомъ случаѣ почтенно желаніе обяснить дѣло возможно проще, практичнѣе, безъ ненужныхъ уличеній. Попутно вспомнимъ какой красоты мѣста на Сѣверѣ Ладожскаго озера; вспомнимъ длинный перечень пушныхъ звѣрей, еще и теперь наполняющихъ безконечный лѣсъ сѣвернаго озерного края. Такія особенности издалека заманивали смѣлыхъ людей. Статья Неовіуса называется „Om spår af förhistorisk Skandinavisk kolonisätion in Karden“. (Museum, № 2, 1907).

Съ разныхъ сторонъ, незнакомые другъ другу изслѣдователи, какъ видно, идутъ по одной сѣверной тропѣ. Не измышленія, но находки ведутъ ихъ. Намъ нужны всякіе показатели скандинавскаго движенія на востокъ. Всѣ данныя

складываютъ вполнѣ опредѣленное представленіе о старинномъ господствѣ скандинавовъ въ западной Финляндіи Всѣ данныя этого движенія значительны, повторяю, тѣмъ болѣе что недавно еще было стремленіе, хотя бы вопреки фактамъ, выдвинуть только Новгородскія вліянія среди финновъ.

Спокойный морской проходъ шкерами. Удобныя пристани. Высокіе берега; легкая оборона. Лѣсныя мѣстности, полныя звѣремъ и птицею. Рыбныя рѣки и озера. Всѣ прелести остановокъ для мореходовъ прежде всего сосредоточили скандинавовъ на берегахъ въ предѣлахъ Porvo—Uusikirkko. Въ глубину страны такія первоначальныя вліянія могутъ быть предположены въ предѣлахъ Тавастгуса. Этимъ же путемъ съ запада вошло и католическое христіанство. Безъ большихъ послѣдствій, кромѣ отдѣльныхъ мѣстечекъ Корелiи, остались начинанія братіи съ Валаама и Коневца, несмотря на основаніе Валаама въ 992 году.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что къ XIII вѣку еще до извѣстныхъ походовъ на Корелію Торкеля Кнудсона, на западномъ побережьи уже появились каменные храмы. Постепенно, благодаря ревнительству католицизма, храмы расписывались и украшались. Прочная кладка изъ гранитныхъ валуновъ, крѣпчайшая связка соединеній сохранили до нашихъ дней древнѣйшія церкви Финляндіи.

Не будемъ искать „небывалости“ въ простыхъ строеніяхъ храмовъ, въ ихъ высокихъ фасадахъ, украшенныхъ символи-

ческими крестами; въ длинныхъ окнахъ и низкихъ дверкахъ, теперь почти вездѣ расширенныхъ. Откровенія въ нихъ не найдемъ.

То же видимъ мы въ церквахъ Швеціи, Даніи и Помераніи, живописной Норвегіи, Шотландіи, Ирландіи. Почти тѣ же источники вдохновляли художниковъ; тѣ же средневѣковыя, сѣверныя легенды и толкованія подсказывали трактовку сюжетовъ. Иногда тѣ же самые епископы, прибывшіе изъ-за моря, призывали работниковъ къ дѣлу. И все таки группа финскихъ храмовъ со стѣнописью стоитъ въ ряду чрезвычайно интересныхъ явленій сѣвернаго края. Вѣдь то же самое о заносныхъ вліяніяхъ всегда нужно говорить и въ отношеніи русскихъ церквей. Бояться ли намъ сравненій съ Аѳономъ, Кавказомъ, Византіей, съ примитивами Италіи? Конечно нѣтъ! Мѣстное вліяніе, индивидуальное пониманіе источниковъ вездѣ сказалось. И въ раннихъ стѣнописяхъ Новгорода, Пскова и Ст. Ладоги—въ перетолкованіяхъ Византіи; въ Москвѣ и Ярославлѣ, гдѣ запоздало въ далекой дымкѣ прошли Италіанскіе примитивы. И узнавая происхожденіе стѣнописей—невозможно представить, чтобы отъ изслѣдованія ихъ поколебалось значеніе, а главное—обаяніе нашихъ памятниковъ. Преемственность была всегда и вездѣ. То, что красиво, интересно, курьезно, то остается такимъ же, несмотря ни на что. И этотъ принципъ искусства надо хранить всѣми силами. Только пристрастные глаза могутъ не видѣть зримое, во имя чего то иного, видѣннаго когда то. Я какъ бы возражаю на доводъ, что церкви Финляндіи не финскія, а всецѣло шведскія, что въ нихъ нѣтъ дѣйствительной оригинальности. Вѣдь разныя бываютъ сужденія!

Въ стѣнописи церквей финскихъ есть несомнѣнно осо-

бенности. Печать сѣвера, печать болѣе юнаго христіанства несомнѣнно присуща западно-финляндскимъ храмамъ. На нихъ нужно обратить вниманіе. Ихъ окружаютъ опасности. Большинство этихъ церквей теперь въ скромныхъ сельскихъ приходахъ. Интересъ къ красотѣ древности, тамъ конечно, очень различенъ; особенно же къ красотѣ католической. Для многихъ протестантскихъ пасторовъ украшенія настѣнныя—ненужная роскошь. Какъ памятники съ близкимъ иноземнымъ (шведскимъ) вліяніемъ, старѣйшіе храмы по существу не могутъ быть близкими значительной части населенія. Послѣ суровыхъ протестантскихъ покрововъ средневѣковья большинство живописи еще и не вскрыто. Мнѣ пришлось видѣть бѣлыя стѣны, гдѣ красноватыми и темными пятнами неясно сквозили какія то закрытыя изображенія. При изобиліи древнихъ церквей въ западной Финляндіи можно ожидать открытія цѣлыхъ интересныхъ страницъ сѣверныхъ декорацій.

Извѣстны также случаи, когда уже вскрытая живопись была замазана снова. Радость вандаламъ!—было замазано то, что справедливо привлекало вниманіе англійскихъ и скандинавскихъ ученыхъ. Такое варварство случилось между прочимъ въ Nousiainen'ѣ со второю по древности церковью. Первая по древности считается Mariankirko, до 1300 года бывшая соборомъ. Роспись въ Nousiainen'ѣ—почти не опубликована, о ней ничего нѣтъ, кромѣ довольно старыхъ брошюръ г. Nervander'а (Kirkollisesta taiteesta Suomesla keskiaikana. Kirjoitta nut E. Nervander. Helsiugissä 1887—8). Текстъ брошюръ—финскій и шведскій. Иллюстраціи плохи; сдѣланы штриховою манерою. Только за неимѣніемъ другихъ источниковъ приходится искать въ этихъ брошюрахъ

древнѣйшія изображенія Nousiainen'a. Въ художественномъ видѣ эта замѣчательная стѣнопись издана не была.

Существуетъ еще одно изданіе о старинныхъ финскихъ храмахъ, но вышло оно всего въ 200 экземплярахъ и общественнаго значенія имѣть не могло, такъ какъ книгопродавцы и достать его даже не берутся.

Содержаніе изображеній въ Nousiainen окончательно объяснено тоже не было; часть позднѣйшихъ наслоеній не отбивалась. Теперь же вся церковь выбѣлена. Только по саркофагу епископа Генриха [1])—на немъ интересные штриховые по мѣди иллюстраціи къ жизни епископа, и по инвентарной книгѣ можно догадаться, что это та самая церковь, замѣчательная, изъ-за которой продѣлано столько верстъ плохой дороги.

О стѣнописи въ Nousiainen пусть г. Nervander разскажетъ намъ самъ. Онъ видѣлъ стѣнописи въ Nousiainen; онъ почему то не отстоялъ ихъ существованіе; ему скорѣй подобаетъ умалить ихъ значеніе, нежели возвеличить. Послушаемъ его старообразный языкъ и толкованія, можетъ быть устарѣлыя.

„Совершенно особыя росписи были открыты въ Nousiainen въ 1880 г. подъ другими слоями штукатурки. Въ христіанскихъ храмахъ ничего подобнаго еще находимо не было. Вся стѣнопись была въ двухъ тонахъ, въ кирпично-красномъ и сѣромъ. Въ томъ же году эти стѣнописи были вновь за-

---

[1]) Мощи св. Генриха были перенесены 18 Іюня 1300 г. изъ Nousiainen въ Turku (Або). Епископъ Генрихъ прибылъ въ Финляндію послѣ 1150 г., когда въ Швеціи христіанство укоренилось болѣе 150 лѣтъ.

мазаны; видъ этихъ изображеній былъ слишкомъ страннымъ, даже отталкивающимъ для тѣхъ, кто ожидалъ встрѣтить въ храмѣ картины, возвышающія религіозное чувство. Высоко на стѣнахъ, на колоннахъ и на сводахъ видны были частью симметрическіе, частью фантастическіе орнаменты, изображающіе огромныхъ птицъ. Далѣе въ орнаментахъ изображались разные звѣри, лоси, единороги, лисицы, лошади, собаки, волки и фантастическія существа—русалки. Кромѣ этого виднѣлись изображенія щитовъ и нѣсколько головъ святыхъ, обведенныхъ, тщательно исполненнымъ, сіяніемъ. Затѣмъ шли изображенія, какъ бы указывавшія на прибытіе скандинавскихъ завоевателей въ Финляндію. Хотя слои извести были снимаемы осторожно, но живопись иногда все таки страдала, такъ изъ лика Христа утрачена большая часть лица. Слѣдующая часть живописи представляетъ древнюю ладью съ высокимъ кормчимъ. Затѣмъ на стѣнописи (очень попорченной) виднѣлись двѣ фигуры готовящіяся къ поединку; одинъ всадникъ верхомъ на конѣ, передъ нимъ маленькая собака; другой всадникъ, одѣтый въ остроконечную лапландскую шапку, сидитъ на звѣрѣ со многими ногами, около него звѣрь, похожій на волка. Этотъ поединокъ быть можетъ символическое изображеніе борьбы христіанства съ язычествомъ. Вѣроятно такой же смыслъ имѣетъ и другое странное изображеніе: налѣво дерево съ птицами на вѣткахъ, еще одна птица порхаетъ выше и на нее нападаютъ двѣ лисицы. Направо—большой звѣрь, видимо лось или единорогъ съ высунутымъ языкомъ. Приблизительно такими звѣрями изображался прежде Христосъ. Ниже—палачъ, поднявшій оружіе и держащій за голову маленькое человѣкообразное существо; палачъ готовится ему отрубить

голову, такъ же какъ поступилъ онъ съ другими, чьи головы уже лежатъ по другую сторону креста. Если пытаться выяснить смыслъ этой очень странной картины, которая такъ плохо вышла въ гравюрѣ, то можно бы предположить, что изображаетъ она благополучіе тѣхъ, кто держится Древа Жизни, между тѣмъ какъ суетный міръ съ лисьей хитростью подстерегаетъ людскія души. Затѣмъ изображается Христосъ—господинъ жизни и смерти и судьба мучениковъ.

Эти стѣнописи являются близкимъ подобіемъ древнѣйшихъ изображеній Ирландіи и Шотландіи и нашли здѣсь, въ христіанской церкви, слишкомъ запоздалое примѣненіе. Путь этихъ рисунковъ былъ черезъ Готландъ, съ жителями котораго обитатели Финляндіи имѣли близкія сношенія уже съ древнихъ временъ".

Судя по иллюстраціямъ брошюры г. Nervander'a, изображенія въ Nousiainen напоминали рисунки и насѣчки на сѣверныхъ скалахъ „Hällristningar". Въ нихъ чувствуются границы Палатинской капеллы и Чудскихъ фигуръ—время, когда христіанство наложило руку на священный шаманизмъ. Надо согласиться съ Nervander'омъ, что такое украшеніе церкви совершенно исключительно. Какое поразительное впечатлѣніе долженъ былъ производить такой высокій, обширный храмъ, бѣлый, покрытый по сводамъ, столбамъ, стѣнамъ красноватыми и сѣрыми іероглифами сѣверной жизни: какъ благородно сочетаніе такихъ красокъ! Нѣсколько чертъ рисунка могли бы упразднить цѣлыя страницы догадокъ; какая нибудь подробность, оставленная художникомъ даже безсознательно, могла бы пролить свѣтъ на широкій край сѣвернаго быта и Руси, конечно. Значеніе такого храма могло быть выше ковра Матильды. А те-

перь бѣлыя плоскости и страхъ, что драгоцѣнное искусство не только замазано, но, можетъ быть, и навсегда сбито.

Необходимо попытаться освободить эту стѣнопись. Я вѣрю, если мою замѣтку прочтутъ: prof. Aspelin, prof. Jvar Heikel, J. Ailio. г. Appeegren—лучшіе финскіе археологи, они, съ присущей имъ культурностью, немедленно исправятъ ошибку прошлаго. И сдѣлаютъ они это, можетъ быть, еще лучше, нежели реставрація въ Lohja; хотя тамъ впечатлѣніе древности сохранено очень заботливо.

Сеймъ не оставитъ отпустить необходимыя суммы на такое нужное дѣло!

По словамъ Неовіуса такая же судьба стѣнописи въ Naantal'ѣ, Porvo, Sjondea; все забѣлено!

Остались еще фрески въ Kimito, Rymältyla, Lóhja, Hattula (1520 г.), Kumlinge, Rauma (стѣнопись произведена въ 1510—1522 гг.), Tavasjalo (1450), Lieto, Pohja. Въ 1903 году открыты фрески въ Sauvo и въ 1904 году отбита штукатурка въ Pernio. Въ стѣнописи въ Usikirkko интересно то, что, кромѣ года, извѣстно имя художника Petrus Heinricson'a, закончившаго трудъ въ 1470 году.

Къ тому же времени, какъ и живопись въ Nousiainen, т. е. къ концу XII или къ началу XIII в., относится очень полинялая фреска на внѣшней стѣнѣ въ Hattula. Фреска изображаетъ Распятаго, окруженнаго Маріей и Іоанномъ. Красивая, простая трактовка живо переноситъ зрителя въ XII вѣкъ. Растительный орнаментъ, очень тонко исполненный, красиво расположенъ вокругъ этой замѣчательной фрески.

Какъ звено между древнѣйшею живописью al'secco и болѣе позднею уже изъ XV вѣка можно указать орнаменты

въ Hattula. Богатыя сочетанія фруктовъ и цвѣтовъ. Краски: зеленая, бѣлая, синяя, красная и сѣрая. Изъ стѣнописей XV вѣка прежде всего слѣдуетъ замѣтить украшенія въ Tevsala, ихъ время относится къ епископу Олафу Магнусону (1450—1460); гербъ его изображенъ на стѣнахъ церкви. Древнія изображенія въ Tevsala должны считаться одними изъ лучшихъ въ Финляндіи; тѣмъ досаднѣе, что часть ихъ еще не вскрыта изъ подъ штукатурки.

Чаще всего стѣнопись храмовъ сохранилась лишь частями, такъ что трудно говорить о впечатлѣніи отъ общаго вида.

Одно изъ самыхъ полныхъ впечатлѣній производитъ церковь въ Lohja. Въ 1886 году живопись въ Lohja и Hattula была освобождена отъ штукатурки и сравнительно благополучно, а четверть вѣка уже сравняли кое какія красочныя шероховатости возобновленія. Церковь эта извѣстна уже въ 1290 году, когда Lohja была однимъ изъ крупнѣйшихъ приходовъ Финляндіи. Зданіе храма—большой продолговатый корабль съ двумя боковыми притворами. На высокомъ фронтонѣ бѣлый крестъ, охраняющій зданіе, по сторонамъ—символы двухъ естествъ Господа. Подлѣ храма колокольня; нижній этажъ сложенъ изъ крупныхъ валуновъ; верхъ—деревянный. Общій видъ колокольни, надо думать, XVI-го вѣка. Живопись храма относится къ 1489—1500 годамъ, для финскихъ храмовъ—средній періодъ. Есть

указанія, что храмъ былъ украшенъ неизвѣстною намъ художницею изъ числа монахинь монастыря въ Naantal'ѣ, близъ Або. Части стѣнописи имѣютъ много общаго съ изображеніями изъ Breviarium Upsalense 1496 г. Изъ другихъ вещественныхъ датъ мы видимъ въ рукахъ одного изъ ангеловъ гербъ послѣдняго католическаго епископа Арвина Курка, умершаго въ 1523 году. Часть изображеній, конечно, пострадала при расширеніи оконъ и дверей, а также закрыта органомъ, прислоненнымъ надъ главнымъ входомъ.

Притворъ храма занятъ сценами убійства Авеля и продѣлками діавола надъ людьми. Діаволъ въ видѣ собаки пьетъ молоко изъ подойника подъ коровою, чтобы перенести это молоко человѣку, продавшемуся ему. Діаволы сидятъ на норовистыхъ лошадяхъ; діаволы помогаютъ палачамъ, терзающимъ мученика; діаволы помогаютъ слугамъ своимъ при полевыхъ работахъ.

Въ самой церкви живопись начинается отъ вышины плеча и идетъ черезъ всѣ своды и стѣны. На столбахъ, въ два ряда держащихъ своды въ серединѣ церкви,—большія изображенія одиночныхъ святыхъ и апостоловъ.

Большія плоскости и своды заняты изображеніями Рая, Изведенія изъ ада, Избіенія грѣшницы камнями, Родословной Христа, Христофора Богоносца, Богоматери и нѣсколькими сценами страстей Господнихъ. Среди изображеній святыхъ особенно излюбленными являются св. Екатерина Шведская (канонизированная въ 1479 г.), св. Генрихъ и Лалли. Краски лежатъ широкими плоскостями въ рѣзко очерченныхъ складкахъ.

Между фигурами—орнаментъ. Пустыя мѣста заполнены звѣздочками. Фонъ бѣлый. Мнѣ ясно, почему нужны были

такія ярко ограниченныя изображенія на свѣтлой поверхности: при первоначальныхъ размѣрахъ низкихъ и узкихъ оконъ при высотѣ храма нужна была опредѣленная декорація. Понятенъ и сумракъ храма. Храмъ—духовная крѣпость; храмъ—убѣжище отъ врага—долженъ тонуть въ интимномъ сумракѣ.

Для душевныхъ откровеній не нуженъ свѣтъ площади. Здѣсь человѣческое чувство не уступило буквѣ католицизма. Древніе сознавали то, что теперь уничтожено нашимъ безразличіемъ. Люди, увеличившіе окна и двери, не знали, что творили. Теперь только въ вечернемъ сумракѣ можно получить настоящее, первоначальное впечатлѣніе декораціи. Стѣны и своды храма, какъ я говорилъ, сложены изъ большихъ малоотесанныхъ валуновъ. Грани камней выходятъ изъ поверхности стѣны и разбиваютъ плоскость неожиданнымъ рисункомъ угловъ и извилистыхъ линій. Думали ли создатели о такомъ впечатлѣніи, но заботливое время украсило и довело простыя изображенія до сложной мягкости искусства нашихъ дней. Пыль легла на всѣ выпуклости камней и вмѣсто холодной стѣны въ мягкихъ складкахъ струится шелковистый гобеленъ. Бѣлая поверхность подъ патиною времени получила всѣ тепловатые налеты ткани; фигуры не вырѣзываются болѣе острыми линіями контура; мягко преломляются одежды; орнаментъ дрожитъ непонятными рунами. Время сложило красоту, общую всѣмъ вѣкамъ и народамъ.

Финны, полюбите и сумѣйте сберечь ваши старѣйшіе храмы!

ТИХІЕ ПОГРОМЫ.

Скучно быть обидчикомъ и ругателемъ.

Скажутъ: „злой человѣкъ!“.

— Не умѣетъ жить въ „хорошемъ“ обществѣ. Трогаетъ, что не слѣдуетъ. Не умѣетъ во-время закрыть глаза и заткнуть уши. Только себѣ вредитъ.

Сожалѣютъ доброжелатели.

И вотъ учишься быть благодушнымъ. По возможности не смотрѣть, меньше знать, дѣлать свое дѣло. Пусть себѣ! Снова поклоны становятся внимательнѣе и взоры мягче. Предполагаютъ: „кажется, лѣтній отдыхъ повліялъ благопріятно“.

Но дорога русскаго благодушія полна безконечныхъ испытаній.

Нельзя выѣхать никуда. Изъ дома нельзя выйти.

Каждая встрѣча приноситъ престранныя свѣдѣнія. Какъ быть съ ними?

Въ каталогѣ смоленскаго городского археологическаго музея приходится читать:

...„окаменѣлые дождевые черви, окаменѣлыя сыроѣжки, голова идола съ чертами, проведенными масляной краской, и т. п. рѣдкости".

Смѣешься и благодушествуешь:

— Ну, черви, такъ черви! Сыроѣжки, такъ сыроѣжки. Шутъ съ ними, и съ червями, и съ Писаревымъ, и съ Орловскимъ, которые такъ научно написали.

Разсказываютъ о бывшихъ исчезновеніяхъ предметовъ изъ новгородскаго музея.

Все-таки благодушествуешь.

— Можетъ быть, вещи попали въ болѣе надежныя руки. Опять же и предопредѣленіе!

Передаютъ о вновь найденномъ въ раскопкѣ идолѣ, который нѣсколько лѣтъ назадъ пропалъ изъ костромского музея. Сталъ невидимъ (такъ не будетъ ничего преступнаго).

Неукоснительно благодушествуешь:

— Да процѣтаетъ научная точность и безукоризненность. Да здравуютъ точные выводы, построенные на фактахъ изъ раскопокъ! Да живетъ точное распредѣленіе вѣковъ и предметовъ!

Шепчутъ, какъ изъ собраній одного еще не открытаго музея уже стали исчезать вещи.

Собираешься съ силами и благодушествуешь.

— Хоть и плохое начало для музея, но хвала Создателю, если начали пропадать вещи еще до открытія музея, иначе непріятности было бы больше.

Показываютъ, какъ въ Мирожскомъ монастырѣ, послѣ недавней „реставраціи“ Сафонова, обваливается вся живопись тѣмъ погибаетъ превосходный памятникъ.

Приходится уже плохо, но кое-какъ благодушествуешь:

— Сафоновъ уже много храмовъ испортилъ. Прибавимъ къ этому синодику еще одно имя, вѣдь, все равно, Сафонову поручатъ новыя работы. Все равно не остановишь шествія вандаловъ.

Пишутъ горестныя письма и ведутъ показать, какъ чудеснаго сѣдого Николу Мокраго въ Ярославлѣ, сейчасъ перекрашиваютъ снаружи въ желтый цвѣтъ, да еще масляной краской. Причемъ, совершенно пропадаетъ смыслъ желтоватыхъ фресокъ и желтовато-зеленыхъ изразцовъ, которыми храмъ справедливо славится.

Пробуешь неудачно „благодушничать“, — такъ больше похоже на „малодушничать“.

— „Таковъ обычай страны“...

При этомъ, упорно твердятъ, что новое варварство въ

Ярославлѣ дѣлается съ вѣдома археологической комиссіи. Будто бы комиссія разрѣшила и масляную краску.

Опять плохо благодушничаешь:

— Если комиссія избрала холерный цвѣтъ, пусть такъ и будетъ, теперь въ Петербургѣ холера. И, вообще, не обижайте комиссію. Такъ и говорю. Слышите! Но здѣсь благодушничанье окончательно покидаетъ. Становится ясно, что никакая комиссія не можетъ разрѣшить и знать то, что дѣлается сейчасъ въ Ярославлѣ.

Никто, сколько-нибудь имѣющій вкусъ, не можетъ вынести, чтобы бѣлаго Николу съ его чудными зеленоватыми изразцами обмазали послѣдствіями холеры.

Это уже невыносимо.

Или тутъ жестокій поклепъ на археологическую комиссію, или не завелась ли у насъ подложная комиссія.

Пусть настоящая комиссія разъяснитъ въ чемъ дѣло. Пусть комиссія печатно объявитъ, что все, что дѣлается съ Николою Мокрымъ, сдѣлано безъ всякаго ея вѣдома и должно быть строго наказано.

При этомъ, пусть комиссія все-таки пояснитъ, кто изъ художниковъ рѣшаетъ въ ней живописные вопросы.

По всей Россіи идетъ тихій, мучительный погромъ всего, что было красиво, благородно, культурно. Ползетъ безкровный, мертвящій погромъ, сметающій все, что было священнаго, подлиннаго.

Когда виновниками такихъ погромовъ являются невѣжественныя городскія управленія; когда въ погромахъ дѣйствуютъ торгаши-иконописцы, потерявшіе представленіе о „честномъ живописномъ рукодѣліи“, когда презираетъ святыни спесивая администрація, — тогда все ясно, тогда остается горевать. Остается утѣшаться примѣрами дикости изъ прежнихъ вѣковъ.

Но когда среди именъ вандаловъ клевещутъ на Импературскую Археологическую Комиссію, тогда въ смятеніи умолкаешь.

Куда же итти?

Кто же защититъ прекрасную древность отъ безумныхъ погромовъ?

Печально, когда умираетъ старина. Но еще страшнѣе, когда старина остается обезображенной, фальшивой, поддѣльной. Это страшнѣе всего и больше всего подлежитъ наказанію.

Кто бывалъ въ Ярославлѣ и видалъ храмъ Іоанна Предтечи, въ Толчковской слободѣ, тотъ теперь не узнаетъ его.

Храмъ «промытъ».

Это тотъ самый храмъ, про который я уже писалъ:

— «Осмотритесь въ храмѣ Іоанна Предтечи въ Ярославлѣ. Какія чудеснѣйшія краски васъ окружаютъ! Какъ

смѣло сочетались лазоревые воздушнѣйшіе тона съ красивою охрою! Какъ легка изумрудно-сѣрая зелень и какъ у мѣста на ней красноватыя и коричневатыя одежды! По тепловатому свѣтлому фону летятъ грозные архангелы, съ густыми желтыми сіяніями, и бѣлые ихъ хитоны чуть холоднѣе фона. Нигдѣ не безпокоитъ глазъ золото, вѣнчики свѣтятся одною охрою. Стѣны эти—тончайшая шелковистая ткань, достойная одѣвать великій домъ Предтечи!»

Такъ, искренно, пѣлось объ этомъ замѣчательномъ храмѣ. Теперь домъ Предтечи „археологически“ промытъ. Промытъ будто бы подъ призоромъ археологической комиссіи.

На «промывку» и возстановленіе потрачено, какъ говорятъ, около шестидесяти тысячъ рублей.

Вся поэзія старины, вся эпидерма живописи смыта богомазами.

Достоинство храма до «исправленія» было безмѣрно выше. Говоримъ такъ небездоказательно.

Каждый изъ художниковъ, бывшихъ прежде у Іоанна Предтечи, конечно, вспомнитъ, насколько было лучше.

Было художественнѣе, было тоньше, было благороднѣе, было несравненно ближе къ великолѣпнымъ стѣнописямъ Италіи.

Пропалъ теперь тонкій сѣро-изумрудный налетъ травы; пропали сѣрые полутоны всѣхъ бѣлыхъ частей стѣнописи; исчезла синева—выскочила синька.

Словомъ, все то глубоко художественное и религіозное, что струилось и горѣло въ живописномъ богатствѣ—все это небесное стало земнымъ, грубымъ, грѣшнымъ.

Искусство, одухотворенное священною кистью времени, «поправили»!

Самомнительно и святотатственно разрѣшили великую задачу, связующую мудрость природы, работу времени и труды человѣка.

Пришелъ нѣкто «сѣрый» и рѣшилъ, что все завершенное временемъ не нужно, что онъ — «малый» — знаетъ лучше всѣхъ, какъ слѣдуетъ снять будто-бы лишніе покровы.

Не кто иной, какъ онъ—«маленькій»,—знаетъ, какіе именно были люди, отдѣленные отъ насъ рѣзкими гранями культуры.

Какъ далеко такое самомнѣніе отъ проникновеннаго стремленія сохранить, отъ желанія уважать, любить любовью великою.

Даже храмъ, прекраснѣйшій своими чертами и красками, неспособенъ былъ вызвать заботливую, ревнивую любовь.

Да существуетъ ли она на самомъ дѣлѣ?

И такъ, понемногу, въ тишинѣ, громится духовное богатство Руси.

Незамѣтно погромляется все то, что было когда-то нужно, все то, что составляло дѣйствительное богатство и устои народа.

Погромъ страшенъ не только въ шумѣ и свистѣ рѣзни и пожаровъ, но еще хуже погромъ тихій, проходящій незамѣтно, уносящій за собою все то, чѣмъ люди живы.

Позади остаются мертвые скелеты. Даже фантастическій «танецъ смерти» не свойственъ неподвижнымъ «промытымъ» остовамъ.

И вводится въ заблужденіе народъ, и не можетъ отличить онъ, гдѣ источники живые и гдѣ мертвящіе.

Толкуя о высокихъ матеріяхъ, мы учимъ молодежь по мертвымъ буквамъ. Учимъ на томъ, что «промыто» невѣжественною рукою. Будемъ учить по подложному!

Тѣ, кто рѣшается сказать, что сейчасъ храмъ Іоанна Предтечи выглядитъ лучше, нежели былъ семь лѣтъ тому назадъ,—могутъ ли они утверждать, что видѣли его теперь и тогда.

Если не видѣли, то не должны и говорить.

Если видѣли и все-таки скажутъ, что храмъ теперь лучше,—тогда пусть займутся сапожнымъ ремесломъ.

Стѣнопись храма Іонна Предтечи въ Толчковѣ испорчена.

Кто же это сдѣлалъ? Кто наблюдалъ?

Защищайтесь!

Не думайте отмолчаться. Не думайте представиться, что вопросъ ниже вашего достоинства.

Спрашиваю не я одинъ, безпокойный.

Ждутъ отвѣта тысячи людей, которымъ искусство и красота старины близки.

Даже скромный ярославскій обыватель шепчетъ:

— „...Вѣдь не мягкой щеточкой, не ситнымъ, а водою, да зеленымъ мыломъ стѣны-то мыли. Да и заправляли тоже! А развѣ новое-то подъ старину подойдетъ?“..

Почти безграмотный человѣкъ почувствовалъ возмущеніе и шепчетъ его робкими словами.

Домъ Предтечи сталъ просто церковью, гдѣ продаются свѣчи, требы, молитвы.

Кто же слѣдилъ за этимъ „дѣломъ“?

На какого художника возложила археологическая комиссія такое отвѣтственное, творческое обновленіе работы времени и многихъ невѣдомыхъ людей?

Въ комиссіи бываютъ архитекторы, но пусть скажутъ, кто изъ художниковъ взялся такъ нелѣпо, по варварски обойтись съ прекраснымъ стѣннымъ покрытіемъ?

Пусть непремѣнно скажутъ.

Такое имячко надо записать „погромче".

Вѣдь не могли же трогать живопись безъ живописца.

Это ясно.

Вообще, положеніе охраненія памятниковъ осложнилось еще тѣмъ, что, чѣмъ бы ни ужаснулся зритель, ему слишкомъ часто отвѣчаютъ:

— Сдѣлано съ вѣдома археологической комиссіи.

Неумѣстный проблескъ благодушія.

Не злоупотребляютъ ли именемъ археологической комиссіи?

Не завелась ли гдѣ-нибудь подложная комиссія?

Теперь такъ много подлоговъ.

О надзорѣ за „промытіемъ" храма Іоанна Предтечи въ Толчковѣ пусть археологическая комиссія непремѣнно все разъяснитъ.

На нее въ народѣ растетъ слишкомъ непріятное и очевидное обвиненіе.

1911.

ЗЕМЛЯ ОБНОВЛЕННАЯ.

Всероссійскій съѣздъ художниковъ въ Петербургѣ въ будущемъ году состоится.

Все-таки состоится.

Говорю „все-таки“, такъ какъ до послѣдняго времени не былъ другомъ такого предпріятія.

Идея съѣзда художниковъ никакихъ особенныхъ чувствъ не возбуждала. Было изумленіе „объединенію“ художниковъ. Былъ эгоистическій интересъ къ любопытному собранію, но никакихъ серьезныхъ ожиданій не было.

Можно сознаться въ этомъ теперь, когда находится поводъ къ созыву съѣзда.

Ко всякимъ съѣздамъ и сборищамъ приходится относиться очень осторожно.

Всѣ мы знаемъ, что на людяхъ въ шумѣ и сутолокѣ

никакой настоящей работы не дѣлается. Только творческое одиночество куетъ будущія ступени жизни.

Сборище, съѣздъ, прежде всего —завершеніе, больше всего итоги.

На первый взглядъ кажется, какіе же итоги подводить сейчасъ нашей художественной жизни?

На чемъ, на какомъ языкѣ могутъ сговориться художники, художественные разновѣрцы?

Желать, чтобы слѣпые глаза прозрѣли? Плакаться на пошлость? Требовать проявленія интереса тамъ, гдѣ его нѣтъ и гдѣ его быть не можетъ? Жалѣть о чьей-либо бѣдственности? Ждать, чтобы уродившееся безобразнымъ сдѣлалось красивымъ?

Представьте, какъ о такихъ предметахъ заговорятъ люди другъ друга исключающіе!

Богъ съ ними, съ тому подобными итогами. Они и безъ съѣзда сами себя подвели.

И что общаго имѣютъ они съ яркимъ, значительнымъ искусствомъ, освятить которое можетъ лишь время?

Желать ли художникамъ несбыточнаго объединенія? (Подъ объединеніемъ часто понимаются не культурныя отношенія, а нетерпимо близкое приближеніе другъ къ другу).

Стремиться ли художникамъ устроить еще одно собраніе и еще разъ «проговорить» то время, что такъ драгоцѣнно для труда и совершенствованія?

Если бы вернулась хоть часть давно бывшаго сознанія о блестящемъ, самодовлѣющемъ мастерствѣ, для котораго надо дорожить всякимъ часомъ! Если бы вѣкъ нашъ былъ вѣкомъ слоновъ или мамонтовъ! Если бы работающіе со-

знавали, сколько времени ими тратится безъ пользы для ихъ собственнаго дѣла!

Думать ли художникамъ о всякихъ уравненіяхъ? Чтобы никто не выпалъ изъ строя, чтобы никто не выскочилъ. Мечтать ли о блаженномъ времени, когда не будетъ бездарныхъ, когда не будетъ талантливыхъ? Мечтами о единеніи, мечтами о равномъ строѣ сколько художниковъ было отрываемо отъ работы. Страшно сосчитать, сколько художниковъ „объединительные“ разговоры перессорили.

Говорить ли на съѣздѣ о техникѣ дѣла,—но и въ этой части искусства слѣдуетъ опять-таки не столько говорить, сколько дѣлать.

Всѣ такія темы такъ обычны для съѣзда, что для нихъ не стоило бы отрываться отъ мастерской.

Даже не такъ важно и охраненіе художественной собственности. Главное, было бы, что охранить.

Все это обыденно, вся это незначительно. Болѣе похоже на сплетни, нежели на звонкое, здоровое дѣло.

Но другомъ съѣзда все-таки сдѣлаться стоитъ.

Въ культурныхъ слояхъ общества послѣднее время замѣчаются благодатные признаки.

Подведя итоги бывшей суматохѣ искусства, съѣздъ можетъ подумать о бодромъ движеніи художественной мысли.

Въ самыхъ разнохарактерныхъ сердцахъ сейчасъ вырастаетъ одно и то же красивое чувство обновленно-національныхъ исканій.

Неизвѣстно, какъ и почему, но обнаружился общій голодъ по собственному достоинству, голодъ по познанію земли, со всѣмъ ея безцѣннымъ сокровищемъ.

Люди узнали о сложенныхъ гдѣ-то духовныхъ богатствахъ.

Въ поискахъ этихъ сокровищъ всѣ чары, всѣ злыя нашептыванія должны быть смятены.

То, что казалось заповѣднымъ, запрещеннымъ, должно стать достояніемъ многихъ. Должно обогатить.

Въ первоначальной программѣ съѣзда имѣются слѣдующія строки, совершенно не новыя, но всегда нужныя:

— „Замѣчаемый нынѣ въ русскомъ искусствѣ національный подъемъ свидѣтельствуетъ о внутренней работѣ великаго народа, создавшаго еще на зарѣ своей жизни своеобразное зодчество, иконопись, обвѣянныя поэзіей былины и сказанія, сложившаго свои поэтическія пѣсни".

— «Сильная страна не порываетъ связей со своимъ прошлымъ, но прошлое это еще недостаточно изучено, а художественные памятники его пропадаютъ съ каждымъ днемъ. Обязанность тѣхъ, кто глядитъ впередъ,—пока еще не поздно и время не стерло всѣхъ его слѣдовъ,—сберечь русское народное художественное достояніе, направивъ въ эту сторону вниманіе нашихъ художественныхъ силъ".

Въ обычныхъ культурныхъ словахъ чувствую не обычную, поношенную почву націонализма; въ нихъ, судя по общему, часто скрываемому настроенію, есть нѣчто новое.

Какой-то всенародный плачъ по прекрасному расхищаемому достоянію!

Всенародный голодъ по вѣчно красивому!

Приведенныя строки воззванія ближе мнѣ, нежели очень многимъ.

Болѣе десяти лѣтъ назадъ, съ великаго пути изъ Варягъ въ Греки, съ Волхова, я писалъ:

— Когда же поѣдутъ по Руси во имя красоты и національнаго чувства?

Съ тѣхъ поръ, учась у камней упорству, несмотря на всякія недоброжелательства, я твержу о красотѣ народнаго достоянія.

Твержу въ самыхъ различныхъ изданіяхъ, передъ самою разнообразною публикой.

Видѣть защиту красотѣ старины на знамени съѣзда для меня особенно дорого.

Еще слишкомъ много сердецъ закрыто для искусства, для красоты.

Еще слишкомъ много подложнаго находится въ обращеніи. Попытаемся разобраться!

Главное, не будемъ же, наконецъ, закрывать глаза на очевидное.

Мы научены всякими неудачами. Много превосходныхъ словъ оказалось подъ незаслуженнымъ запретомъ. Многимъ поискамъ дано несправедливое толкованіе. Но душа народа стремится ко благу. Вмѣсто сокровища случайной націи, народъ начинаетъ отыскивать клады земли.

Въ пророческомъ предвиденіи народъ отъ преходящаго идетъ къ вѣчному.

Конечно, найдутся злые люди и назовутъ новыя ясныя чувствованія пустыми мечтами. Разрушители!

На какомъ языкѣ доказать имъ, что стертыя монеты націонализма замѣняются чудеснымъ чеканомъ новыхъ знаковъ?

Лишеннымъ вѣры какъ передать, что „будущее въ прошломъ“ не есть парадоксъ, но есть священный девизъ. Этотъ девизъ ничего не разрушаетъ.

Индивидуальность, свобода, мысль, счастье,—все принимаетъ этотъ пароль.

Не ошибка сейчасъ повѣрить въ ростъ глубокаго, здороваго чувства—нео-націонализма.

Сознаемся, что названіе еще не удачно.

Оно длинно. Въ немъ больше стараго, чѣмъ новаго.

Въ обозначеніи новаго понятія, конечно, необходимо участіе слова „земля".

Принадлежность къ почвѣ надо подчеркнуть очень ясно.

Не столько опредѣленные люди, сколько ихъ наслоенія, являются опорой нашему глубокому чувству.

Мощь развивается въ столкновеніи острой индивидуальности съ безыменными наслоеніями эпохъ. Вырастаетъ логическая сила. Около силы всегда гнѣздится и счастье.

Пока трудно замѣнить нео-націонализмъ новымъ словомъ.

Не это важно. Необходимо сейчасъ отыскивать признаки обновленнаго націонализма.

Значительно вотъ что:

Именно теперь культурныя силы народа небывало настойчиво стремятся узнавать прошлое земли, прошлое жизни, прошлое искусства.

Отставляются всѣ случайныя толкованія. Новое чувство родитъ и новые пути изученія. Въ стремленіи къ истинѣ берутъ люди настоящіе первоисточники.

Становится необходимымъ настоящее «знаніе». Не извращенное, не предумышленное знаніе!

Съ ужасомъ мы видимъ, какъ мало, какъ приблизительно знаемъ мы все окружающее, всю нашу бывшую жизнь. Даже очень недалекую.

Отъ случайныхъ (непрошенныхъ) находокъ потрясаются самые твердые столпы кичливой общепризнанности.

Въ твердыняхъ залоговъ знанія мы начинаемъ узнавать, что цѣнна не отдѣльная національность. Важно не то, что сдѣлало опредѣленное племя, а поучительно то, что случилось на нашей великой равнинѣ.

Среди безконечныхъ человѣческихъ шествій мы никогда не отличимъ самаго главнаго. Въ чемъ оно?

Не все ли равно, кто внесъ больше красоты во многогранникъ нашего существованія.

Все, что случилось—важно. Радостно то, что красота жизни есть, и дали ея велики.

Древняя истина: «побѣдитъ красота».

Эту побѣду можно злоумышленно отсрочить, но уничтожить нельзя.

Передъ побѣдою красоты исчезаютъ многія случайныя подраздѣленія, выдуманныя людьми въ борьбѣ за жизнь.

Знать о красивыхъ, о лучшихъ явленіяхъ прошлой жизни хочетъ сейчасъ молодежь. Ей—дорогу.

Съ трогательною искренностью составляются кружки молодежи. Хочетъ она спасти красоту старины; хочетъ защитить отъ вандаловъ свои юныя знанія.

Кружки молодежи въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ готовятъ полки здравыхъ и знающихъ людей.

Знаю, насколько упорно стремятся они знать и работать.

Помимо казенныхъ установленій, общество идетъ само на постройку искусства.

Создаются кружки друзей искусства и старины.

Въ Петербургѣ сложилось общество друзей старины.

Въ Смоленскѣ кн. М. К. Тенишева составляетъ прекрасный русскій музей.

По частному начинанію общества архитекторовъ-художниковъ создался музей Стараго Петербурга.

Въ Кіевѣ основывается общество друзей искусства.

Будетъ наростать художественный музей, собра ный по подпискѣ. Давно, съ завистью, мы смотрѣли на пополненія музеевъ за границей на подписныя деньги.

Для художника особенно цѣнно желаніе сохранить его произведеніе, высказанное большою группою лицъ.

Такими реальными заботами только можетъ народъ выразить свою дѣйствительную любовь къ искусству.

Наше искусство становится нужнымъ.

Пріятно слышать, какъ за границею глубоко воспринимается красота нашей старины, нашихъ художественныхъ завѣтовъ.

Съ великою радостью вижу, что наши несравненные храмы, стѣнописи, наши величественные пейзажи становятся вновь понятыми.

Находятъ настоящее свое мѣсто въ новыхъ слояхъ общества.

Съ удовольствіемъ узнаю, какъ Грабарь и другіе изслѣдователи сейчасъ стараются узнать и справедливо оцѣнить красоту старины. Понять все ея великое художественное чутье и благородство.

Только-что въ „Старыхъ Годахъ„ мнѣ пришлось предложить открыть всероссійскую подписку на изслѣдованіе древнѣйшихъ русскихъ городовъ, Кіева и Новгорода.

Вѣрю, что именно теперь народъ уже въ состояніи откликнуться на это большое, культурное дѣло,

Милліонъ людей—милліонъ рублей.

Мы въ правѣ разсчитывать, что одна сотая часть населенія Россіи захочетъ узнать новое и прекрасное о прежней жизни страны.

Такая всенародная лепта во имя знанія и красоты, къ счастью, уже мыслима. Надо начать.

Настало время для Руси собирать свои сокровища.

Собирать! Собирать хотя бы черновою работою.

Разберемъ послѣ. Сейчасъ надо сохранить.

Каждому изъ насъ Россія представляется то малою, то непостижимо большою.

Или кажется, что вся страна почти знакома между собою.

Или открываются настоящія бездны неожиданностей.

Дѣйствительно, бездны будущихъ находокъ и познаній безконечно велики.

Приблизительность до сихъ поръ узнаннаго—позорно велика.

О будущемъ собирательствѣ красоты, конечно, надлежитъ заговорить прежде всего художникамъ.

Лишь въ ихъ рукахъ заботы о красотѣ могутъ оказаться не архивомъ, но жизненнымъ, новымъ дѣломъ.

ладоискатели поучаютъ:

„Умѣй записи о кладахъ разобрать правильно. Умѣй въ старинныхъ знакахъ не спутаться. Умѣй пень за лѣшаго не принять. Не на кочку креститься. Будешь брать кладъ, бери его смѣло. Коли онъ тебѣ сужденъ, отъ тебя не уйдетъ. Начнетъ что казаться, начнетъ что слышаться,—не смотри и не слушай, а бери свой кладъ. А возьмешь кладъ, неси его твердо и прямо“.

Художественный съѣздъ можетъ поговорить и порѣшить многое о великихъ кладахъ красоты, минуя все обыденное.

Если не будетъ разговоровъ—зря, то этотъ обмѣнъ мнѣніями, а главное фактами, пойдетъ впрокъ русскому искусству.

Русло неонаціонализма чувствуется.

Придумаемъ движенію лучшее названіе.

Слова отрицанія и незнанія замѣнимъ изумленіемъ и восхищеніемъ.

Сейчасъ необходимо строительство.

ЦЕРКОВЬ ИЛЬИ ПРОРОКА ВЪ ЯРОСЛАВЛѢ.

Любящій и знающій искусство человѣкъ только-что пишетъ мнѣ:

— Нужно написать что-либо по поводу опасности разрушенія, грозящаго церкви Ильи пророка въ Ярославлѣ. Неужели и этотъ памятникъ погибнетъ?

Новыхъ свѣдѣній о несчастіяхъ церкви Ильи пророка у меня нѣтъ, но то состояніе, въ какомъ я видѣлъ храмъ два года назадъ, вызвало серьезныя опасенія. Если же за это время трещины въ сводахъ не остановились, то недолго и до серьезнаго разрушенія.

Въ недавнее время сильно пострадали двѣ выдающіяся церкви Ярославля—Николы Мокраго и Ивана Предтечи. У Николы выкрасили желтой масляной краской чудесную бѣлую съ зелеными изразцами колокольню. Неслыханное безобразіе! Церковь Ивана Предтечи внутри п р о м ы л и; чи-

стили такъ свирѣпо, что снесли всѣ нѣжные налеты красокъ. Навсегда пропалъ чудный лазоревый фонъ и матово-золотистая охра.

Не вѣрю, чтобы послѣ двухъ обидныхъ недосмотровъ (выражаясь мягко) и третьему замѣчательному памятнику Ярославля грозила бы бѣда разрушенія или смывки?

Деньги на поддержаніе церкви Ильи пророка должны найтись въ изобиліи; вѣдь, не оскудѣлъ еще Ярославль богатыми людьми. Самое исполненіе работъ должно быть безотлагательно поручено знающимъ и понимающимъ красоту старины людямъ. Не жестокимъ старателямъ и не холоднымъ чиновникамъ. Теперь, съ каждымъ годомъ, все пристальнѣе слѣдятъ за памятниками старины тысячи любящихъ глазъ.

Церковь Ильи пророка не должна погибнуть. Прекрасныя стѣны въ теплыхъ радостныхъ краскахъ, затканныя чудесною живописью, должны стоять. Мы должны знать, что глупое темное время, когда расхищались, разрушались народныя сокровища, ушло навсегда.

Ярославцы не осрамятся, не забудутъ про Илью пророка.

ПАМЯТНИКЪ СВ. ОЛЬГѢ.

Собрались ставить во Псковѣ памятникъ княгинѣ Ольгѣ. Идутъ разговоры. Что важнѣе всего, имѣются въ наличности деньги. Дѣло оформилось, и можно о немъ сказать.

При обсужденіи подробностей памятника возникаетъ масса трудныхъ вопросовъ. Какъ рѣшить, какой именно слѣдуетъ поставить памятникъ? На кого возложить отвѣтственность? Кто поручится, что по близости поэтичнаго Дѣтинца не окажется пренепріятное сооруженіе? Кого призвать къ исполненію? Которое мѣсто счесть лучшимъ для памятника?

Открывается бездна хлопотливыхъ соображеній; въ результатѣ, можетъ быть, тихій, забытый Псковъ „украсится“ посредственною фигурою. Вмѣсто празднества произойдутъ скучныя безконечныя нареканія.

Досадно, что предпринимается нѣчто трудно выполнимое

въ то время, когда въ Псковѣ уже создался интересный памятникъ, драгоцѣнный для города, типичный для края. Этотъ уже сложившійся памятникъ можетъ быть посвященъ св. Ольгѣ.

Говорю объ извѣстныхъ собраніяхъ Плюшкина. О всемъ томъ, что собрано въ сорокалѣтнемъ трудѣ рукою псковича, спасшаго многія вещи отъ уничтоженія. Несмотря на предметы малой цѣнности, которые неминуемо нерѣдко попадаютъ въ частныя собранія въ коллекціяхъ Плюшкина имѣются и прекрасныя вещи. Изъ нихъ можетъ составиться цѣлый отдѣлъ областного музея и то, что такъ спорно для пріобрѣтенія въ Петербургѣ, сейчасъ легко можетъ остаться въ Псковѣ.

Культурное дѣло древнехранилища имени св. Ольги вполнѣ достойно дѣлъ первой княгини. Собранное Плюшкинымъ цѣнно именно для псковскаго края. Начиная отъ первобытныхъ древностей и кончая обиходными предметами изъ изчезающихъ домовъ псковскаго дворянства, все складываетъ для зрителя поучительную картину, цѣнный документъ. Въ такомъ собраніи, сложенномъ самою жизнью безъ предвзятой идеи, можно установить любопытныя наслоенія русской областной жизни. Во всемъ богатствѣ развернется передъ изслѣдователемъ пестрой конгломератъ достиженій высокой утонченности и полуформеннаго дѣтскаго лепета. Яркая русская картина.

Уже нѣмецкія и англійскія предложенія будто бы приближаются къ собраніямъ Плюшкина, вывозъ русскихъ вещей за границу можетъ быть опять становится возможнымъ, къ общему нашему смущенію. Денегъ на пріобрѣтеніе собраній ждать нечего и тутъ же рядомъ будетъ лежать капиталъ для ольгинскаго памятника!

Памятники должны вполнѣ отвѣчать сущности лица, которому они посвящены.

Развѣ можетъ отвѣтить широко думавшей княгинѣ Ольгѣ памятникъ-фигура, конечно, вовсе не схожая съ оригиналомъ? Только памятникъ-музей, который въ будущемъ запечатлѣетъ всю жизнь родного края, можетъ быть достойнымъ памяти св. Ольги.

Памятникъ-музей приличествуетъ св. Ольгѣ, собирательницѣ земли. Музей трудно собрать, и надо думать, само время подготовило такой памятникъ во Псковѣ. Подумайте и рѣшите!

ВСЕНАРОДНОЕ.

Общество архитекторовъ-художниковъ согласилось съ моимъ предложеніемъ. Рѣшено открыть всероссійскую подписку на изслѣдованіе древнѣйшихъ русскихъ городовъ Новгорода и Кіева. Признано, что въ дѣлѣ общекультурныхъ устоевъ страны уже пора обращаться не только къ правительственнымъ учрежденіямъ, но прежде всего къ народу. Уже надлежитъ народу знать свою исторію, знать свои сокровища, беречь свои богатства.

Встрѣтились два пріятеля.

— Слышали, будете собирать деньги на изслѣдованіе городовъ?

— Будемъ. Скоро начнемъ. Уже слышимъ сочувственные отклики.

— Только вамъ на эти дѣла не дадутъ денегъ-то.

— Отчего? Развѣ на худое подбиваемъ?

Кому какое дѣло до изслѣдованія прошлой жизни? Кому надо знать прошлыя культуры? У насъ города безъ фонарей, безъ водопровода, бѣзъ путей сообшенія, а вы о раскопкахъ...

— Не клевещите на народъ. Изъ ста тридцати милліоновъ людей если одна двадцатая часть задумается о значеніи древности, и то составится крупная сумма. По рублямъ полмилліона соберется

— Хотите держать пари, что ваша подписка плохо пойдетъ?

— Лѣтъ десять назадъ согласился бы съ вами. Но съ тѣхъ поръ страна перешагнула большія культурныя грани. Умы задумались надъ такими неожиданными задачами, что немыслимое мыслимымъ стало. Уже стало почетнымъ участвовать въ изслѣдованіи забытой поучительной жизни. Уже поняли былинную красоту древности. Даже грубѣйшіе люди стали понимать, что древности составляютъ подлинныя сокровища.

— Все-таки, трудно вамъ отыскать сочувствующихъ. Слишкомъ велика страна. Слишкомъ трудно вамъ найти другъ друга.

— Въ этомъ вы правы. Нашему спросу и предложенію встрѣтиться не легко. Обиднѣе всего сознавать, что и сейчасъ, въ эту самую минуту, гдѣ-то на Руси сидитъ кто-нибудь и придумываетъ, къ чему бы приложить свои средства.

— А если вы соберете мало, всего тысячъ десять, двацать, развѣ стоитъ съ такими средствами приниматься за большія дѣла?

— Всегда стоитъ. Даже съ самыми малыми средствами

можно добыть превосходные памятники прошлаго. Слишкомъ земля насыщена находками. Кромѣ того, во время самой работы легче всего могутъ подойти средства. Первыя удачныя находки могутъ всколыхнуть новую волну интереса".

— Значитъ, уповаете на свое упрямство?

— Именно такъ. Только кремневымъ упрямствоъ можно двигать культурныя дѣла. Вспомните, какъ составился музей въ Нюрнбергѣ, или какъ Сѣверный музей въ Стокгольмѣ создался лишь частными силами. Одна всенародная лотерея въ Швеціи дала для музея на нашъ счетъ полтора милліона рублей. Неужели большая Россія, по вашему, хуже и глупѣе, нежели маленькая Швеція?

И у насъ есть примѣры единоличныхъ, сильныхъ начинаній. Хотя бы посмотрѣть, какъ быстро двигаетъ музей академіи наукъ В. В. Радловъ. Это дѣло растетъ, прежде всего, его сильнымъ желаніемъ сдѣлать полезное.

— Конечно, все это такъ. Но все-таки я опасаюсь за ваше дѣло.

— Что же, по вашему, наше дѣло скверно, нечестно, недостойно, спекулятивно, глупо?

— Конечно, нѣтъ. Когда-нибудь повѣрятъ, что ваши доводы были своевременны и полезны, а теперь убоятся новыхъ выступленій.

— Наконецъ-то вы договорились. Вы сказали истинное слово „убоятся". Во все можно увѣровать. Всякій спросъ найдетъ предложеніе. Всякая воля можетъ быть убѣждена полезностью дѣла, „но „страхъ" труднѣе всего побороть. Въ нашей русской жизни слишкомъ много страха; маленькаго, сѣраго страха. Мы боимся будней. Мы боимся громко заговорить. Боимся высказать радость. Боимся переставить

вещи. Боимся подумать ясно и безповоротно. Мы легко примиряемся съ тѣмъ, что намъ что-то не суждено. Мы боимся заглянуть впередъ. Боимся обернуться назадъ въ безпредѣльную, поучительную жизнь, нужную для будущаго. Но отъ страха, наконецъ, нужно лечиться. Пора перестать бояться темноты и призраковъ, въ ней живущихъ. Все-таки, я вѣрю, что Россія, неожиданная, незнаемая Россія, готова для бодрой культурной работы.

Хочу вѣрить подобно вамъ. Изслѣдуйте старинную жизнь. Заодно изслѣдуйте и живущихъ людей, нашихъ общихъ знакомыхъ. Когда-нибудь непремѣнно разскажите, какъ и кто отозвался на ваши призывы. У васъ составятся любопытныя воспоминанія.

Въ безвѣріи ушелъ одинъ пріятель.

Другой хотѣлъ ободрить.

— Ну что-жъ, если средствъ не найдется, то, по крайней мѣрѣ, хоть полезный разговоръ выйдетъ.

Опять разговоръ. Неужели опять только всенародный разговоръ?

Должно, наконецъ, въ Россіи начаться и дѣло.

Будемъ твердить и вѣрить.

ВЕЛИКІЙ НОВГОРОДЪ.

— «Бояху-бо ся звѣринаго ихъ нрава»,—замѣчаетъ о новгородцахъ Никоновская лѣтопись.

Боялись князья идти управлять сильными, непокойными ильменцами.

Но напророчила Марѳа Посадница. Сталъ Великій Новгородъ самымъ скромнымъ, самымъ тихимъ изъ русскихъ городовъ.

Притаился.

Скрылъ свой прежній ликъ. Никто не представитъ себѣ, какъ тянулся великій, пестрый, шумный Ганзейскій городъ на версты до Юрьевскаго монастыря, до Нередицы, до Лядки. Никто не признаетъ жилымъ мѣстомъ пустые бугры и низины, сейчасъ охватившіе Новгородъ.

Даже невозможно представить, чтобы когда-нибудь новгородцы:

— «Были обладателями всего Поморья и до Ледовитаго моря и по великимъ рѣкамъ Печоры и Выми и по высокимъ непроходимымъ горамъ во странѣ, зовомой Сибирь, по великой рѣкѣ Оби и до устья Бѣловодныя рѣки; тамо бо беруще звѣри дики, сирѣчь соболи».

Трудно повѣрить, какъ ходили новгородцы до моря Хвалынскаго (Каспійскаго) и до моря Венеційскаго.

Невообразимо широкъ былъ захватъ новгородскихъ «молодыхъ людей». Молодая вольница безпрерывно дерзала и стремилась. Успѣхъ вольницы былъ успѣхомъ всего великаго города. Въ случаѣ неудачи, старѣйшинамъ срама не было, такъ какъ бродили люди «молодшіе». Мудро!

Но вездѣ, гдѣ было что-нибудь замѣчательное, успѣли побывать новгородцы. Отовсюду все цѣнное несли они въ новгородскую скрыню. Хранили. Прятали крѣпко.

Можетъ быть, эти клады про насъ захоронены.

Въ самомъ Новгородѣ, въ каждомъ бугрѣ, косогорѣ, въ каждомъ смывѣ, сквозитъ безконечно далекая, обширная жизнь.

Черная земля насыщена углями, черепками, кусками камня и кирпича всѣхъ вѣковъ, обломками изразцовъ и всякими металлическими остатками.

Проходя по улицамъ и переулкамъ города, можно изъподъ ноги поднять и черепокъ X—XII вѣка и кусокъ старо-венеціанской смальтовой бусы и монетку, и крестикъ, и обломокъ свинцовой печати...

Глядя на жирные пласты прошлыхъ эпохъ, не кажется преувеличеннымъ сообщеніе В. Передольскаго, что жилой слой новгородской почвы превышаетъ семь саженей.

Вы идете по безграничному кладбищу. Старое, изжитое мѣсто. Священное, но ненужное для жизни.

Всякая современная жизнь на такомъ священномъ курганѣ кажется неумѣстною и, можетъ быть, не случайно сейчасъ глубоко усыпленъ временемъ Великій Новгородъ.

Пора серьезно опять обратиться къ старому Новгороду.

Обстоятельства создаютъ и собирателей. Но ихъ мало.

Собраніе Передольскаго, съ его широкими, но путанными замыслами лежитъ подъ спудомъ, а между тѣмъ оно важно для Новгорода, такъ же, какъ собраніе Плюшкина близко Пскову.

Да оно и много лучше собранія Плюшкина.

Слѣдуетъ помогать такимъ собирателямъ. Но не хватитъ у города находчивости изъ этихъ собраній сдѣлать продолженіе своего расхищеннаго музея.

Поймутъ ли «отцы города», что въ ихъ рукахъ сейчасъ не рыбное, не лѣсное, не хлѣбное дѣло, а единственное подлинное сокровище—былое Новгорода со всѣми его останками!

Въ 1911 году Великій Новгородъ будетъ праздничнымъ.

Послѣ долгихъ сомнѣній справедливо рѣшено собрать въ Новгородѣ археологическій съѣздъ.

Во главѣ съѣзда опять будетъ отзывчивая гр. П. С. Уварова. Она умѣетъ поднять людей, умѣетъ и взять дѣло пошире. Въ ней есть то, чѣмъ «любитель» часто одолѣваетъ «спеціалистовъ». Ко времени съѣзда Новгороду придется показать многое изъ того, что скрыто сейчасъ.

Мое предложеніе образовать музей Допстровскаго исскусства и открыть всероссійскую подписку на изслѣдованіе Новгорода древнѣйшихъ городовъ русскихъ было встрѣчено очень многими сочувственно.

Мнѣ кажется, не откладывая, слѣдуетъ всѣми силами начать собирать средства.

Находки изъ этихъ изслѣдованій,—а ихъ будетъ огромное количество,—должны поступить въ музей до-петровскаго искусства и быта. Какъ ни странно, но до сихъ поръ въ столицѣ нѣтъ много цѣльнаго историко-бытового музея.

Отдѣльныя находки сосредоточены въ Эрмитажѣ, въ археологическомъ обществѣ и археологическомъ институтѣ. Небольшіе отдѣлы находятся въ академіи наукъ, въ артиллерійскомъ музеѣ, въ хранилищахъ университета, но все это разрознено, часто трудно доступно.

Нуженъ въ Петербургѣ музей, равный по значенію московскому историческому. И Россіи, гдѣ находки еще только начинаютъ выявляться, слѣдуетъ подумать о матеріалахъ для такого хранилища. Конечно, начнемъ съ Новгорода и Кіева.

Нѣсколько обществъ, нѣсколько издательствъ могутъ приняться за это большое культурное дѣло.

Въ первую голову, принялось за дѣло изслѣдованія городовъ обществв архитекторовъ-художниковъ, которое собирается въ академіи художествъ въ Петербургѣ. И это правильно.

Вотъ почему. Во-первыхъ, изслѣдованіе городовъ должно быть ближе всего зодчимъ. Они—творцы лица государства.

Зодчимъ поручается многое въ укладѣ нашей жизни—велико должно быть къ нимъ и довѣріе.

Именно зодчимъ должны быть вѣдомы условія нарастанія городовъ. Они больше другихъ должны чувствовать всю захороненную житейскую мудрость прежнихъ устройствъ.

Строительная молодежь, которая собирается вокругъ

общества архитекторовъ-художниковъ, будетъ крѣпнуть на такихъ историческихъ изысканіяхъ, развивая свой вкусъ и опытъ для новаго творчества.

Во-вторыхъ, общество архитекторовъ-художниковъ—молодо. Пока—внѣ всякихъ скучныхъ, запретительныхъ традицій. Общество быстро развивается и не боится новыхъ дѣлъ. Въ общество охотно идутъ, и такимъ путемъ складывается кадръ многосторонній, пригодный для крупныхъ начинаній.

Молодому обществу удалось уже многое спасти, многое выяснить. Зоркіе, молодые глаза усмотрѣли уже много вандализмовъ и громко указали на нихъ.

Обществу покровительствуетъ Великая Княгиня Марія Павловна, новый президентъ академіи художествъ. Великая Княгиня съ большимъ рвеніемъ занялась новой работой. Она окажетъ самое горячее покровительство широкому, общегосударственному дѣлу, близкому каждому любителю искусства и старины.

Слѣдуетъ начать подписку. Помощь будетъ.

Уже въ 1911 году, къ съѣзду, работа можетъ дать первые результаты.

Въ концѣ іюля Комиссія Допстровскаго Музея начнетъ раскопку южной стороны Дѣтинца, гдѣ стояли княжьи терема, а также пять старыхъ храмовъ. Въ то же время возможна раскопка и на старомъ городищѣ, гдѣ долгое время жили княжьи семьи.

Люблю новгородскій край. Люблю все въ немъ скрытое. Все, что покоится тутъ же среди насъ.

Для чего не надо ѣздить на далекія окраины: не нужно въ дальнихъ пустыняхъ искать, когда бездны еще не от-

крыты въ срединной части нашей земли. По новгородскому краю все прошло.

Прошло все отважное, прошло все культурное, прошло все вѣрящее въ себя. Бездны нераскрытыя! Даже трудно избрать, съ чего начать поиски.

Слишкомъ много со всѣхъ сторонъ очевиднаго Чему дать первенство? Упорядоченію церквей, нахожденію старыхъ зданій, раскопкамъ въ городѣ или подъ городомъ въ самыхъ древнихъ мѣстахъ?

Наиболѣе влекутъ воображеніе подлинный видъ церквей и раскопка древнѣйшихъ мѣстъ, гдѣ каждый ударъ лопаты можетъ дать великолѣпное открытіе.

На рюриковскомъ городищѣ, мѣстѣ древнѣйшаго поселенія, гдѣ впослѣдствіи всегда жили князья съ семьями, все полно находокъ. На огородахъ, изъ береговъ безпрестанно выпадаютъ разнообразные предметы, отъ новѣйшихъ до вещей каменнаго вѣка включительно.

Чувствуется, какъ послѣ обширнаго поселенія каменнаго вѣка на низменныхъ Коломцахъ, при впаденіи Волхова въ Ильмень, жизнь разрасталась по болѣе высокимъ буграмъ, черезъ Городище, Нередицу, Лядку—до Новгорода

На Городищѣ, можетъ быть, найдутся остатки княжьихъ теремовъ и основанія церквей, изъ которыхъ лишь сохранилась одна церковь, построенная Мстиславомъ Владиміровичемъ.

Какія поучительныя таблицы наслоеній жизни можетъ дать изслѣдованіе такого стариннаго мѣста. Обидно, когда такія находки разбѣгаются по случайнымъ рукамъ.

Кромѣ Городища цѣлый рядъ пригородныхъ урочищъ споритъ о древности своего происхожденія.

Коломцы (откуда Передольскій добылъ много вещей каменнаго вѣка), Лядка, Липна, Нередица, Сельцо, Ракомъ (бывшій дворецъ Ярослава), Мигра, Звѣринцы, Вяжищи, Радятина, Холопій городокъ, Соколья Гора, Волотово, Лисичья Гора, Ковалево и многія другія урочища и погосты ждутъ своего изслѣдователя.

Но не только лѣтописныя и легендарныя урочища полны находокъ.

Прежде всего, повторяю, самъ городъ полонъ ими. Если мы не знаемъ, чѣмъ были заняты пустынные бугры, по которымъ, несомнѣнно, прежде тянулось жилье, то въ предѣлахъ существующаго города извѣстны многія мѣста, которыя могли оставить о себѣ память.

Ярославле Дворище (1030 г.), Петрятино Дворище, Дворъ Нѣмецкій, Дворъ Плесковскій, два Готскихъ Двора, Княжій Дворъ, Гридница Питейная, Клеймяныя Сѣни, Дворы Посадника и Тысяцкаго, Великій Рядъ, Судебная Палата, Иновѣрческія ропаты (часовни), Владычни и Княжьи житницы, наконецъ, дворы большихъ бояръ и служилыхъ людей—всѣ эти мѣста, указанныя лѣтописцами, не могли исчезнуть совсѣмъ безслѣдно.

На этихъ же мѣстахъ внизу лежитъ и цѣлый бытъ долѣтописнаго времени.

Все это не изслѣдовано.

Дико сказать, но даже Дѣтинецъ новгородскій и тотъ неизслѣдованъ, кромѣ случайныхъ, хозяйственныхъ раскопокъ.

Между тѣмъ Дѣтинецъ весьма замѣчателенъ. Настоящій его видъ не многаго стоитъ. Слишкомъ все перестроено.

Но слѣдуетъ помнить, что мѣсто Дѣтинца очень древнее,

и площадь его, гдѣ въ вѣчномъ поединкѣ стояли Княжъ-Дворъ и съ Владычной стороны св. Софія видѣла слишкомъ многое.

Уже въ 1044 году мы имѣемъ лѣтописныя свѣдѣнія о каменномъ Дѣтинцѣ. Юго-западная часть выстроена княземъ Ярославомъ, а сѣверо-восточная—его сыномъ св. Владиміромъ Ярославичемъ. Хорошіе, культурные князья! Отъ нихъ не могло не остаться какихъ-либо прекрасныхъ находокъ.

Словомъ, огромный новгородскій курганъ не раскопанъ. Можете начать его, откуда хотите, откуда удобнѣе, откуда болѣе по средствамъ и силамъ.

Хотите-ли заняться возстановленіемъ церквей? У васъ тоже есть всюду работа, такъ какъ въ каждой старой церкви что-нибудь нужно во имя искусства исправить.

Возьмемъ, что легко вспомнить.

Красивая церковь Петра и Павла, на Софійской сторонѣ, испорчена отвратительной деревянной пристройкой. Уровень храма былъ на цѣлый этажъ ниже. На стѣнахъ несомнѣнно были фрески.

Въ церкви Ѳедора Стратилата у Ручья замазаны фрески. Ихъ слѣдуетъ открыть.

Въ Николо-Дворищенскомъ соборѣ на стѣнахъ совершенно непристойная живопись. Были фрески: вѣроятно, что-нибудь отъ нихъ сохранилось.

У Ѳедора Стратилата, на Софійской сторонѣ, замазаны цвѣтные изразцы.

Въ Благовѣщенской церкви, на Рюриковомъ Городищѣ фрески далеко не изслѣдованы.

Также не изслѣдованы вполнѣ стѣнописи въ Волотовѣ

и Ковалевѣ. Въ Ковалевѣ ясно видны три слоя живописи. Изъ нихъ нижній слой, конечно, наиболѣе интересенъ.

Можно привести длинный списокъ всего, что нужно исправить въ церковной старинѣ Новгорода.

Длиненъ могъ бы быть и списокъ непоправимаго.

Умерло многое уже на нашихъ глазахъ.

Подъ непристойною работою Сафоновской артели погибъ Софійскій храмъ. Пріѣзжіе иностранцы недоумѣваютъ о такой невообразимой для первокласснаго собора росписи Чуждыми и странными кажутся случайно сохранившіеся еще иконостасы и отдѣльныя иконы.

Безъ горести нельзя вспомнить о погибшей внѣшности Нередицкаго Спаса.

Сиротливо стоитъ Новгородская глава на новыхъ византійскихъ плечахъ. Нелѣпы византійскія формы, при глубоко ушедшихъ въ землю фундаментахъ Нестерпимо сухи вновь пройденные карнизы и углы.

Смотрю на Спаса и еще разъ мысленно говорю Покрышкину, что онъ сдѣлалъ со Спасомъ прескверное дѣло. Поступилъ не похристіански.

На собраніи общества архитекторовъ-художниковъ, послѣ моего доклада о Спасѣ, Покрышкинъ только сказалъ: „дѣло вкуса“.

Онъ правъ. Ничего другого ему сказать и не оставалось И на это сказать тоже нечего. Странный, бѣдный вкусъ!

Въ серединѣ Спаса теперь часто копошатся художники. Зарисовываютъ.

Вспоминаю, что во время моихъ первыхъ поѣздокъ по старой Руси не встрѣчалось такъ много работающихъ надъ стариною.

Значитъ, интересъ растетъ. Наконецъ-то!

Случайная встрѣча еще разъ подсказываетъ, что въ Новгородѣ искать надо.

Ѣхали мы на Коломецъ, къ Ильменю.

Отъ Юрьевскаго скита закрѣпчалъ „боковикъ". Зачехала вода по бортамъ. Перекинуло волну. Залило.

Затрепетала городская лодка. Подозвали мы тяжелую рыбачью ладью; въ ней пошли на Коломецъ

Старикъ-рыбакъ держалъ рулевое весло. За парусомъ сидѣла дочка. На мѣдномъ лицѣ сіяли бѣлые зубы.

Спросили ее:

— Сколько лѣтъ тебѣ?

— А почемъ знаю.

— Да неужели не знаешь. Ну-ко, вспомни. Подумай!

— Не знаю, да, вѣрно, ужъ больше двадцати.

И сидѣли рыбаки, крѣпкіе. Такіе помираютъ, но не болѣютъ.

На Коломцѣ скоро заторопилъ старикъ обратно:

— А то, слышь, уѣду! Лодки-то сильно бьетъ!

Заспѣшили. Забрались на рыбачью корму, но городская лодка съ копальщиками не сходила съ берега.

Трое гребцовъ не могли тронуть ее.

— Али помочь вамъ? Садитесь вы всѣ! Пошла по глубокой водѣ дюжая новгородка.

Взялась за лодку, и совсѣми гребцами легко проводила въ глубину. Съ воды прямо взобралась на корму.

Сущая Марфа Посадница.

А рядомъ, на высокой кормѣ, сидѣлъ ея старикъ. Суховатый, орлиный носъ. Острые, запавшіе глаза. Тонкія губы.

Борода—на два большихъ кудряша. И смотрѣлъ на волны зорко. Одолѣть и казнить ихъ собрался.

Сущій Иванъ Грозный.

Марѳа Посадница, Иванъ Грозный! Все перепуталось, и стала встрѣча съ диковатыми рыбаками почему-то нужною среди впечатлѣній.

Такой народъ еще живетъ по озерамъ. Рѣдко бываетъ въ городѣ. Такъ же, какъ земля, умѣетъ онъ хранить слова о старинѣ. Такъ же, какъ въ землѣ, трудно узнать, откуда и съ чего начать съ этимъ народомъ.

Вездѣ нетронуто. Всюду заманчивые пути творчества. Всегда богатыя находки.

Придутъ потомъ другіе. Найдутъ новые пути. Лучшія приближенія. Но никто не скажетъ что искали мы на пустыхъ мѣстахъ. Стоитъ работать.

ПОДЗЕМНАЯ РУСЬ.

Пусть нашъ Сѣверъ кажется бѣднѣе другихъ земель. Пусть закрылся его древній ликъ. Пусть люди о немъ знаютъ мало истиннаго. Сказка Сѣвера глубока и плѣнительна. Сѣверные вѣтры бодры и веселы. Сѣверныя озера задумчивы. Сѣверныя рѣки серебристыя. Потемнѣлые лѣса мудрые. Зеленые холмы бывалые. Сѣрые камни въ кругахъ чудесами полны. Сами варяги шли съ Сѣвера. Все ищемъ красивую древнюю Русь.

Много лѣтъ пришлось помечтать и поговорить о раскопкахъ въ Кіевѣ и Новгородѣ. Немногимъ любящимъ старину пришлось стыдить, сердиться. Лишній разъ пришлось подивиться на нашихъ скептиковъ. А скептиковъ у насъ много; особенно въ искусствѣ и въ наукѣ. Личина глубокаго скепсиза во многихъ житейскихъ дѣлахъ очень пригодна.

Но вотъ вмѣсто холодныхъ, убивающихъ голосовъ по-

слышались голоса живые, любящіе дѣло. Съ высокимъ вниманіемъ отнеслась къ изслѣдованію Новгорода Великая Княгиня Марія Павловна. Откликнулась кн. М. К. Тенишева и для начала дѣла прислала тысячу рублей. Гр. П. С. Уварова въ личной со мной бесѣдѣ высказалась сочувственно за изслѣдованіе Кремля. Энергично помогъ предсѣдатель общества архитекторовъ-художниковъ гр. П. Ю. Сюзоръ. Поддержали: кн. М. С. Путятинъ, А. В. Щусевъ, В А. Покровскій и прочіе члены комиссіи Допетровскаго музея.

И вотъ юный Допетровскій музей могъ на своемъ щитѣ, прежде всего, вписать:

— «Раскопка въ новгородскомъ Кремлѣ».

Сложилось начало большого дѣла; въ немъ будетъ мѣсто многимъ работникамъ и многимъ рублямъ, многимъ препятствіямъ и многимъ побѣдамъ.

Къ нашему дѣлу присоединилось и военно-историческое общество и удѣлило пятьсотъ рублей на обмѣры башенъ и стѣнъ южной части Дѣтинца. Особенно постарался за Новгородъ секретарь отдѣла военной археологіи Н. М. Печенкинъ.

Было рѣшено приступить къ Новгороду немедля. Начать изслѣдованіе Кремля и, для сравненія культурныхъ слоевъ, произвести развѣдки на Рюриковомъ Городищѣ.

Для начала не обошлось безъ помѣхъ. Не подождавъ нашу раскопку, новгородская городская управа наковыряла ямъ на мѣстѣ, ею же отведенномъ для изслѣдованія. Архивная комиссія и губернаторъ знали объ этомъ, но почему-то спѣшно не воспрепятствовали, какъ слѣдовало бы. Пріѣзжалъ членъ археологической комиссіи Б. Фармаковскій, возмутился дѣйствіями управы и архивной комиссіи и

доложилъ въ Петербургѣ. Археологическая комиссія потребовала предать суду нежданныхъ копателей. Новгородское общество любителей древности не нашлось немедля протестовать противъ дѣйствій управы. Вообще, любезностью и тороватостью новгородцы не отличались. Произошла путаница.

Только стараніями разныхъ ученыхъ обществъ нелѣпое постановленіе думы было отмѣнено.

Пока шла неразбериха съ ямами, накопанными управою, мы, съ Н. Е. Макаренкомъ, секретаремъ Допетровскаго музея, поѣхали для развѣдокъ на Рюриково Городище. Остановились въ церковномъ училищѣ, наискось отъ жирныхъ стѣнъ Юрьева монастыря. Гдѣ-то въ этихъ мѣстахъ Аристотель Фіоравенти навелъ черезъ Волховъ мостъ для Ивана Грознаго, стоявшаго на Городищѣ.

Кромѣ исконнаго поселенія, на Городищѣ долгое время жили новгородскіе князья со своими семьями. Московскіе князья и цари часто тоже стояли на Городищѣ, хотя иногда разбивали ставки и на Шаровищѣ, гдѣ теперь Сельцо, что подлѣ Нередицы. Княжескіе терема оставались на Городищѣ долго. Вѣроятно, дворецъ на Городищѣ, подаренный Петромъ I Меньшикову, и былъ однимъ изъ старыхъ великокняжескихъ теремовъ.

Богатое мѣсто Городище! Кругомъ синія, заманчивыя дали. Темнѣетъ Ильмень. За Волховомъ—Юрьевъ и бывшій Аркажскій монастырь. Правѣе сверкаетъ глава Софіи и коричневой лентой изогнулся Кремль. На Торговой сторонѣ бѣлѣютъ всѣ храмы, что „кустомъ стоятъ“. Виднѣются Лядка, Волотово, Кирилловъ монастырь, Нередица, Сельцо, Сковородскій монастырь, Никола на Липнѣ, за лѣсомъ

синѣетъ Бронница. Все, какъ на блюдечкѣ за золотымъ яблочкомъ.

Озираемся съ бугра, на которомъ стоитъ высокій крестъ. Зовется мѣсто: „Никола“. Среди храмовъ Городища упоминается Никольская церковь, сгорѣвшая въ 1201 г. „отъ грома“.

Изслѣдуемъ бугоръ и, дѣйствительно, находимъ основаніе небольшой деревянной сгорѣвшей церкви, но существовала она, видимо, и въ XVIII вѣкѣ. Вещи сплавились. Осталась бѣлая смазка пола, какъ въ Нередицѣ, и гончарныя плиточки, довольно тонкаго обжига.

Изъ пяти церквей, извѣстныхъ на Городищѣ по лѣтописямъ, теперь сохранилась лишь одна Благовѣщенская, построенная въ 1099 году Мстиславомъ Великимъ, сыномъ, Мономаха. Въ этомъ храмѣ находилось знаменитое Мстиславово Евангеліе. Отъ прочихъ храмовъ, отъ всѣхъ теремовъ ничего не осталось. Даже и развалинъ не видно. Только въ крутыхъ обрывахъ по Волхову пестрѣютъ известь и кирпичи. Явно, что какія-то строенія смыты бѣшеною, во время ледохода, рѣкою. Предположенія оправдываются. Въ ризницѣ церкви находимъ планъ Городища 1780 года. На планѣ видно, что за столѣтіе съ небольшимъ Волховъ, измѣняя свое теченіе, оторвалъ около 12-ти саженей высокаго берега. Насколько же раньше выступало впередъ Городище! Въ Волховѣ покоятся и терема и часть храмовъ. Словомъ, вся лучшая часть поселенія; все, что стояло на видныхъ, передовыхъ мѣстахъ. Теперь понятно, почему главную массу старинныхъ предметовъ находятъ не на берегу а весною внизу, подлѣ самой воды. Изъ-подъ береговъ къ намъ несутъ мѣстныя находки: браслеты, обломки вислыхъ

печатей, бусы, черепки и металлическія подѣлки. Намъ ясна толщина жилого слоя и гибель лучшей части Городища; пора спѣшить въ Кремль.

Кремль много разъ перестраивался. Начатъ каменный Кремль при Ярославѣ. Сильно перестроенъ и достроенъ при Андреѣ (сынѣ Александра Невскаго) и при Иванѣ III. Возобновлены были стѣны при Петрѣ I и при Александрѣ I и, наконецъ, часть рухнувшей стѣны была спѣшно вновь сложена наканунѣ освященіи памятника Тысячелѣтія. Еще не такъ давно въ башняхъ были жилыя помѣщенія, но теперь почти всѣ башни необитаемы. Въ высокомъ Кукуѣ выломаны лѣстницы. Княжая башня держится только на „честномъ словѣ“ Въ Архивной башнѣ весь архивъ заваленъ пометомъ. Вообще, Кремль новгородцамъ, видимо, представляется отхожимъ мѣстомъ. Всѣ башни грозятъ паденіемъ. Нужны многія тысячи, чтобы не заткнуть, а только починить ихъ. И здѣсь наши отцы, полные отрицанія старины, оставили намъ плохое наслѣдіе.

Вся южная часть Дѣтинца теперь занята огородами. Прежде здѣсь стояли многія строенія и до 20-ти церквей. Здѣсь же проходило нѣсколько улицъ и главная улица Кремля Пискупля. Гдѣ-то возлѣ Пискупли стоялъ храмъ свв. Бориса и Глѣба, поставленный на мѣстѣ древней, сгорѣвшей Софіи. На этихъ же огородахъ были всѣ княжія постройки и самые терема. Какъ извѣстно, Княжая башня вела на Княжій дворъ.

Трудно все это представить, глядя на пустырь. Не вѣрится старинамъ изображеніямъ Кремля; не вѣрится рисункамъ иноземныхъ гостей. На планахъ, сравнительно недавнихъ (XVIII в.), еще значатся на мѣстѣ огорода какіе то квадраты зданій. Куда это все дѣвалось?

Какимъ образомъ прочныя, старинныя стѣны, трубы, фундаменты изгладились совершенно? Когда каменныя кладки превратились въ гладкій огородъ? Неразрѣшимые вопросы.

Стоимъ на пустырѣ среди мирной капусты. Мечтаемъ о быломъ видѣ Дѣтинца. Всячески комбинируются историческія справки. Говорится много предположеній. Ясно, что на первую тысячу мы не можемъ вскрыть многое. Хочется захватить поудобнѣе, повѣрнѣе. Наконецъ, избирается мѣсто для длинной траншеи въ мѣстности Кукуя и Княжой башни. По догадкамъ, здѣсь мы должны затронуть какія-либо постройки Княжого двора. Конечно, еще лучше было бы мѣсто подъ домами причта, но оно было застроено безъ всякихъ изслѣдованій. Мѣсто съ ямамами, накопанными управою, конечно, рѣшено не трогать.

Начинаемъ копать. Чувствуется какая то неувѣренность и даже боязнь. Пугаетъ свѣдѣніе Передольскаго, что жилой слой Новгорода идетъ до 21 аршина. Вспоминаются петербургскія пророчества о томъ, что всѣ слои земли давно перемѣшаны, перерыты.

Ниже наноснаго, огороднаго слоя очень близко отъ поверхности земли уже показываются обломки всякихъ строительныхъ матеріаловъ. Куски кирпича, цвѣтные изразцы, части слюды, гвозди и скобы. Самаго зданія нѣтъ. Чуется его близость. Опять подозрѣваемъ сады и дома причта. Этотъ каменнаго строенія мусоръ оттуда. Черепки изъ верхнихъ слоевъ относятся къ недавнему времени и до XVI в. Видно, что слои нетронуты. Любопытная картина начинается ниже второго аршина. Вылѣзаютъ деревянные срубы. Основы какихъ то многочисленныхъ, густо стоявшихъ по-

строекъ. Поперекъ траншеи направленіемъ на Кукуй обнаруживается длинный помостъ изъ тесаныхъ плахъ. Можетъ быть деревянное покрытіе улицы. Конечно окончанія его неизвѣстны. Срубы прямо нагромоздились одинъ на другой. Между ними какія то перемычки изъ вбитыхъ стоймя бревенъ. Продолженія строеній заманчиво далеко идутъ за стѣнки траншеи. Намъ нужно дойти до материка, развлекаться случайною стѣнкою нельзя. Вещи становятся интереснѣе. Гребни, ложки, кадушки, кресала, ножи, горшечки. Уже начался старый деревянный Новгородъ. Очевидно мы угадали мѣсто, и находимся гдѣ то на Княжомъ Дворѣ. Не успѣваетъ одинъ слой строеній быть сфотографированнымъ, обмѣряннымъ и снятымъ, какъ за нимъ сейчасъ же вылѣзаетъ другой. Многія строенія видимо уничтожены пожаромъ.

Траншея пріобрѣтаетъ фантастическій видъ. Оба бока наполнены уходящими въ стѣнки земли бревнами. Тесаными и круглыми. Гдѣ высунулся помостъ. Гдѣ какой то глубокій срубикъ въ аршина полтора размѣромъ. Гдѣ наискось торчитъ уголъ, срубленный въ лапу.

Главная предчувствованная нами задача разрѣшена. Жилые слои Кремля оказались не перекопанными. Картина древняго Новгорода не тронута. Въ пустующей южной части Кремля при достаточныхъ средствахъ можно раскрыть все распредѣленіе зданій и улицъ. Конечно для этого нужны крупныя деньги. Тысячъ десять. Но за то какая большая задача будетъ разрѣшена. Настоящая національная задача. Врядъ ли можно достать казенныя суммы.

Это дѣло частныхъ, богатыхъ, культурныхъ людей. Думаю, что еще не обращаясь къ Пирпонту Моргану, можно

дождаться средствъ, на изслѣдованіе древнѣйшаго пункта Русскаго Государства. Вѣдь есть же благодѣтели на храмы, больницы, школы. Наша археологическая задача тоже не есть прихоть, не есть роскошь. Познаніе самаго себя первая задача. На ней стоитъ все будущее. Рискую еще разъ показаться смѣшнымъ. Во имя искусства и прекрасной древности это не страшно. Буду ждать, что на имя До-Петровскаго Музея въ Академіи Наукъ поступятъ какія то средства. Раньше я думалъ начать съ подписки. Но во всякой подпискѣ есть какое то принужденіе. Сперва надо испытать любятъ ли у насъ свое, свободно, безъ указанія. Даже курьозно, неужели никто, подобно кн. Тенишевой, не захочетъ вписать въ свою дѣятельность: „содѣйствіе изслѣдованію древняго Новгорода". Неужели ни въ комъ изъ промышленнаго міра уже не живы, забыты завѣты великой взаимопомогающей Ганзы.

Осторожно двигаемся глубже. Рабочимъ неудобно выбирать землю среди нагроможденій дерева.

Никому неизвѣстно, какимъ образомъ громоздились срубы другъ на друга въ разныхъ направленіяхъ, наростая въ слой 3—4 аршинъ. Можно думать, по черепкамъ, что мы находимся въ XIII в. Можетъ быть даже и раньше, такъ какъ А. А. Спицынъ не разъ отодвигалъ датировку гончарныхъ формъ и орнаментовъ. Горшки такіе же какъ на Днѣпрѣ подъ Смоленскомъ, въ славномъ варяжскомъ гнѣздѣ въ Гнѣздовѣ.

Уже кончаемъ пятый аршинъ. О материкѣ нѣтъ и помина. Рабочимъ уже тѣсновато работать.

— „А если здѣсь слой аршинъ на десять? Что же тогда будемъ дѣлать?" недоумѣваетъ Макаренко.

Въ этомъ вопросѣ первая мысль о деньгахъ. Хватитъ ли

довести до материка. Иначе никакой картины кремлевскихъ напластованій не получится и вся наша работа будетъ почти не къ чему. Но пока работа кипитъ.

Вторую траншею закладываемъ у Княжой Башни, которая стояла у Княжаго Двора и гдѣ замѣтны какія то впадины и бугорки. Очевидные слѣды строеній. Сознаемъ, что очень глубоко рыть нельзя изъ за близости разрушающейся Башни. Если башня рухнетъ вовсе и не по нашей винѣ, какой вой подымутъ разныя человѣкоподобныя? Но нужно знать, что заключаютъ въ себѣ видимые бугры.

Не глубже какъ на полъаршина натыкаемся на каменную кладку. Освобождаются три стѣны небольшаго квадратнаго помѣщенія имѣвшаго кирпичный полъ сложенный въ клѣтку. Вѣроятно строеніе примыкало къ башнѣ. Около стѣнъ обычныя находки: изразцы, слюда. Кромѣ того осколки ядеръ и частицы панцыря. Кирпичный полъ имѣетъ замѣтные склоны къ бокамъ. Ужъ не сводъ ли? Пробуемъ, подъ кирпичемъ идетъ насыпной чистый песокъ, а еще на 8 вершковъ начинается знакомый черный нажитой слой. По бокамъ открытаго строенія замѣтны слѣды какихъ то деревянныхъ основаній. Сразу намѣчается сыпь развалинъ, которая скрыта подъ всѣмъ огородомъ. Весь Кремль—нераскопанный курганъ.

На веселомъ іюльскомъ припекѣ наблюдаю пріятную картину. Рядомъ помѣщается неутомимый Н. Е. Макаренко, кругомъ него мелькаютъ разноцвѣтные рукава копальщиковъ. Ростутъ груды земли, черной, впитавшей многія жизни. У Княжей Башни орудуютъ наши рьяные добровольцы искренній любитель старины инженеръ І. Б. Михаловскій и В. Н. Мѣшковъ. На стѣнѣ помѣстился со своими обмѣрами

мой братъ Борисъ. Изъ оконцевъ Кукуя выглядываютъ обмѣрщики Шиловскій и Коганъ. Взводъ арестантовъ коситъ бурьянъ около стѣны. Изъ новгородцевъ интересъ проявляютъ Романцевъ, Матвѣевскій, о. Конкординъ. Хоть посмотрѣть приходятъ.

Кромѣ того мы знаемъ, что у Ѳедора Стратилата на Торговой Сторонѣ, очищаютъ фрески (и пока хорошо очищаютъ). На Волотовѣ Мясоѣдовъ, Мацулевичъ и Ершовъ изучаютъ и возстановляютъ стѣнопись.

Кажется, что Новгородъ зашевелился; кто-то его пытается пробудить.

Но радость недолгая, по крайней мѣрѣ, для нашей партіи. Деньги уплываютъ. На новгородцевъ надежды нѣтъ. Скоро придется отложить работу до новыхъ средствъ.

О новой траншеѣ уже и не думаемъ, хотя мѣста для нея такъ и напрашиваются. Всѣми участниками овладѣла одна мысль: хоть бы до материка дойти. Напряженно слѣдимъ за каждымъ новымъ ударомъ лопаты.

Уже спустились на шестой аршинъ. Срубы не прекращаются. Вещи идутъ уже изъ XII—XI вѣковъ.

Изъ боковъ траншеи уже просачивается вода. Каждое утро приходится ее откачивать ведрами. Въ сырой землѣ трудно и непріятно работать. Поэтому появленіе материка привѣтствуется одинаково и нами, и рабочими.

Материкъ показался на глубинѣ 6 аршинъ 5 вершковъ. Подчищаемъ яму и подводимъ итоги.

Ожиданіе насъ не обмануло. Если годъ тому назадъ я писалъ только по догадкѣ, что Великій Новгородъ лежитъ подъ землею нетронутымъ, то теперь могу это повторить уже на дѣлѣ.

Въ Кремлѣ культурный строй невредимъ и ждетъ изслѣдователей. Въ толщинѣ отъ 4-хъ до 7-ми аршинъ. Кремль насыщенъ всякими строеніями разныхъ вѣковъ.

Надо уѣзжать. Открытую траншею пробуемъ передать въ вѣдѣніе предварительнаго комитета будущаго археологическаго съѣзда, но предсѣдатель комитета, мѣстный губернаторъ, оказался не въ силахъ охранить нашу раскопку до съѣзда. Придется тратить послѣднія деньги еще на засыпку, а съѣзду нельзя будетъ представить картину напластованій Кремля. Жаль.

На прощанье еще разъ осматриваемъ нѣсколько пригородныхъ древнихъ мѣстъ, — Волотово, Ковалево, Холопій Городокъ, Лисичью Гору, Вяжицкій монастырь. На всѣхъ мѣстахъ могутъ быть интересныя изслѣдованія. Въ Ковалевѣ и на Лисичьей Горѣ еще вполнѣ видны внушительныя монастырскія очертанія. Но для этихъ работъ нужны большія деньги. такъ же какъ и на поддержаніе Вяжицкаго монастыря.

О Вяжицкомъ монастырѣ мало знаютъ. Благодаря отвратительной дорогѣ, мало кто его посѣщаетъ. Но самъ монастырь достоинъ большого вниманія.

Не сусальный великанъ, какъ Юрьевъ монастырь. Не пограничный терпѣлецъ, какъ Псково-Печерскій. Не суровый печальникъ, какъ Валдайско-Иверскій. Вяжицкій монастыр особенный. Одинокая дорога по непроѣзднымъ вяжищамъ упирается въ монастырь. Около, на полянѣ, деревушка Кругомъ лѣса и болота. Дальше и дороги нѣтъ.

Въ мартѣ будущаго года монастырь будетъ праздновать свое пятисотлѣтіе. Жаль если ему придется справлять праздникъ въ такомъ же запущенномъ видѣ, какъ сейчасъ. Вновь

назначенный архимандритъ о. Вячеславъ съ перваго дня пріѣзда началъ подчищать „нажитые слои“. Но денегъ мало, и задача о. Вячеслава трудна.

Хотя отдѣльныя помѣщенія монастыря еще относится къ XVI вѣку, но общій видъ его надо считать Никоновскимъ. При Никонѣ монастырь обстроился, насчитывалъ нѣсколько сотъ монаховъ, а главное—изукрасился отличными изразцами. Теперь грустно видѣть, какъ обширное хозяйство монастырское обѣднѣло, зданія даютъ трещины, украшенія падаютъ. Надо думать, что о. Вячеславу удастся найти средства поддержать обитель.

Не въ далекихъ пустыняхъ, не за высокими горами все, все полно находокъ, все ждетъ работниковъ, все нуждается въ помощи, а здѣсь, между нами, въ трехъ, четырехъ часахъ ѣзды изъ средоточія страны. Да и обѣднѣлъ-то не какой-нибудь проходимецъ, а самъ Господинъ Великій Новгородъ.

Теперь о старинѣ принято говорить. Къ старинѣ потянулись. За два послѣдніе года въ одномъ Петербургѣ создалось три общества любителей старины. Музей стараго Петербурга. Допетровскій музей искусства и быта. Общество охраненія памятниковъ старины, поставившее себѣ первую отличную задачу хорошо возстановить и поддержать историческое село Грузино.

Сейчасъ о старинѣ столько пишутъ, что намъ, поднимавшимъ это движеніе, даже страшно становится.

Ужъ не мода ли это? Просто случайная. скоро проходящая мода? Или это слѣдствіе культурности?

Только будущее дастъ вѣрный приговоръ. Только оно укажетъ, кто изъ какихъ цѣлей занимался стариною.

Одно—пустой, ненужный разговоръ. Совершенно другое—дѣло, требующее знаній, труда, затратъ и любви.

Пока будемъ надѣяться, что къ старинѣ общество пошло путемъ искренности и восхищенія; живымъ путемъ изученія старины для ступеней будущаго творчества.

Научаемся вѣрить, что:

— „Незнающій прошлаго не можетъ думать о будущемъ“.

ИКОНЫ.

Еще одинъ иноземецъ увѣровалъ въ наши старыя, чудесныя, красивыя иконы. Ришпэнъ смотрѣлъ въ Москвѣ выставку, устроенную московскимъ археологическимъ институтомъ, и пришелъ въ восторгъ отъ красоты нашихъ священныхъ изображеній. Вспомнимъ, что Морисъ Дени и Матисъ, когда были въ Москвѣ, а Бланшъ, Симонъ и цѣлая толпа лучшихъ французовъ, когда видѣли наше искусство въ Парижѣ, воздали заслуженное нашимъ иконамъ и нашему старому ускусству.

Называю иноземцевъ, ибо намъ, своимъ, не вѣрили, когда мы, въ восторгѣ, говорили то же самое. Даже всего десять лѣтъ назадъ, когда я безъ конца твердилъ о красотѣ, о значительности нашихъ старыхъ иконъ, многіе, даже культурные люди еще не понимали меня и смотрѣли на мои слова, какъ на археологическую причуду.

Но теперь мнѣ пришлось торжествовать. Лучшіе иноземцы, лучшіе наши новаторы въ иконы увѣровали. Начали иконы собирать, не только какъ документы религіозные и научные, но именно какъ подлинную красоту, нашу гордость, равноцѣнную въ народномъ значеніи итальянскимъ примитивамъ.

Славу Богу, слѣпота прошла: иконы собираютъ; изъподъ грязи возжигаютъ чудныя, свѣтоносныя краски; иконы издаютъ тщательно, роскошными изданіями; музеи гордятся иконными отдѣлами; передъ иконами часами сидятъ въ восхищеніи, изучаютъ, записываютъ; иконами гордятся. Давно пора!

Наконецъ, мы прозрѣли; изъ нашихъ подспудныхъ кладовъ добыли еще чудное сокровище. Это сознаніе настолько пріятно, что можно даже простить тотъ снобизмъ, который сейчасъ возникаетъ около „моднаго“ иконнаго почитанія. Снобы,—этотъ маленькій ужасъ нашихъ дней—пройдутъ и займутся новымъ „сегодняшнимъ“ днемъ, а правдивый „завтрашній“ день сохранитъ навсегда великое сознаніе о прекрасномъ русскомъ народномъ творчествѣ, выявившемся въ старыхъ иконахъ.

Кромѣ пополненныхъ музеевъ, у насъ разрослись богатыя собранія Лихачева, кн. Тенишевой, Ст. Рябушинскаго, Остроухова, Харитоненко... Все это — крѣпкія, любовныя руки, и попавшее къ нимъ будетъ свято и укрѣпится въ твердомъ мѣстѣ. Гр. Д. Толстой и Нерадовскій тоже стараются для русскаго музея, и при нихъ иконный отдѣлъ становится на должную высоту. Давно пора!

Хорошо сдѣлалъ и московскій археологическій институтъ, что во-время сумѣлъ устроить хотя и небольшую числомъ, но великую значеніемъ выставку.

Радуюсь, что Москва оцѣнила выставку, посѣщаетъ, любитъ ее. Значеніе для Руси иконнаго дѣла поистинѣ велико. Познаніе иконъ будетъ вѣрнымъ талисманомъ въ пути къ прочимъ нашимъ древнимъ сокровищамъ и красотамъ, такъ близкимъ исканіямъ будущей жизни.

ЛИСТКИ.

МАРЕСЪ И БЁКЛИНЪ.

Если суждено искусству вступить въ новую фазу приближенія къ мірскому и обновить „линію“ жизни,—какіе пересмотры предстоятъ!—поразительно!

Сколько признаннаго, сколько излюбленнаго придется отодвинуть, чтобы строить Пантеонъ красоты многихъ вѣковъ и народовъ.

Спрячутся нѣкоторые любимцы и выступятъ другіе, и съ бо́льшимъ правомъ.

Въ новыхъ, дворцахъ свѣта, тона и линіи забудемъ темныя пространства музеевъ. Не холодной системой,—свободнымъ, творческимъ теченіемъ мысли будемъ отдыхать въ нихъ. Будемъ находить подходы къ искусству иные, чѣмъ къ положительному знанію, безъ всякаго приближенія къ этой противоположной области.

Велики примѣры Востока; трогательны призрѣнія при-

митивовъ; поразительны свѣтлыя дерзновенія импрессіонистовъ. Длинная нить—далекая отъ фальшиваго, близорукаго „реализма“, чуждая всякой пошлой мысли. Этими путями идемъ впередъ; обновляемся къ чутью краски-тона; очищаемъ наше пониманіе слова „живопись“.

Безчисленны пути Красоты. Ясные, прямые пути убѣдительны впечатлѣніемъ. Малѣйшее чуждое, привходящее, разрушаетъ смыслъ и чистоту вещи. Маски въ искусствѣ противны. Противна маска живописи на рисункѣ. Безсмысленна фреска безъ красокъ, лишенная творческой гармоніи тона. Нужна открытая, громкая пѣснь о любимомъ; нужны ясныя слова о томъ, что хочешь сказать, хотя бы и одиноко.

И каждый долженъ искать въ себѣ, чѣмъ повиненъ онъ передъ искусствомъ; чѣмъ, немудро, заслонялъ онъ дорогу свою къ блестящему „какъ сдѣлать“. Иногда еще можно отбросить ненужное; иногда есть еще время ускорить шагъ. Сознаніе ошибокъ не страшно.

Прекрасны для насъ сокровища тѣхъ, что прошли прямою дорогою искусства. Смотримъ на нихъ съ бережливостью; безъ страха отодвигаемъ повинныхъ въ уклоненіи. Это—жизнь.

О Беклинѣ написанъ длинный рядъ отличныхъ статей. Знаемъ его мѣсто среди большихъ мастеровъ, завоеванное трудомъ и силою среди насмѣшекъ и брани. Каждая его картина подробно объяснена. Большая сила! Но почему сначала онъ былъ такъ неугоденъ толпѣ? Чѣмъ онъ провинился? Неужели тѣми немногими холстами, гдѣ есть пятна настоящаго тона? Но такихъ вещей не очень много; въ массѣ работъ онъ долженъ бы быть другомъ толпы... Недоразу-

мѣніе! онъ говорилъ имъ любезное, часто даже пріятное ихъ духу и уровню, а они изъ-за немногихъ мазковъ не разсмотрѣли его, не признали многихъ пріятельскихъ жестовъ. Вольно или невольно, онъ принесъ имъ большую часть своего дарованія. Многое, можетъ быть, себѣ дорогое отдалъ неблагодарному народу, а его все-таки гнали. И даже хвала толпы подъ конецъ жизни не всегда могла заглушить отзвуки прежнихъ рѣчей.

И тутъ же почти въ то же время говорилъ другой, широко обращался кругомъ, но въ словахъ его было гораздо меньше угодливости такъ называемымъ лучшимъ чувствамъ толпы, и его просто не слушали. Его считали ненужнымъ и неопаснымъ и даже гнать не хотѣли. Даже не столько сердились, сколько пожимали плечами и качали головами.

Маресъ проходилъ незамѣченнымъ,

Смѣшно и жалко подумать: всего нѣсколько отдѣльныхъ людей проникли и поняли Мареса! всего нѣсколько людей во всю жизнь!

Онъ говорилъ только во имя Искусства, и толпа была чужда ему; чуждый ей, онъ грезилъ украсить залы выставки для какихъ-то невѣдомыхъ людей. Но случайно проходящимъ мимо искусства что были его красочныя откровенія? Его истинныя украшенія зданій жизни?

Толпа не шла къ его холстамъ; его стѣнописи, которыя должны бы вести толпу, подымать ее въ минутахъ отрѣшенія отъ окружающаго, оставались для нея далекими, холодными, бездушными. А вѣдь, живопись Мареса была вовсе не безформенна,—наоборотъ, онъ глубоко понималъ форму и гармонію ея съ живописью. Это не были только красоч-

ныя симфоніи,—у Мареса всѣ картины полны глубокой художественной мысли. Но его разсказъ былъ тончайшимъ видѣніемъ поэта, мыслью художника, безъ всякой примѣси, безъ вульгарности, подъ покровомъ только настоящей живописи.

Мыслить только художественно—обыкновенно уже преступленіе; облечь полотно въ чудесныя ризы—для толпы уже недоступно. Какую же цѣнность на проходящемъ рынкѣ могли имѣть мечты Мареса о Гесперидахъ, о волшебныхъ садахъ съ чуднымъ тономъ листвы? Чистыя мысли Мареса о прекрасныхъ тѣлахъ, въ ихъ эпической простотѣ движенія, насыщенныхъ переливами красокъ? Разсказы о вѣчномъ, достойные лучшихъ стѣнъ!

Видѣнія, святые, всадники, рыцари, чудовища... Тѣ же стремленія, какъ у Бёклина, и другая, совершенно другая дорога.

Сравненія мало къ чему служатъ, а въ искусствѣ особенно. Но бываютъ поразительныя сопоставленія, которыя бьютъ по глазу, кричатъ въ ухо о случившемся.

Маресъ и Бёклинъ теперь встрѣтились на Столѣтней выставкѣ въ Берлинѣ; встрѣтились многими холстами. Кто-то поставилъ ихъ рядомъ. Кто-то захотѣлъ, чтобы о Маресѣ и Бёклинѣ задумались рѣшительно. Для памяти Мареса эта выставка—сущій праздникъ; жаль, что нельзя было собрать и еще его вещей.

Но что случилось со всѣмъ, что такъ хорошо выходитъ въ воспроизведеніи изъ картинъ Бёклина, что случилось со всѣмъ этимъ отъ сосѣдства Мареса? Все, о чемъ многіе думали и о чемъ уже хотѣли говорить сразу стало яснымъ.

Труднѣе судить рисунки; можно всегда спорить о по-

строеніи, но тонъ всегда говоритъ за себя, и только отсутствіе противопоставленія иногда временно спасаетъ его достоинство. Тонъ, конечно, первое качество живописи, наиболѣе абсолютенъ, и въ немъ главное требованіе къ живописцу. Мысль только отчасти заслонитъ глазъ рефлексами въ другіе центры; построеніе и рисунокъ стоятъ отдѣльно и безъ живописи картина—ободранный скелетъ, желтый, обтянутый и страшный въ темномъ углу музея. Золото лаковъ дружественно этимъ подкрашеннымъ рисункамъ; фотографія передаетъ ихъ отлично, тонъ ей не мѣшаетъ.

Кто былъ на Берлинской выставкѣ, тотъ видѣлъ праздникъ Мареса и рядомъ холодность картинъ Бёклина. Что-то тайное стало явнымъ и непоправимымъ. Какой-то новый зубецъ колеса повернулся.

ВРУБЕЛЬ.

Ярко горитъ личность Врубеля. Около нея много солнечнаго свѣта. Много того, что нужно.

Хочется записать о Врубелѣ.

Повидаться съ нимъ не приходится. Стоитъ мнѣ пріѣхать въ Москву, оказывается, онъ уже въ Петербургѣ. Если прихожу на выставку, гдѣ онъ долженъ быть непремѣнно, мнѣ говорятъ „только сейчасъ ушелъ“. И такъ нѣсколько лѣтъ. Пока не знаю его, надо о немъ записать. Послѣ знакомства впечатлѣніе всегда мѣняется. Сама внѣшность, лицо и то уже все измѣчяетъ; а слово, а мысль? И сколько разъ горестно вспоминалось, къ чему знать автора? какой осадокъ на пѣснѣ произведеній часто остается отъ слова самого художника.

Съ Врубелемъ перемѣна къ худшему не будетъ при знакомствѣ. Могутъ прибавиться личныя черточки, собствен-

ныя мысли Врубеля о своихъ задачахъ. Говорятъ, онъ человѣкъ рѣдкой чуткости и обаянія. Все, что около него, тоже чуткое и хорошее. Хорошо, что такъ говорятъ; достойно, что такъ и есть. Это такъ рѣдко теперь. Часто около новыхъ твореній стоятъ люди старые ликами и внутри некрасивые.

Около Врубеля ничто не должно быть некрасивымъ.

Свѣтитъ свѣтъ и въ немъ, и на всемъ, что движется близко. Страшенъ намъ священнѣйшій культъ мудрецовъ великой середины. Какимъ невыносимымъ долженъ быть среди него Врубель, середины не знавшій. Въ холодномъ хорѣ убивающихъ искусство, какъ страшно звучитъ голосъ Врубеля и какъ мало голосовъ за нимъ. Высокая радость есть у Врубеля; радость, близкая лишь сильнѣйшимъ; середина никогда не примирится съ его вещами. Пріятно видѣть, какъ негодуетъ мудрецъ середины передъ вещами Врубеля. Не глядя почти на картину, спѣшитъ онъ найти хулу на искусство. Но крикъ его, правда, безъ разума; и въ самомъ среднемъ сердцѣ не можетъ не быть искры, вспыхивающей передъ красотою. Какую же хулу, грубую и безсмысленную нужно произнести, чтобы скорѣй затушить свѣтящую искру. Середина долго дрожитъ, долго колеблется послѣ картинъ Врубеля. Не скоро мудрецъ середины остановится безъ хорошаго и злого, безъ ангела и безъ дьявола,—ненужный, какъ ненужно и все строеніе его.

Какой напоръ нашей волны безразличія долженъ выносить Врубель? Вѣдь сейчасъ мы даже будто перестали уже негодовать на всякій непосредственный подходъ къ подлинной красотѣ; ожесточеніе будетъ смѣняться самодовольной усмѣшкой и неумными воображеніями побѣды. Что дѣ-

лать и зачѣмъ дѣлать такимъ, какъ Врубель, среди толпы, среди всей тяготы, запрудившей наше искусство?

Судьба Врубеля,—высокая судьба проникновенныхъ въ старой Италіи или судьба Мареса, бережно сохраненнаго на радость будущаго, на радость искусства въ укромномъ Шлейсгеймѣ.

У насъ такъ мало художниковъ со свободной душой, полной своихъ пѣсенъ. Надо же дать Врубелю сдѣлать что-либо цѣльное; такую храмину, гдѣ бы онъ былъ единымъ создателемъ. Увидимъ, какъ чудесно это будетъ. Больно видѣть все прекрасное, сдѣланное Врубелемъ, въ Кіевѣ больно подумать, что Свѣдомскій и Котарбинскій и тѣ имѣли шире мѣсто для размаха. Неужели, чтобы получить доступъ сказать широкое слово художнику, прежде всего нужна старость?

Мы стараемся возможно грубѣе обойтись со всѣми, кто могъ бы двинуться впередъ. И на одну поднятую голову опускаются тысяча тяжелыхъ рукъ, ранѣе какъ будто дружелюбныхъ.

Прочь всѣ опасные торчки.

Только Третьяковъ первое время поддержалъ Сурикова. Мало поняли Левитана. Мы загнали Малявина въ тишину деревни. Мы стараемся по мѣрѣ силъ опорочить все лучшее, сдѣланное Головинымъ и Коровинымъ. Мы не можемъ понять Трубецкого. Выгнали Рущица и Пурвита на иностранные выставки. Ужасно и безконечно! Указанія запада намъ нипочемъ. Врубелю мы не даемъ размахнуться. Музей Академіи не знаетъ его. Появленіе его маленькаго отличнаго демона въ Третьяковской галлереѣ волнуетъ и сердитъ насъ. Полная исторія русскаго искусства должна отразиться въ Русскомъ Музеѣ, но Врубеля Музей все-таки

видѣть не хочетъ. Только заботами кн. Тенишевой, украсившей свой отдѣлъ музея „Царевною-Лебедью“, Музей не остался вовсе чуждъ Врубеля. Странно. Мы во многомъ трусливы, но въ искусствѣ особенно храбры маститые трусы; даже будущаго не страшатся. Поражаетъ наша неслыханная дерзость, не знающая даже суда исторіи.

Отпусти намъ Владыко! Бѣдные мы!

Легко запоминаются многія хорошія картины. Многое отзывается опредѣленно сознательно. Наглядѣвшись вдоволь, черезъ время опять хочется вернуться къ хорошему знакомому и долго покойно сидѣть съ нимъ и не страшитъ промежутокъ разлуки.

Но иначе бываетъ передъ вещами Врубеля. Уходя отъ нихъ, всегда хочется вернуться. Чувствуется всѣмъ существомъ, сколько еще не досмотрѣно, сколько новаго еще можно найти. Хочется жить съ ними. Хочется видѣть ихъ и утромъ, и вечеромъ и въ разныхъ освѣщеніяхъ. И все будетъ новое. Сами прелести случайностей жизни, бездонно напитали вещи Врубеля, прелести случайныя, великія лишь смысломъ красоты. Какая-то необъятная сказка есть въ нихъ; и въ „Царевнѣ-Лебеди“ и въ „Восточной Сказкѣ“, полной искръ, ковровъ и огня, и въ „Панѣ“, съ этими поразительными глазами, и въ „демонахъ“ и во всей массѣ удивительно неожиданныхъ мотивовъ.

Таинственный голубой цвѣтокъ живетъ въ этомъ чистомъ торжествѣ искусства. И достойно можемъ завидовать Врубелю. Въ такой зависти тоже не будетъ ничего нечестнаго. Такъ думаю.

Врубель выставилъ „Жемчужину“. Останется она у Щербатова; ему нужны такія вещи въ основу галлереи.

Этимъ временемъ мы бывали на выставкахъ; слушали лекціи; не упустили спектакли; набирались всякихъ мнѣній. Мы были въ „курсѣ“ дѣла, въ ходѣ жизни и жемчужины не сдѣлали.

Врубель мало выѣзжалъ теперь; мало видѣлъ кого; отвернулся отъ обихода и увидалъ красоту жизни; возлюбилъ ее и далъ „Жемчужину“, цѣннѣйшую. Незначительный другимъ, обломокъ природы разсказываетъ ему чудесную сказку красокъ и линій, за предѣлами „что“ и „какъ“.

Не пропустимъ, какъ дѣлалъ Врубель, „Жемчужину“. Вѣдь это именно такъ, какъ нужно; такъ, какъ мало кто теперь дѣлаетъ.

Среди быстрыхъ примѣровъ нашего безвѣрія и вѣры, среди кратчайшихъ симпатій и отреченій, среди поражающаго колебанія, среди позорнаго снобизма на спокойной улицѣ за скромнымъ столомъ, недѣли и мѣсяцы облюбовываетъ Врубель жемчужую ракушку. Въ этой работѣ ищетъ онъ природу. Природу далекую отъ жизни людей, гдѣ и сами людскія фигуры тоже дѣлаются волшебными и не близкими намъ. Нѣтъ теплоты близости въ дальнемъ сіяніи, но много заманчивости, много новыхъ путей, того, что тоже намъ нужно. Этой заманчивости полна и „Жемчужина“. Болѣе, чѣмъ когда либо, въ ней подошелъ Врубель, къ природѣ въ тончайшей передачѣ ея и все-таки не удалился отъ своего обычнаго волшебства. Третій разъ повторяю это слово, въ немъ какая-то характерность для Врубеля; въ немъ есть разгадка того страннаго, чѣмъ вещи Врубеля со временемъ нравятся все сильнѣе. Въ эпическомъ покоѣ уютной работы, въ восхищеніи передъ натурой, слышно слово Врубеля; „довольно манернаго, довольно поверхностной краски. Пора же глубже за-

рыться въ интимнѣйшую пѣсню тоновъ". Пора же дѣлать все, что хочется, внѣ оковъ нашихъ свободныхъ ученій.

„Если хотя одну часть вещи сдѣлать съ натуры, это должно освѣжить всю работу, поднять ее уровень, приблизить къ гармоніи природы". Въ такомъ словѣ звучитъ коренное умѣніе пользоваться природой. Врубель красиво говоритъ о природѣ; полутонъ березовой рощи съ рефлексами бѣлыхъ стволовъ; тѣнь кружевъ и шелка женскихъ уборовъ; фейерверкъ бабочекъ; мерцанье акваріума; характеръ паутины кружевъ, про все это нужно послушать Врубеля художникамъ. Онъ бы могъ подвинуть нашу молодежь, ибо часто мы перестаемъ выхватывать красивое, отрѣзать его отъ ненужнаго. Врубель могъ бы поучить, какъ надо искать вещь; какъ можно портить работу свою, чтобы затѣмъ поднять ее, на высоту еще большую. Въ работахъ Врубеля въ подъемахъ и паденіяхъ есть нервъ высокаго порядка, далекій отъ самодовольнаго мастерства или отъ безпутныхъ хватаній за что попало. Не поражающее, а завлекающее есть въ работахъ Врубеля,—вѣрный признакъ ихъ жизнеспособности на долгое время. Подобно очень немногимъ, шедшимъ только своею дорогою, въ вещахъ Врубеля есть особый путь, подсказанный только природой. Эта большая дорога полна спусковъ и всходовъ. Врубель идетъ ею. Намъ нужны такіе художники.

Будемъ беречь Врубеля.

КУИНДЖИ.

Куинджи скончался. Большой, сильный, правдивый Куинджи скончался.

„Куинджи—отнынѣ это имя знаменито“, громко писали объ Архипѣ Ивановичѣ, когда о немъ высказались такіе разнообразные люди, какъ Тургеневъ, Достоевскій, Менделѣевъ, Суворинъ, Петрушевскій.

И съ тѣхъ поръ имя Куинджи не сходило съ памяти.

Вся культурная Россія знала Куинджи. Даже нападки дѣлали это имя еще болѣе значительнымъ. Знаютъ о Куинджи—о большомъ, самобытномъ художникѣ. Знаютъ, какъ онъ послѣ неслыханнаго успѣха прекратилъ выставлять; работалъ для себя. Знаютъ его, какъ друга молодежи и печальника обездоленныхъ. Знаютъ его, какъ славнаго мечтателя въ стремленіи объять великое и всѣхъ примирить, отдавшаго все свое милліонное состояніе. Знаютъ,

какими личными лишеніями это состояніе было составлено. Знаютъ его, какъ рѣшительнаго заступника за все, въ чемъ онъ былъ увѣренъ и въ честности чего онъ былъ убѣжденъ. Знаютъ, какъ строгаго критика; и въ глубинѣ его часто рѣзкихъ сужденій было искреннее желаніе успѣха всему достойному. Помнятъ его громкую рѣчь и смѣлые доводы, заставлявшіе иногда блѣднѣть окружающихъ.

Знаютъ жизнь этого удивительнаго мальчика изъ Маріуполя, только личными силами пробившаго свой широкій путь. Знаютъ, какъ изъ тридцати поступавшихъ въ академію одинъ Куинджи не былъ принятъ. Знаютъ, какъ Куинджи отказалъ Демидову, предложившему ему за 80,000 рублей повторить нѣсколько картинъ. Еще живъ служитель Максимъ, получавшій рубли, лишь бы пустилъ стать внѣ очереди толпы во время выставки картинъ Куинджи на Морской. Съ доброй улыбкой всѣ вспоминаютъ трогательную любовь Архипа Ивановича къ птицамъ и животнымъ.

Около имени Куинджи всегда было много таинственнаго. Вѣрилось въ особую силу этого человѣка. Слагались цѣлыя легенды.

Если нѣкоторыя друзья Куинджи пытаются обойтись теперь безъ прислуги, то Куинджи безъ всякихъ проповѣдей, всю жизнь прожилъ со своею супругою Вѣрою Леонтьевною безъ чьихъ бы то ни было услугъ. Съ особымъ чувствомъ каждый изъ насъ, подходя къ дверямъ, слышалъ рояль и скрипку въ квартирѣ, гдѣ жили „двое“.

Вспоминаю, какимъ ближе всего чувствую я Архипа Ивановича послѣ близкаго общенія пятнадцати лѣтъ.

Помню, какъ онъ принялъ меня въ мастерскую свою.

Помню его, будящаго въ два часа ночи, чтобы предупредить объ опасности. Помню его, конфузливо дающаго деньги, чтобы передать ихъ разнымъ бѣднякамъ и старикамъ. Помню его стремительныя возвращенія, чтобы дать совѣтъ, который онъ, уже спустясь съ шести этажей, надумалъ. Помню его быстрые пріѣзды, чтобы взглянуть, не слишкомъ-ли огорчила рѣзкая его критика. Помню его вѣрныя сужденія о лицахъ, съ которыми онъ встрѣчался.

О многомъ онъ зналъ гораздо больше, нежели они могли предполагать. Изъ двухъ, трехъ фактовъ, съ чуткостью подлиннаго творца, онъ опредѣлялъ цѣльныя положенія. „Я говорю не такъ, какъ есть, а такъ, какъ будетъ". Помню его милое прощающее слово: „Бѣдные они!" И на многихъ людей онъ могъ установить уголъ пониманія и прощенія. Тихія, долгія бесѣды наединѣ больше всего будутъ помниться ученикамъ Архипа Ивановича.

„Хорошіе люди—тяжело помираютъ". Такъ вѣритъ народъ. Среди мучительныхъ удушій Архипа Ивановича вспоминалась эта примѣта. Народная мудрость указала, что умеръ хорошій, крупнѣйшій человѣкъ.

Душамъ умершихъ нужны воспоминанія;—сколько ихъ будетъ объ Архипѣ Ивановичѣ Куинджи!

О немъ не забудутъ.

СѢРОВЪ.

Бываютъ смерти, въ которыя не вѣрятъ. Петербургъ не повѣрилъ смерти Сѣрова. Цѣлый день звонили. Цѣлый день спрашивали. Цѣлый день требовали опроверженій. Не хотѣли признать ужаснаго, непоправимаго. Сѣровъ—настоящій, подлинный, а потеря его—настоящая, невознаградимая. Жаль умирающихъ старцевъ. Жаль умершихъ дѣтей. Но когда гибнетъ человѣкъ среди яркаго творчества, среди счастливыхъ исканій, полный своей работой, то не просто жаль, а страшно, просто ужасно примириться со случившимся. Въ лучшую пору самоуглубленія, въ лучшіе дни знаній искусства и лучшей оцѣнки людей явно жестоко вырванъ изъ жизни подлинный художникъ, смѣлый, честный и настоящій, требовательный къ другимъ, но еще болѣе строгій къ себѣ, всегда горѣвшій чистымъ огнемъ молодости.

Вчера имя Сѣрова такъ часто въ нашемъ искусствѣ

произносилось совсѣмъ обычно, но сегодня въ самыхъ разныхъ кругахъ самые различные люди почувствовали размѣры значенія его творчества и величину личности Валентина Александровича. Онъ самъ—самое трудное въ искусствѣ. Онъ умѣлъ высоко держать достоинство искусства. Ни въ чемъ мелкомъ, ни въ чемъ недостаточно провѣренномъ укорить его нельзя. Онъ умѣлъ ярко отстаивать то, во что онъ повѣрилъ. Онъ умѣлъ не склоняться въ сторону того, во что ему еще не вѣрилось вполнѣ. Въ личности его была опора искусству. Въ дни случайностей и бѣглыхъ настроеній значеніе В. А. незамѣнимо. Свѣтлымъ, стремящимся къ правдѣ искусствомъ закрѣпилъ онъ свою убѣдительность въ жизни.

Былъ подвигъ въ жизни и въ работѣ Сѣрова. Рѣдкій и нужный для всей цѣнности жизни подвигъ. Подвигъ этотъ вполнѣ почувствуютъ еще сильнѣе. Великій подвигъ искусства творилъ Сѣровъ своей правдивой, проникновенной работой, своимъ неизмѣнно правдивымъ словомъ, своимъ суровымъ, правдивымъ отношеніемъ къ жизни. И все, къ чему приближался В. А., принимало какое-то особенное обаяніе. Друга искусства В. А. въ день примиренія, въ день смерти можно назвать врагомъ только въ одномъ отношеніи—врагомъ пошлости. Всей душей чувствовалъ онъ не только неправду и неискренность, но именно пошлость. Пошлость онъ ненавидѣлъ, и она не смѣла къ нему приближаться.

Какъ объ умершемъ, просто нельзя говорить о В. А. Поймите, вѣдь, до чего безконечно нуженъ онъ нашему искусству. Если еще не понимаете, то скоро поймете. Укрѣпленіе на землѣ памяти объ ушедшихъ отъ насъ нужно, и въ этомъ воспоминаніи объ ушедшемъ отъ насъ Сѣровѣ

будетъ слабое утѣшеніе. Мы будемъ видѣть и знать, что онъ не забытъ, что трудъ его жизни служитъ славнымъ примѣромъ. Мы и наши дѣти будемъ видѣть, что произведенія Сѣрова оцѣнены все болѣе и болѣе и помѣщены на лучшихъ мѣстахъ, а въ исторіи искусства Сѣрову принадлежитъ одна изъ самыхъ красивыхъ страницъ.

ЯПОНЦЫ.

За гранью обычно оформленнаго слагается особый языкъ.

Несказанное чувствованіе. Тамъ вспыхиваетъ между нами тайная связь. Тамъ понимаемъ другъ друга нежданными рунами жизни; начинаемъ познавать встрѣчное взоромъ близкимъ вѣчному чуду.

Чудо жизни побѣдное и страшное! Чудо, заполняющее всѣ глубины природы, подножіе вершинъ бытія! Оно рѣдко выявляется рукой человѣка.

Египетъ, Мексика, Индія...—чудно, но не явно. Узоры прекрасные, сверкающіе блестки, но ткань уже истлѣла. Но живы еще волокна жизни, сплетенной старыми японцами. Ароматъ сказки еще струится надъ желтѣющими листами, надъ стальною патиною лаковъ.

Глазу живому—горизонтъ необъятный. Сложенное ста-

рымъ японцемъ учитъ и поражаетъ. Ослѣпляющая задорная жизнь: правда великаго въ маломъ. Тончайшій іероглифъ жизни—рисунокъ въ многообразіи подробностей сохранившій полный характеръ общаго. Высшая законность въ силѣ беззаконнаго размаха. Невинность въ призракѣ безстыдства. Дьявольская убѣдительность фантастики. Пѣсня чудесныхъ гармоній красокъ, которая одна только можетъ успокоить наше подстрѣленное сознаніе; особенно сейчасъ.

Вершины искусства, часто чуждыя намъ, преобразились въ твореніяхъ японцевъ.

И мы все-таки далеки отъ этой волшебной ткани—жизни. Говорю „все-таки“,—въ немъ и печаль объ античномъ и горе его сознанія; въ немъ подавленность громадами нашихъ музеевъ и гордость нашими исканіями, и ужасъ закоптѣлыхъ заслонокъ нашей жизни...

Всѣ наши пороги Искусства, гдѣ мы спотыкаемся, старый японецъ попираетъ смѣло. Аристократизмъ Искусства, народность, романтизмъ, символика, сюжетность, историчность, этнографія,—все намъ и милое и чуждое,—все сочеталось въ старомъ японцѣ, и все презрѣно; все претворилось въ красивое.

И это „красивое“—неопасное слово.

Имѣетъ право не обходить такихъ словъ—народъ, выходящій весною изъ города привѣтствовать пробужденную природу; народъ, каждый день разбирающій свои сокровища—картины; народъ, не находящій возможнымъ даже сказать художнику цѣну художественнаго произведенія. Гдѣ, какъ не въ Японіи, такое количество собраній Искусства? Въ какой другой странѣ настолько почетно назваться собирателемъ художественныхъ произведеній?

И рожденный такою страною художникъ имѣетъ высокое право вѣрить въ себя; и безмѣрное его трудолюбіе, и безчисленность твореній его—не прямо работы, а незамѣтные ему самому слѣды стремительно блестящаго порыва.

Правда, только такимъ необузданнымъ порывомъ проникновенія своимъ дѣломъ могли создаваться и гигантскія фигуры боговъ, и большія панно, широко залитыя потоками краски, магически остановленной въ границахъ вѣрныхъ контуровъ. Только бодрая жизнь могла разсыпать тончайшія графическія мелочи; какъ часто передъ нами графики Запада являются грубо преднамѣренными! Не обращаясь даже къ древности,—лишь въ предѣлахъ среднихъ вѣковъ, и Востокъ, и Западъ охватываетъ полоса высокаго проникновенія дѣйствъ, неожиданность расположенія фигуръ, чутье въ украшеніи книги и рукописи, тогда еще дѣйствительно значительной, еще не перешедшей въ подавляющій хаосъ исписанной бумаги нашей современности.

Укоризна стараго японца намъ страшнѣе случайныхъ осужденій большинства исторій объ Искусствѣ.

О теченіяхъ японскаго Искусства мы можемъ судить только относительно. Наши мѣрила, безъ сомнѣнія, нечувствительны ко многому, вполнѣ явному въ разборѣ самихъ японцевъ. Факты и свѣдѣнія о Японіи, быстро наростающіе, все-таки не открываютъ намъ многихъ сторонъ жизни ея Искусства. Борьба „декадента“ Хоксая съ придворными мастерами намъ не убѣдительна; мы не вполнѣ представляемъ, въ чемъ тоже красивые предшественники Хоксая враждовали съ его вещами.

Мало того, что среднихъ художниковъ Японіи мы можемъ различать лишь формально, мы съ трудомъ можемъ

представить себѣ картину, какъ расходились по всѣмъ угламъ страны рисунки и оттиски въ блестящемъ шествіи феодаловъ отъ двора Микадо и какъ подходилъ народъ къ этимъ подаркамъ.

Одно только ясно: культура Искусства Японіи имѣла прочную почву, и народъ принялъ ее, освятивъ строемъ жизни. Обратное намъ, гдѣ культура Искусства, непрошенная, врывается въ жизнь страны извнѣ, отъ ненужныхъ народу мечтателей. Будетъ ли Искусство въ Россіи или страна избавится отъ него,—это будетъ заботою не многихъ милліоновъ народа, но обидно малой кучки людей... Знаю, какъ такое состояніе наше будутъ оправдывать и объяснять, но положеніе вещей отъ того, право, не улучшается.

О старыхъ японцахъ можно говорить или очень кратко, набросавъ только рѣзкія, всегда поразительныя черты ихъ работы или придется сказать не замѣткой, а такъ же подробно, какъ властно привлекаетъ къ себѣ ихъ многогранная работа. Душа стараго японца не вмѣстилась на выставкѣ, выставка захватила лишь нѣкоторыя блестки этой души.

Пѣсня — старымъ японцамъ. О новыхъ — другое. Неужели и здѣсь уже работаетъ гильотина европейской культуры?

Все загрубѣло: рыцарь и бардъ умерли, и доспѣхи ихъ теперь—странныя пятна бутафоріи. Природа все та же, тѣ же волны вишневыя, тѣ же бездны акацій, піоновъ, тюльпановъ, но доступъ ихъ къ сердцу закрытъ; творецъ сталъ механикомъ. Грубѣютъ тона и рисунокъ.

Геній обобщенія разсыпался спорными пятнами и мел-

кими линіями. И нѣтъ новымъ японцамъ оправданія въ томъ, что ихъ лубки безмѣрно выше мерзости, распространяемой въ народѣ у насъ. Мы—не примѣръ. Но придется новому японцу отвѣтить суду исторіи за японскій залъ на прошлой всемірной выставкѣ Парижа. Японцы—парижскіе неоимпрессіонисты! Какая жестокая нелѣпость.

Такого новаго не надо. О немъ не хочу говорить.

Теперь японцы скупаютъ обратно многія сокровища свои. Хочу, чтобы это было не историческое достоинство, не собирательство; чтобы это было пробужденіе старой мощи Искусства. Хочу, но могу ли желать?

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ.

Художественная промышленность,—какое унизительное слово.

Въ то время, когда искусство стремится проникнуть снова за предѣлы холста или глины, когда искусство доходитъ до мельчайшихъ закоулковъ жизни, тогда-то мы своими руками устраиваемъ ему оскорбительныя препятствія. Изъ боязни большого мы хотимъ оторвать отъ искусства цѣлыя широкія области; мы знаменуемъ это отдѣленіе унизительнымъ именемъ: промышленность.

Стоитъ ли говорить объ имени? Конечно, имя не болѣе какъ относительный звукъ; пусть оно только условность безъ обязательствъ,—вѣдь какъ могутъ причастные и служащіе защищать прозваніе цѣлой области искусства? Но вѣдь такимъ же порядкомъ и все условно; всегда приходится говорить только о степени условности. И менѣе всего

умѣстна обидная приблизительность тамъ, гдѣ любимъ. Для постороннихъ прохожихъ неизвѣстное названіе ничего не обозначаетъ, но не такъ для ближайшихъ...

И не объ одномъ только названіи говорится. Печально то, что названіе это сознательно укрѣпляетъ существенную грань въ предѣлахъ искусства. Въ силу этой грани въ искусство часто допускается многое ненужное, а драгоцѣнные начатки погибаютъ.

Можетъ ли быть промышленность нехудожественною?

Нѣтъ. Нѣтъ, если искуство дѣйствительно должно напитать глубоко всю жизнь и коснуться всѣхъ творческихъ движеній человѣка. Ничто этому условію не чуждо. Само фабричное производство—это неизбѣжное зло—должно быть порабощено искусствомъ. Раскрытыя двери музеевъ, привлекательныя объясненія и лекціи пусть скажутъ о великомъ, вездѣсущемъ искусствѣ каждому рабочему.

Можетъ ли быть часть искусства, въ отличіе отъ прочаго, промышленною?

Нѣтъ. Или, думая цинично, все искусство промышленно, или, для культурнаго мышленія, искусство въ цѣломъ остается всеосвящающимъ, всеочищающимъ понятіемъ, всюду раздающимъ свои блестящіе дары

Допустимъ школы искусства. Онѣ могутъ быть высшія и низшія. И пусть младшіе растутъ въ общеніи съ опытомъ старшихъ и добровольно проходятъ ступени любимаго дѣла. Посвященные и послушники вездѣ есть. Но послушники эти, усвоивъ умѣнье, должны имѣть возможность посвященія по доброй волѣ во всѣ степени таинства. Съ первыхъ шаговъ младшіе должны почувствовать все обаяніе дѣла и

искать то, что ближе другого суждено имъ. Въ этомъ—тайна учительства, открывающаго пути.

Но представьте теперь человѣка мало знающаго, иногда случайно пришедшаго къ искусству. Цѣлый рядъ лѣтъ ему всячески вбивается въ голову, что многое не должно быть ему доступно, что его художественный удѣлъ долженъ быть ниже судьбы другихъ. Какъ вящшее вразумленіе такому человѣку даются и уменьшаются права гражданскія, преступить которыя почти невозможно. Когда всѣ права отъ искусства должны быть уничтожены, тогда они не только существуютъ, но еще и отдѣляютъ другъ отъ друга дѣятелей одной сплошной области.

Вмѣсто художника, прошедшаго краткую школу, которому возможенъ подъемъ и совершенствованіе, получается рабъ заклейменный, почти безъ доступа въ прочія степени мастерства. Безконечное неудовлетворимое желаніе высшаго блага; постоянное стремленіе бросить свое, часто превосходное по задачѣ, и идти туда, куда „почти нельзя“. Значеніе дѣла исчезаетъ. Обособленность сверху и снизу растетъ.

Мы выдѣляемъ особую касту, забывая объ общей участи всѣхъ кастъ.

Рабъ „художественной промышленности“, настолько же нелѣпъ и жалокъ, насколько некультуренъ художникъ, затворившій себѣ всѣ двери выявленій творчества, кромѣ холста или глины.

Устраивайте какъ можно больше общеобразовательныхъ и техническихъ учрежденій, дѣлайте ихъ даже обязательными и безплатными; раздавайте въ нихъ права и все, если что нужно, но область искусства оставьте внѣ общаго, только въ законахъ вѣчныхъ словъ красоты.

Кажется, все говоримое безмѣрно старо и просто. Все это само вытекаетъ изъ широкаго понятія искусства. Вспоминать объ этомъ, да еще говорить, даже стыдно.

Но тутъ же мы помнимъ, что еще только у насъ дѣлается. Вѣдь только теперь открываются школы обособленной художественной промышленности. Только что разработаны и дополняются постепенно ихъ штаты. Вѣдь этотъ расколъ живого организма мы только еще начали регламентировать. Мы еще такъ далеки отъ сознанія негодныхъ дѣйствій, что только начинаемъ наивно удивляться уродливымъ явленіямъ приложенія искусства къ жизни. Число жертвъ подсчитать мы собираемся еще очень нескоро.

ВРАГИ.

Собрались молодые. Говорятъ.

— Безсмысленное „декаденство“—упадокъ искусства! Пошлое непросвѣщенное отношеніе къ лучшимъ задачамъ творчества! Отрицаніе завѣтовъ исторіи искусства! Дурной вкусъ, некультурное непониманіе всей благородной прелести искусства. Спѣшите къ первоисточнику, не глядите на время упадка. Берегите красоту старины.

Такъ ругаютъ „декадентство“.

Сошлись старые; усѣлись въ кругъ. Шепчутъ:

— Берегитесь отъ „декадентовъ“. Проклинайте ихъ, безформенныхъ. Ужасайтесь ихъ пошлости. Гдѣ имъ, некультурнымъ до высокаго вкуса старинныхъ мастеровъ! Гдѣ имъ, дерзкимъ, до тончайшихъ родниковъ искусства. Они отрицаютъ всѣ ступени исторіи. Гоните ихъ, опасныхъ: закрывайте имъ двери и ходы. Мы защищаемъ старину.

— Смотрите впередъ и знайте все прошлое,—говорятъ молодые.

— Учитесь у прошлаго, имъ вступайте въ будущее,— опускаютъ на плечо руку старые.

— Постигайте мастерство Рембранта и Веласкеца; трепещите передъ тайнами да-Винчи; сознайте силу Анжело; любите благородство Боттичелли, Гоццоли, Джотто,—голосъ молодыхъ.

— Изучайте штрихъ Микель Анжело; мечтайте понять всю проникновенность Леонардо-да-Винчи. Удивляйтесь Тиціану, преклонитесь передъ силой Рембранта, передъ потокомъ мощи Рубенса,—поучаютъ старые.

Еще говоръ по всѣмъ сторонамъ. Толкуютъ о томъ же и тѣ, и другіе. Тѣ же имена. Стремленіе изучить ихъ. Еще много именъ. Хотятъ знать исторію искусства; перечисляютъ наизусть страницы ея.

Громкій, согласный хоръ о великой жизни искусства.

Желаніе общее внести красоту въ наше время. И, мигая значительно, круги тѣснѣе сближаются:

И тутъ же пропасть. Крѣпкіе единомысліемъ, обхвативъ другъ друга, устремились старые къ молодымъ:

— Прочь „декаденты“; вамъ нѣтъ здѣсь дороги!

Молодые смотрятъ изумленно:

— Отойдите, упадочники! Это мы бережемъ красоту, это мы стремимся познать ее и на ней строитъ будущее.

— Прочь, мы не хотимъ знать васъ.

— Вы отъ насъ далеки.

И въ обрывкахъ спора мѣшаются и гаснутъ великіе примѣры. Въ рѣчахъ не слышно „тѣхъ же“ именъ и враги стоятъ на пути; цѣпко ухватились молодые и старые; въ

неистовомъ напряженіи сгибаютъ другъ друга. А внѣ путей движется „будто новое“, „другое“ и смѣясь идетъ къ красотѣ.

Уже сѣдѣютъ молодые и, не видя себя, удивленно глядятъ на нихъ старики.

И злоба роетъ новыя пропасти, и вереницы именъ не заполнятъ бездну борьбы жизни.

Исторія искусства переворачиваетъ страницу.

ОТЛИЧІЯ.

Надвигается сезонъ преміи.

Разныя преміи назначаются и спеціальными жюри, и цѣлымъ составомъ учрежденій. Размѣры премій и внушительны, и унизительно малы.

Въ послѣднее время на преміи создается нѣчто въ родѣ моды. Число ихъ увеличивается съ каждымъ годомъ и пожертвованіями и завѣщаніями. О преміяхъ пора подумать.

Вѣроятно, и художественный съѣздъ пожелаетъ высказаться относительно премій.

Медали и похвальные листы уже признаются самими художниками „несовременными“. Такъ, на римской выставкѣ „Міръ искусства“ уклонился отъ медалей и наградъ, признавая ихъ пережиткомъ. Въ нѣкоторыхъ школахъ отмѣняются денежныя награды для того, чтобы оставить отличія нравственныя.

Несомнѣнно, выдвигается понятіе о высшей справедливости, въ силу которой заслуживаетъ похвалы твореніе или дѣйствіе прежде всего.

Каковы же похвала и отличіе художественнаго произведенія?

Что важнѣе? Выдача ли сотни рублей автору произведенія изъ рукъ случайной группы людей, обусловленной случайнымъ приходомъ или неприходомъ дружественнаго или враждебнаго человѣка, или сохраненіе въ музеѣ самаго произведенія? Каждому изъ насъ извѣстны случаи, когда премированное произведеніе, почему-либо затѣмъ не проданное, погибало, свернутое въ трубку, или оказывалось въ самыхъ непрочныхъ рукахъ.

Извѣстны также случаи, когда премированные авторы чувствовали себя далеко не счастливыми, вслѣдствіе непрошенныхъ навсегда закрѣпленныхъ сравненій.

Словомъ, безъ всякой ошибки можно сказать, что каждая выдача премій сопровождается самыми нелѣпыми нареканіями и недовольствами. При каждомъ назначеніи премій вылѣзаютъ наружу самыя непріятныя чувства, которыя общественность, казалось бы, должна усыплять, а не обострять.

Словомъ, излишне долго говорить о темныхъ сторонахъ премій. Всѣ хотя бы частью соприкасавшіеся съ этимъ дѣломъ, знаютъ всѣ недоразумѣнія премированія. Сама публика, толпа,—и та, вѣроятно, вполнѣ чувствуетъ, что около премій всегда происходитъ нѣчто темное. Упаси Богъ,—не въ смыслѣ подтасовки, а въ отношеніи обостренныхъ страстей.

Окончательно трагичнымъ становится дѣло премій, если мы узнаемъ, что большинство ихъ оставлено по завѣщанію, и дѣло, кажется, непоправимо.

Но вопросъ о преміяхъ такъ назрѣлъ. Преміи такъ множатся, что и изъ этого труднаго положенія надо искать выходъ. Надо прибѣгнуть къ наслѣдникамъ завѣщателей, надо просить высшія установленія объ измѣненіи цѣли средствъ, назначенныхъ на преміи. Это тѣмъ болѣе жизненно, что, я убѣжденъ, большинство завѣщателей, видя, какія ощущенія ихъ средства порождаютъ, охотно бы измѣнили ихъ назначеніе.

А новое начначеніе этихъ средствъ такъ близко, такъ справедливо! Надо покупать лучшія художественныя произведенія. Надо ихъ сохранить на радость и гордость всего народа, всей земли.

Какое же большее, какое же лучшее отличіе можетъ быть для художника, нежели сознаніе, что его твореніе сохранено въ прочномъ мѣстѣ и неиспорченное можетъ прожить долгіе годы.

И жертвователи должны сознавать, что ихъ средства, ихъ имена не погребены въ запыленныхъ протоколахъ выдачъ и живутъ вмѣстѣ съ сохраненными благодаря имъ произведеніями. И какъ далеки всѣ ощущенія пріобрѣтенія отъ денежной выдачи. Сохраненіе красивой вещи всегда дастъ радость, а деньги, какъ деньги, всегда имѣютъ свои специфическія ощущенія.

Разница сохраненія произведенія въ лучшихъ условіяхъ и въ выдачѣ премій настолько велика, что ненужны никакіе примѣры.

Можетъ быть, и теперь гдѣ-нибудь среди безграничной Россіи кто-либо хочетъ оставить свои средства и имя для преміи. Пусть этотъ щедрый человѣкъ подумаетъ о лучшемъ примѣненіи своихъ сбереженій. Въ его рукахъ находится

возможность сохранить творенія искусства на общую радость. Въ этомъ будетъ свѣтлое назначеніе средствъ.

Въ разгаръ выставочнаго времени, среди выдачъ премій, то время художественнаго съѣзда, пора подумать о превращеніи премій въ хорошее, красивое дѣло сохраненія предмеовъ искусства.

ИНДІЙСКІЙ ПУТЬ.

Въ Парижѣ весною для меня была радость.

Въ музеѣ Чернусскаго открыта выставка предметовъ восточнаго искусства изъ частныхъ собраній. Сама по себѣ выставка очень интересна. Вещи выбраны со вкусомъ и знаніемъ. Превосходны разныя живописныя и лѣпныя священныя изображенія Индіи, Цейлона, Сіама, Японіи, Индо-Китая.

Не пройти равнодушно мимо эпическихъ красокъ, мимо черно-лаковой бронзы, мимо цвѣтистой и великолѣпной космогоніи.

Но на выставкѣ было и другое, для насъ, русскихъ, уже особо значительное. За эту радость я очень благодаренъ моему другу В. В. Голубеву.

Уже давно мечтали мы объ основахъ индійскаго искусства. Невольно напрашивалась преемственность нашего древняго быта и искусства отъ Индіи. Въ интимныхъ бесѣдахъ

часто устремлялись къ колыбели народной, а нашего славянства въ частности.

Конечно, могли говорить намъ: мечты неосновательны, предположенія голословны, догадки полны личныхъ настроеній. Нужны были факты.

И вотъ теперь В. В. Голубевъ (живущій почти всегда въ Парижѣ), наконецъ, началъ большое дѣло. Началъ это дѣло такъ умѣло, такъ прочно, что можно, по моему убѣжденію, ждать крупныхъ достиженій.

Если дѣло пойдетъ такъ, какъ начато, то Голубевъ создастъ себѣ возможность первому отъ русской жизни пройти по новому направленію къ истокамъ индійскаго искусства и жизни.

В. В. Голубевъ снарядилъ экспедицію въ Индію. Были всякія трудности. Нѣсколько участниковъ погибло отъ жары и лихорадки. но зато были привезены снимки и предметы и, главное, наблюденія, которымъ долженъ радоваться каждый русскій.

На выставкѣ музея Чернусскаго ожидалъ меня Голубевъ и то, что онъ показалъ и разсказалъ мнѣ, было такъ близко, такъ намъ нужно и такъ сулило новый путь въ работѣ, что оба мы загорѣлись радостью.

Теперь всѣ догадки получали основу, всѣ сказки становились былью.

Обычаи, погребальные „холмы“ съ оградами, орудія быта, строительство, подробности головныхъ уборовъ и одежды, всѣ памятники стѣнописи, наконецъ, корни рѣчи,—все это было такъ близко нашимъ истокамъ. Во всемъ чувствовалось единство начальнаго пути.

Ясно, если намъ углубляться въ наши основы, то дѣй-

ствительное изученіе Индіи дастъ единственный матеріалъ. И мы должны спѣшить изучать эти народныя сокровища, иначе недалеко время, когда англійская культура сотретъ многое, что намъ такъ близко.

Обычаи вымираютъ, бытъ заполняется усовершенствованіями, гробницы и храмы осѣдаютъ и разрушаются.

Голубевъ, чуткій къ искусству, взялъ въ этомъ изученіи вѣрный путь. Не путь отшельника-ученаго, лѣтописца для будущихъ вѣковъ, а путь повѣствователя на пользу и свѣдѣніе всѣмъ, кому дороги искусство и скованная имъ жизнь.

Мы поняли значеніе византійскихъ эмалей. Мы поняли, наконецъ, и цѣнность нашихъ прекрасныхъ иконъ. Теперь иконы уже вошли въ толпу, и значеніе ихъ укрѣплено. Черезъ Византію грезилась намъ Индія; вотъ къ ней мы и направляемся.

Не надо пророчествовать, чтобы такъ же, какъ объ иконахъ, сказать, что изученіе Индіи, ея искусства, науки, быта, будетъ ближайшимъ устремленіемъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что эти поиски дадутъ отличныя послѣдствія. Но, повторяю, надо спѣшить. Надо не упустить многія послѣднія возможности.

Вотъ почему считаю, что дѣло, начатое В. В. Голубевымъ, должно насъ радовать чрезвычайно.

Надо знать, что за первою экспедиціей рѣшена и вторая. Въ будущемъ у Голубева растутъ планы, о которыхъ я еще не могу говорить.

Пусть Голубевъ самъ подробно ознакомитъ насъ со своими выводами и планами. Жаль, если французы съ ихъ вѣрнымъ чутьемъ скорѣе насъ поймутъ значеніе работы Голубева.

Желаю нашей академіи наукъ во-время еще серьезнѣе обратить вниманіе на эти работы.

Желаю В. В. Голубеву всякой удачи и жду отъ него безконечно многозначительнаго и радостнаго.

. . . . . .

Къ чернымъ озерамъ ночью сходятся индійскія женщины. Со свѣчами. Звонятъ въ тонкіе колокольчики. Вызываютъ изъ воды священныхъ черепахъ. Ихъ кормятъ. Въ орѣховую скорлупу свѣчи вставляютъ. Пускаютъ по озеру Ищутъ судьбу. Гадаютъ.

Живетъ въ Индіи красота.

Заманчивъ великій Индійскій путь.

ДѢДУШКА.

„Пойдемъ къ дѣдушкѣ“.

Бѣжитъ веселая дѣтвора внизъ по лѣстницѣ. Минуемъ диванную и угловую. Пробѣгаемъ библіотекой по тонко-скрипучему полу.

Старый Ѳедоръ впускаетъ въ высокую темную дверь дѣдушкина кабинета.

Все у дѣдушки особенное.

Нравятся намъ кресла съ драконами. Вотъ бы намъ такія въ дѣтскую! Хороши у дѣдушки часы съ длинной музыкой. Въ шкапахъ съ разноцвѣтными стеклами книги съ золотыми корешками. Висятъ черныя картины. Одна, кажется намъ, давно виситъ вверхъ ногами, но дѣдушка не любитъ, чтобы у него что-либо трогали.

Много пріятныхъ вещей у дѣдушки. Красный столъ можно вывернуть на десять фигуръ. Можно перебрать цвѣтные

чубуки въ высокой стойкѣ. Можно потрогать масонскіе знаки (не даетъ надѣвать) и ширмы со смѣшными фигурами.

А когда дѣдушка бываетъ добрый, и нога у него не болитъ, онъ откроетъ правый ящикъ стола.

Тутъ ужъ безъ конца всякихъ занятныхъ вещей.

А самъ-то дѣдушка какой миленькій! Бѣленькій, бѣленькій! Въ „гусарскомъ“ халатикѣ.

Полюбили мы бѣгать къ дѣдушкѣ послѣ всякихъ занятій.

Рады мы дѣдушкѣ.

. . . . . .

Другое.

„Дѣдушка къ себѣ велятъ итти“.

Сердитый дѣдушка. Высокій, сѣрый такой, колючій. Не угадать по нему сдѣлать. Все-то онъ лучше всѣхъ знаетъ. Все, что было при немъ, лучше всего. Все должно быть такъ, а не иначе. Ругаетъ и все что-то требуетъ.

„Иванъ, скажи дѣдушкѣ, что мы гулять ушли“.

Вернемся,—тамъ и обѣдать пора. Лучше завтра къ нему сходимъ.

Все равно, ругать будетъ.

. . . . . .

Все хорошо, пока любъ намъ дѣдовъ кабинетъ. Пока дѣдъ для насъ—милый и бѣлый.

Но когда сѣрый, жесткій дѣдъ заслонитъ нашу живую жизнь, крѣпкую только будущимъ,—тогда плохо. Тогда пропалъ дѣдовъ кабинетъ. Какъ бы его потихоньку и не нарушили опять.

О почитаніи старины я говорилъ больше другихъ, но и боюсь за него.

Когда окружится старина всеобщимъ признаніемъ. Когда укрѣпится старина всякими строгими запретами. Когда изъ милой, даже гонимой, старина возвеличится и властно потребуетъ покорности,—тогда неугомонное, бурливое будущее можетъ дать сильный отпоръ. Послѣ спасенія старины и умиленія ею, какъ бы, не почувствовалось утомленіе, и чего Богъ упаси, не усомнились бы въ будущемъ современнаго творчества.

Покуда дѣдъ—не запретъ и отрицаніе, а благоуханная минута милой, мудрой старины, до тѣхъ поръ мы бѣжимъ къ нему. Но какъ только около дѣдова кабинета раздадутся запрещенія, отрицанія, угрозы,—тогда какъ бы молодое не ушло гулять. Скажутъ: намъ будущее дороже. Еще недавно мы могли кричать:

— „Грѣхъ, смертный грѣхъ прикоснуться къ дѣдову кабинету. Грѣхъ переставить тамъ по своему неразумѣнію. Грѣхъ не стремиться въ милый кабинетъ бѣлаго, мудраго дѣда“.

И правда, теперь около старины, во славу ея, жизнь наполняется запретами и угрозами. Такъ въ новыхъ законахъ о сохраненіи старины предусмотрѣны всякія кары за нарушеніе старины, но нѣтъ никакой награды за заботу о ней.

Конечно, и грозить иногда приходится, но строить какую-либо жизнь на запретахъ и грозѣ нельзя, и я чувствую, что, смотря на будущее, пора сказать:

— „Пусть дѣдовъ кабинетъ останется самымъ милымъ, самымъ любимымъ мѣстомъ въ домѣ. Пусть дѣдъ не стѣсняетъ молодую жизнь. Пусть въ лучшія минуты мы стремимся къ дѣду. Пусть дѣдовы законы лягутъ въ основу, но лишь въ основу строенія будущаго".

Лѣтомъ лишній разъ о мудрой старинѣ подумайте.

ГЛАЗЪ ДОБРЫЙ.

Добрый глазъ рѣдокъ. Дурной глазъ въ каждомъ домѣ найдется.

Мнѣ говорили, что Станиславскій заставляетъ своихъ учениковъ:

— „Умѣйте въ каждой вещи найти не худшее, но лучшее".

Чуткій художникъ видитъ, что огромное большинство изъ насъ съ наслажденіемъ служитъ культу худшаго, не умѣя подойти ко всему, что радость приноситъ.

Съ великимъ рвеніемъ мы готовы произносить хулу передъ тѣмъ, что намъ не любо. Какое долгое время мы готовы проводить около того, что намъ показалось отвратительнымъ.

Встрѣча съ нелюбимымъ порождаетъ яркія слова, блестящія

сравненія. И быстры тогда наши рѣчи, и сильны движенія. И горятъ глаза наши.

Но зато какъ медленно скучны бываютъ слова ласки и одобренія. Какъ страшимся мы найти и признать. Самый запасъ добрыхъ словъ становится бѣднымъ и обычнымъ. И потухаютъ глаза.

Удалось испытать одного любителя живописи. За нимъ ходилъ съ часами и незамѣтно замѣчалъ время, проводимое имъ около картинъ. Оказалось, около картинъ осужденныхъ было проведено времени слишкомъ вдвое больше, нежели около вещей одобренныхъ.

Не было потребности смотрѣть на то, что, казалось доставило радость; нужно было потратить время на осужденіе.

— „Теперь знаю, чѣмъ васъ удержать.—Надо окружить васъ вещами ненавистными".

Мы, славяне, особенно повинны во многоглаголаніи худшаго. Въ Европѣ уже приходятъ къ замалчиванію худого, конечно, кромѣ личныхъ выступленій.

Если что показалось плохимъ,—значитъ, оно не достойно обсужденія. Жизнь слишкомъ красива, слишкомъ велика, чтобы загрязнять себя зрѣлищемъ недостойнымъ. Слишкомъ много радостнаго, много заслуживающаго отмѣтки вниманія. Но надо знать бодрость и радость.

Надо знать, что нашему „я" ничто не можетъ вредить. Останавливаясь передъ плохимъ, мы у себя отнимаемъ минуту радости. Удерживаемъ себя вмѣсто шага впередъ.

Учиться радости, учиться видѣть лишь бодрое и красивое! Если мы загрязнили глаза и слова наши, то надо

учиться ихъ очистить. Строго себя удержать отъ общенія съ тѣмъ, что не полюбилось.

И у насъ жизнь разрастется. И намъ недосугъ станетъ всматриваться въ ненавистное. Отойдетъ ликованіе злобы.

И у насъ откроется глазъ добрый.

СКАЗКИ.

ДѢТСКАЯ СКАЗКА.

Въ очень извѣстномъ и большомъ городѣ жилъ старый царь, вдовецъ. У царя была дочь, невѣста. Царевна далеко славилась и лицомъ и умомъ, и потому многіе весьма хорошіе люди желали сосватать ее. Среди этихъ жениховъ были и князья, воеводы и гости торговые, и ловкіе проходимцы, которые всегда толкаются въ знатныхъ домахъ и выискиваютъ, чѣмъ бы услужить; были разные люди. Царевна назначила день, когда могутъ притти къ ней женихи и сказать громко при ней и при всѣхъ, что каждый надѣется предоставить своей женѣ; царевна была мудрая. Женихи очень ожидали этого дня и каждый считалъ себя лучше всѣхъ другихъ. Одинъ передъ другимъ хвалились женихи, кто именитымъ родомъ за тридевять поколѣній, кто богатствомъ, но одинъ изъ нихъ ничѣмъ не хвалился и никто не зналъ, откуда пришелъ онъ. Онъ хорошо умѣлъ

складывать пѣсни; пѣсни его напоминали всѣмъ ихъ молодые, лучшіе годы, при этомъ онъ говорилъ красиво и его любили слушать, даже забывая спросить кто этотъ пѣвецъ. И хотя онъ не былъ княземъ, но всѣ женихи обращались съ нимъ, какъ съ равнымъ.

Въ назначенный день всѣ женихи одѣлись получше и собрались въ палату, къ царю. Согласно обычаю, женихи поклонились царю и царевнѣ. Никого не пустилъ впередъ князь древняго рода, за нимъ слуги несли тяжелую, красную книгу. Князь говорилъ:

— „Царевна, мой родъ очень знатенъ. Въ этой книгѣ вписано болѣе ста поколѣній... И князь очень долго читалъ въ своей книгѣ, а подъ конецъ сказалъ: „И въ эту книгу впишу жену мою! Будетъ она ходить по палатамъ моимъ, а кругомъ будутъ образы предковъ весьма знаменитыхъ".

— „Царевна,— говорилъ именитый воевода: — окрестъ громко и страшно имя мое. Спокойна будетъ жизнь женѣ моей и поклонятся ей люди—имъ грозно имя мое".

— „Царевна,—говорилъ залитый сокровищами, заморскій торговый гость:—жемчугомъ засыплю жену мою; пойдетъ она по изумрудному полю и въ сладкомъ покоѣ уснетъ на золотомъ ложѣ".

Такъ говорили женихи, но пѣвецъ молчалъ и всѣ посмотрѣли на него.

— „Что же ты принесешь женѣ своей?— спросилъ пѣвца царь.

— „Вѣру въ себя отвѣтилъ пѣвецъ.

Улыбнувшись, переглянулись женихи, изумленно вскинулъ глазами старый царь, а царевна спросила:

— „Скажи, какъ понять твою вѣру въ себя?".

Пѣвецъ отвѣчалъ:

— „Царевна! Ты красива и много я слышалъ объ умѣ твоемъ, но гдѣ же дѣла твои? Нѣтъ ихъ, ибо нѣтъ въ тебѣ вѣры въ себя. Выходи, царевна, замужъ за князя древняго рода и каждый день читай въ его алой книгѣ имя свое и вѣрь въ алую книгу! Выходи же, царевна, замужъ за именитаго гостя торговаго, засыпь палаты свои сверкающимъ золотомъ и вѣрь въ это золото! Въ покоѣ спи на золотомъ ложѣ и вѣрь въ этотъ покой! Покоемъ, золотомъ, алыми книгами закрывайся, царевна, отъ самой себя! Моего имени нѣтъ въ алой книгѣ, не могъ я засыпать эту палату золотомъ и куда иду я—тамъ не читаютъ алой книги и золото тамъ не цѣнно. И не знаю, куда иду я, и не знаю, гдѣ путь мой и не знаю, куда приду я и нѣтъ мнѣ границъ, ибо я вѣрю въ себя!...“

— „Обожди, прервалъ пѣвца царь:—но имѣешь ли ты право вѣрить въ себя?“.

Пѣвецъ же ничего не отвѣтилъ и запѣлъ веселую пѣсню; улыбнулся ей царь, радостно слушала ее царевна и лица всѣхъ стали ясными. Тогда пѣвецъ запѣлъ грустную пѣснь; и примолкла палата и на глазахъ царевны были слезы. Замолчалъ пѣвецъ и сказалъ сказку; не о властномъ искусствѣ говорилъ онъ, а о томъ, какъ шли въ жизнь разные люди и пришлось имъ возвращаться назадъ и кому было легко, а кому тяжко. И молчали всѣ и царь голову опустилъ.

— „Я вѣрю въ себя, сказалъ пѣвецъ и никто не смѣялся надъ нимъ. „Я вѣрю въ себя, продолжалъ онъ, и эта вѣра ведетъ меня впередъ; и ничто не лежитъ на пути моемъ. Будетъ ли у меня золото, впишутъ ли имя мое въ алыхъ

книгахъ, но повѣрю я не золоту и не книгѣ, а лишь самому себѣ и съ этою вѣрой умру я и смерть мнѣ будетъ легка".

— „Но ты оторвешься отъ міра. Люди не простятъ тебѣ. Вѣря лишь въ себя, одиноко пойдешь ты и холодно будетъ идти тебѣ, ибо кто не за насъ—тотъ противъ насъ, сурово сказалъ царь.

Но пѣвецъ не отвѣтилъ и снова запѣлъ пѣсню. Пѣлъ онъ о яркомъ восходѣ; пѣлъ, какъ природа вѣритъ въ себя и какъ онъ любитъ природу и живетъ ею. И разгладились брови царя и улыбнулась царевна, и сказалъ пѣвецъ:

— „Вижу я—не сочтутъ за врага меня люди и не оторвусь я отъ міра, ибо пою я, а пѣсня живетъ въ мірѣ и міръ живетъ пѣсней; безъ пѣсни не будетъ міра. Меня сочли бы врагомъ, если бы я уничтожилъ что-либо, но на землѣ ничто не подлежитъ уничтоженію и я создаю и не трогаю оплотовъ людскихъ. Царь, человѣкъ умѣстившій любовь ко всей природѣ, не найдетъ развѣ въ себѣ любви—къ человѣку? Возлюбившій природу не отломитъ безъ нужды вѣтки куста, и человѣка ли смететъ онъ съ пути"?

И кивнула головой царевна, а царь сказалъ:

— „Не въ себя вѣришь ты, а въ пѣсню свою".

Пѣвецъ же отвѣтилъ:

— „Пѣсня лишь часть меня; если повѣрю я въ пѣсню мою больше чѣмъ въ самого себя, тѣмъ разрушу я силу мою и не буду спокойно пѣть мои пѣсни и не будутъ, какъ теперь, слушать ихъ люди, ибо тогда я буду пѣть для нихъ, а не для себя. Все я дѣлаю лишь для себя, а живу для людей. Я пою для себя, и пока буду пѣть для себя, дотолѣ будутъ слушать меня. Я вѣрю въ себя въ пѣснѣ моей; въ

пѣснѣ моей—всѣ для меня, пѣсню же я пою для всѣхъ! Въ пѣснѣ люблю лишь себя одного, пѣсней же я всѣхъ люблю! Весь для всѣхъ, всѣ для меня—все въ одной пѣснѣ. И я вѣрю въ себя и хочу смотрѣть на любовь. И какъ пою я лишь для себя, а пѣснью моею живлю всѣхъ—такъ пусть будетъ вовѣки. Поведу жену въ далекій путь. Пусть она вѣритъ въ себя и вѣрою этой даетъ счастье многимъ!

— „Хочу вѣры въ себя; хочу идти далеко; хочу съ высокой горы смотрѣть на восходъ"!... сказала царевна.

И дивились всѣ.

И шумѣлъ за окномъ вѣтеръ и гнулъ деревья и гналъ на сухую землю дожденосныя тучи—онъ вѣрилъ въ себя.

1893.

ГРИМРЪ-ВИКИНГЪ.

Гримръ, викингъ, сдѣлался очень старъ. Въ прежніе годы онъ былъ лучшимъ вождемъ и о немъ знали даже въ дальнихъ странахъ. Но теперь викингъ не выходитъ уже въ море на своемъ быстроходномъ драконѣ. Уже десять лѣтъ не вынималъ онъ своего меча. На стѣнѣ виситъ длинный щитъ, кожей обитый, и орлиныя крылья на шлемѣ покрыты паутиной и сѣрою пылью.

Гримръ былъ знатный человѣкъ. Днемъ на высокомъ крыльцѣ сидитъ викингъ, творитъ правду и судъ и мудрымъ окомъ смотритъ на людскія ссоры. А къ ночи справляетъ викингъ дружескій праздникъ. На дубовыхъ столахъ стоитъ хорошее убранство. Дымятся яства изъ гусей, оленей, лебедей, и другой разной снѣди.

Гримръ долгое темное время проводитъ съ друзьями. Пришли къ нему разные друзья. Пришелъ изъ Медвѣжьей

Долины Олавъ Хаки съ двумя сыновьями. Пришелъ Гаральдъ изъ рода Минговъ отъ Мыса Камней. Пришелъ Эйрикъ, котораго за рыжіе волосы называютъ Краснымъ. Пришли многіе храбрые люди и пировали въ домѣ викинга.

Гримръ налилъ въ ковшъ меду и подалъ его, чтобы всѣ пили и каждый сказалъ бы свою лучшую волю. Всѣ говорили разное. Богатые желали почета. Бѣднымъ хотѣлось быть богатыми. Тѣ которые были поглупѣе, просили жизни сначала, а мудрые заглядывали за рубежъ смерти. Молодые хотѣли отличиться въ бою, имъ было страшно, что жизнь пройдетъ въ тишинѣ безъ побѣды.

Гримръ взялъ ковшъ самый послѣдній, какъ и подобаетъ хозяину, и хотѣлъ говорить, но задумался и долго смотрѣлъ внизъ, а волосы бѣлой шапкой легли на его лобъ. Потомъ викингъ сказалъ:

— „Мнѣ хочется имѣть друга, хоть одного вѣрнаго друга!“.

Тогда задвигались вокругъ Гримра его гости, такъ что заскрипѣли столы, всѣ стали наперерывъ говорить:

— Гримръ, такъ говорилъ Олавъ, который пришелъ изъ Медвѣжьей Долины: — развѣ я не былъ тебѣ другомъ? Когда ты спѣшилъ спасти жизнь твою въ изгнаніи, кто первый тебѣ протянулъ руку и просилъ короля вернуть тебя? Вспомни о другѣ!“.

Съ другой стороны старался заглянуть въ глаза Гримра викингъ Гаральдъ и говорилъ, а рукою грозилъ...

— „Эй слушай Гримръ! Когда враги сожгли усадьбу твою и унесли казну твою, у кого въ то время жилъ ты? Кто съ тобою строилъ новый домъ для тебя? Вспомни о другѣ!„

Рядомъ, какъ воронъ, каркалъ очень старый Эйрикъ, прозвищемъ Красный:

„Гримръ! Въ битвѣ у Полунощной Горы кто держалъ щитъ надъ тобою? Кто вмѣсто тебя принялъ ударъ? Вспомни о другѣ!“

— „Гримръ! Кто спасъ отъ враговъ жену твою? Вспомни о другѣ!“

— „Слушай Гримръ! Кто послѣ несчастнаго боя при Тюленьемъ заливѣ первый пришелъ къ тебѣ! Вспомни о другѣ!“

— Гримръ! Кто не повѣрилъ когда враги на тебя клеветали. Вспомни! Вспомни!

— „Гримръ, ты сказалъ неразумное слово! Ты, уже сѣдой и старый, много видалъ въ жизни! Горько слышать, какъ забылъ ты о друзьяхъ, вѣрныхъ тебѣ даже во времена твоего горя и несчастій“.

Гримръ, тогда всталъ и такъ началъ:

— „Хочу я сказать вамъ. Помню я все, что вы сдѣлали мнѣ; въ этомъ свидѣтелями называю боговъ. Я люблю васъ, но теперь вспомнилась мнѣ одна моя очень старинная дума и я сказалъ невозможное слово. Вы, товарищи мои, вы друзья въ несчастьяхъ моихъ и за это я благодарю васъ. Но скажу правду: въ счастьѣ не было у меня друзей. Не было ихъ и вообще, ихъ на землѣ не бываетъ. Я былъ очень рѣдко счастливымъ; даже не трудно вспомнить, при какихъ дѣлахъ.

Былъ я счастливъ послѣ битвы съ датчанами, когда у Лебединаго мыса мы потопили сто датскихъ ладей. Громко трубили рога; всѣ мои дружинники запѣли священную пѣсню и понесли меня на щитѣ. Я былъ счастливъ. И мнѣ говорили всѣ пріятныя слова, но сердца друзей молчали,

У меня не было друзей въ счастьѣ.

Былъ я счастливъ, когда король позвалъ меня на охоту. Я убилъ двѣнадцать медвѣдей и спасъ короля, когда лось хотѣлъ бодать его. Тогда король поцѣловалъ меня и назвалъ меня лучшимъ мужемъ. Всѣ мнѣ говорили пріятное, но не было пріятно на сердцѣ друзей.

Я не знаю въ счастьѣ друзей.

Ингерду, дочь Минга, всѣ называли самою лучшею дѣвою. Изъ-за нея бывали поединки и отъ нихъ умерло не мало людей. А я женою привелъ ее въ домъ мой. Меня величали и мнѣ было хорошо, но слова друзей шли не отъ сердца.

Не вѣрю, есть ли въ счастьѣ друзья.

Въ Гулѣ на вѣчѣ Одинъ послалъ мнѣ полезное слово. Я сказалъ это слово народу и меня считали спасителемъ, но и тутъ молчали сердца моихъ друзей.

При счастьѣ никогда не бываетъ друзей.

Я не помню матери, а жена моя была въ живыхъ недолго. Не знаю, были ли онѣ такими друзьями. Одинъ разъ мнѣ пришлось увидать такое. Женщина кормила блѣднаго и бѣднаго ребенка, а рядомъ сидѣлъ другой—здоровый и ему тоже хотѣлось поѣсть. Я спросилъ женщину, почему она не обращаетъ вниманія на здороваго ребенка, который былъ, къ тому же, и пригожъ. Женщина мнѣ отвѣтила: „Я люблю обоихъ, но этотъ больной и несчастный".

Когда несчастье бываетъ, я, убогій, держусь за друзей. Но при счастьѣ я стою одинъ, какъ будто на высокой горѣ. Человѣкъ во время счастья бываетъ очень высоко, а наши сердца открыты только внизъ. Въ моемъ несчастьѣ вы, товарищи, жили для себя.

Еще скажу я, что мои слова были невозможными и въ счастьѣ нѣтъ друга, иначе онъ не будетъ человѣкомъ.

Всѣ нашли слова викинга Гримра странными и многіе ему не повѣрили.

1899.

ВОЖДЬ.

Таково преданіе о Чингизъ-ханѣ, вождѣ Темучинѣ.

Родила Чингизъ-хана нелюбимая ханша.
Сталъ Чингизъ-ханъ немилымъ сыномъ отцу.
Отецъ отослалъ его въ дальную вотчину.
Собралъ къ себѣ Чингизъ другихъ нелюбимыхъ.
Глупо сталъ жить Чингизъ-ханъ.
Бралъ оружіе и невольницъ, выѣзжалъ на охоту.
Не давалъ Чингизъ о себѣ вѣстей.

Вотъ будто упился Чингизъ кумысомъ,
И побился съ друзьями на смертный закладъ,
Что никто отъ него не отстанетъ!
Тогда сдѣлалъ стрѣлку-свистунку Чингизъ.
Слугамъ сказалъ привести коней.
Конными поѣхали всѣ его люди.
Началъ дѣло свое Чингизъ-ханъ.

Вотъ Чингизъ выѣхалъ въ степь,
Подъѣзжаетъ ханъ къ табунамъ своимъ.
Нежданно пускаетъ свистунку Чингизъ.
Пускаетъ въ лучшаго коня десятиверстнаго.
А конь для татаръ—сокровище.
Иные убоялись застрѣлить коня.
Имъ отрубили головы.

Опять ѣдетъ въ степь Чингизъ-ханъ.
И вдругъ пускаетъ свистунку въ ханшу свою.
И не всѣ пустили за нимъ свои стрѣлы.
Тѣмъ, кто убоялся, сейчасъ сняли головы.
Начали друзья боятся Чингиза,
Но связалъ онъ ихъ всѣхъ смертнымъ закладомъ.
Молодецъ былъ Чингизъ-ханъ!

Подъѣзжаетъ Чингизъ къ табунамъ отца.
Пускаетъ свистунку въ отцовскаго коня.
Всѣ друзья пустили стрѣлы туда же.
Такъ приготовилъ къ дѣлу друзей,
Испыталъ Чингизъ преданныхъ людей.
Не любили, но стали бояться Чингиза.
Такой онъ былъ молодецъ!

Вдругъ большое началъ Чингизъ.
Онъ поѣхалъ къ ставкѣ отца своего
И пустилъ свистунку въ отца.

Всѣ друзья Чингиза пустили стрѣлы туда же.
Убилъ стараго хана цѣлый народъ!
Сталъ Чингизъ ханомъ надъ Большой Ордой!
Вотъ молодецъ былъ Чингизъ-ханъ.

Сердились на Чингиза Сосѣдніе Дома.
Надъ молодымъ Сосѣдніе Дома возгордились.
Посылаютъ сердитаго гонца:
Отдать имъ всѣ табуны лучшихъ коней,
Отдать имъ украшенное оружіе,
Отдать имъ всѣ сокровища ханскія!
Поклонился Чингизъ-ханъ гонцу.

Созвалъ Чингизъ своихъ людей на совѣтъ
Стали шумѣть совѣтники;
Требуютъ: „идти войною на Сосѣдній Домъ".
Отослалъ Чингизъ такихъ совѣтниковъ.
Сказалъ: „нельзя воевать изъ за коней",
И послалъ все ханамъ сосѣднимъ.
Такой былъ хитрый Чингизъ-ханъ.

Совсѣмъ загордились ханы Сосѣдняго Дома.
Требуютъ; „прислать имъ всѣхъ ханскихъ женъ".
Зашумѣли совѣтники Чингизъ-хана,
Жалѣли женъ ханскихъ и грозились войною.
И опять отослалъ Чингизъ совѣтниковъ.

И отправилъ Сосѣднему Дому всѣхъ своихъ женъ.
Такой былъ хитрый Чингизъ-ханъ.

Стали безмѣрно гордиться ханы Сосѣдняго Дома.
Звали людей Чингизовыхъ трусами,
Обидно поносили они ордынцевъ Большой Орды,
И, въ гордости, убрали ханы стражу съ границы.
И забавлялись ханы съ новыми женами.
И гонялись ханы на чужихъ коняхъ.
И злоба росла въ Большой Ордѣ.

Вдругъ ночью всталъ Чингизъ-ханъ.
Велитъ всей ордѣ идти за нимъ на коняхъ.
Вдругъ нападаетъ Чингизъ на хановъ Сосѣдняго Дома.
Полонилъ всю ихъ орду.
Отбираетъ сокровища и коней и оружіе.
Отбираетъ назадъ всѣхъ своихъ женъ,
Многихъ даже нетронутыхъ.

Славили побѣду Чингиза совѣтники.
И сказалъ Чингизъ старшему сыну Откаю:
„Съумѣй сдѣлать людей гордыми.
И гордость ихъ сдѣлаетъ глупыми.
И тогда ты возьмешь ихъ“.
Славили хана по всей Большой Ордѣ;
Молодецъ былъ Чингизъ-ханъ!

Положилъ Чингизъ Ордѣ вѣчный уставъ:
„Завидующему о женѣ—отрубить голову,
„Говорящему хулу—отрубить голову,
„Отнимающему имущество—отрубить голову,
„Убившему мирнаго—отрубить голову,
„Ушедшему къ врагамъ—отрубить голову".
Положилъ Чингизъ каждому наказаніе.

Скоро имя Чингиза вездѣ возвеличилось.
Боялись Чингиза всѣ князья.
Какъ никогда богатѣла Большая орда.
Завели ордынцы себѣ много женъ.
Въ шелковыя одежды одѣлись.
Стали сладко ѣсть и пить.
Всегда молодецъ былъ Чингизъ-ханъ.

Далеко видитъ Чингизъ-ханъ.
Приказалъ друзьямъ: разорвать шелковую ткань
И прикинуться больными отъ сладкой ѣды.
Пусть народъ по старому пьетъ молоко,
Пусть носятъ одежду изъ кожъ,
Чтобы Большая Орда не разнѣжилась.
У насъ молодецъ былъ Чингизъ-ханъ!

Всегда готова къ бою была Большая Орда
И Чингизъ нежданно водилъ Орду въ степь.
Покорилъ всѣ степи Таурменскія.

Взялъ всѣ пустыни Монгкульскія.
Покорилъ весь Китай и Тибетъ.
Овладѣлъ землею отъ Краснаго моря до Каспія.
Вотъ былъ Чингизъ-ханъ-Темучинъ!

Поплѣнилъ Ясовъ, Обезовъ и Половцевъ
Торковъ, Косоговъ, Хозаровъ,
Алановъ, Ятвяговъ разбилъ и прогналъ.
Тридцать народовъ, тридцать князей
Обложилъ Чингизъ данью и податью.
Громилъ землю русскую, угрожалъ кесарю.
Темучинъ-Чингизъ-ханъ такой молодецъ былъ.

1904.

МАРѲА ПОСАДНИЦА.

По Мстѣ, красивой, стоятъ городища. На Тверской сторонѣ во Млевѣ былъ монастырь. Слышно. въ немъ скрывалась посадница Марѳа. Въ немъ жила четырнадцать лѣтъ. Въ немъ и кончилась.

Есть могила Марѳы во Млевѣ. Тайно ее тамъ схоронили. Уложили въ цвѣтной кафельный склепъ. Прятали отъ враговъ. Такъ считаютъ. Уже сто лѣтъ думаютъ такъ, и склепъ не открытъ до сихъ поръ.

Чудеса творятся у могилы Марѳы. Съ разныхъ концовъ новгородской земли туда идетъ народъ. Со всѣми болѣзнями, со всѣми печалями. И помогаетъ Марѳа.

Является посадница въ черной одеждѣ съ бѣлымъ платкомъ на головѣ. Во снѣ является недугующимъ и посылаетъ на могилу свою. Идутъ. Молятся. И выздоравливаютъ.

Марѳа-заступница! Марѳа-помощница всѣмъ новгород-

цамъ! Лукавымъ, не исполнившимъ обѣщанія, Марѳа мститъ. Насылаетъ печаль еще горшую.

Въ старую книгу при млевской церкви іереи вписали длинный рядъ чудесъ Марѳы. Простодушно вписали вмѣстѣ съ извѣстіями объ урожаяхъ, падежахъ, непогодахъ.

Съ Тверской стороны не являются на могилу Марѳы. Обаяніе ея туда не проходитъ. Къ посадницѣ идутъ только отъ новгородскихъ пятинъ. Идутъ, почему не знаютъ. Служатъ молебны. Таинственный атавизмъ ведетъ новгородцевъ ко млевской могилѣ.

Когда рѣчь идетъ о національнизмѣ искусства, вспоминаю этотъ путь новгородцевъ. Мы мало различаемъ чванный пестрый національнизмъ отъ мистики атавизма. Пустую оболочку—отъ внутреннихъ нитей. Мѣшаются часто послѣдовательности, племенная и родовая.

Уже не смѣемся, а только не довѣряемъ перевоплощенію Съ недоумѣніемъ подбираемъ „странные“ случаи. Иногда страшимся ихъ. Уже не бросаемъ ихъ въ кучу, огуломъ. То, что четверть вѣка назадъ было только смѣшно, теперь наполняется особымъ значеніемъ.

Новыя границы проводятся въ искусствѣ. Пестрый маскарадъ зипуна и мурмолки далеко отдѣляется отъ красотъ старины въ вѣрномъ ихъ смыслѣ. Привязныя бороды остаются на крюкахъ балагана.

Передъ истиннымъ знаніемъ отпадутъ грубые предразсудки. Новыя глубины откроются для искусства и знанія. Именно атавизмъ подскажетъ, какъ нужно любить то, что прекрасно для всѣхъ и всегда. Чарами атавизма открывается намъ лучшее изъ прошлаго.

Заплаты бѣдности, нашивки шутовскія нужно съумѣть

снять. Надо сумѣть открыть въ полномъ видѣ трогательный обликъ человѣческихъ душъ. Эти образы смутно являются во снѣ,—вѣхи этихъ путей на яву трудно открыть.

Время строитъ сущность земли. Подъ землю не спрятать того, что нужно народу. Незнаемый никѣмъ склепъ Новгородъ помнитъ. Славитъ хозяйку. Тайкомъ служитъ молебенъ.

Марѳа, сильная духомъ, намъ помоги.

1906.

СТАРИННЫЙ СОВѢТЪ.

Въ одной старинной итальяской рукописи, кажется, пятнадцатаго столѣтія,—начальныя страницы и всѣ украшенія книги были вырваны благородною рукою любителя библіотекъ,—простодушно разсказывается о томъ, какъ пришелъ ученикъ къ учителю-живописцу Сано-ди Піетро за совѣтомъ о своей картинѣ.

Учитель трудился надъ спѣшной работой и не могъ придти на зовъ ученика, начавшаго самостоятельно картину «Поклоненіе волховъ» для небольшой сельской церкви Сіенскаго округа.

Учитель сказалъ:

— Мой милый, я далъ слово настоятелю Монтефалько не покидать своего дома, пока не закончу заказанное имъ «Коронованіе Пресвятой Дѣвы». Но скажи, въ чемъ сомнѣнія

твои. Я боюсь, не слишкомъ ли долго проработалъ ты у меня, — что теряешься теперь передъ своею работой.

— Почтенный учитель,—сказалъ ученикъ,—картина моя сложна, и трудно мнѣ сочетать отдѣльныя части ея. Какъ лучше писать темную оливковую рощу на красноватомъ утесѣ,—вдали. Видны ли тамъ стволы деревьевъ и насколько отчетливъ рисунокъ листвы?

— Мой милый, пиши такъ, какъ нужно тебѣ.

— Плащъ Богородицы полонъ золотого рисунка. Лучше ли перебить его мелкими складками или навести рисунокъ въ большихъ плоскостяхъ?

— Сдѣлай его такъ, какъ нужно тебѣ.

— Почтенный учитель, ты слишкомъ занятъ превосходною работой своей, я лучше помолчу до времени ближайшаго отдыха.

— Мой милый, я не думаю отдыхать скоро, а тебѣ нельзя терять время, если въ картинѣ твоей такъ много неоконченнаго. Я все слышу и отвѣчаю тебѣ, хотя и съ нѣкоторымъ удивленіемъ.

— Головы воиновъ, сопровождающихъ царей, многочисленны; найти ли для нихъ общую линію или дать каждую голову и изъ частей получить абрисъ толпы?

— Просто такъ, какъ тебѣ нужно.

— Я сдѣлалъ кусты на дальнихъ поляхъ и полосами струи рѣки, но захотѣлось дать ихъ отчетливо, какъ только иногда видитъ свѣжій глазъ. Захотѣлось въ водѣ увидѣть волны и челнокъ на нихъ и даже весло въ рукахъ гребца. Но вѣдь это вдали?

— Нѣтъ ничего проще; сдѣлай такъ, какъ нужно.

— Учитель, мнѣ дѣлается страшно. Можетъ быть, все-

таки скажешь мнѣ, стоитъ ли короны царей сдѣлать выпуклыми или только для вѣнцовъ оставить накладное золото?

— Положи золото тамъ, гдѣ нужно.

— Мнѣ приходитъ въ мысль, не сдѣлать ли на ягнятахъ волокна шерсти. Положимъ, они почти не видны, но вспомни, какія шелковистыя, мягкія пряди лежатъ на ягнятахъ, такъ и хочется сдѣлать ихъ тонкою кистью, но въ общей картинѣ онѣ почти не видны.

— Дѣлай ихъ такъ, какъ нужно.

— Учитель, я не вижу въ отвѣтахъ твоихъ совѣта моему дѣлу. Я знаю, что все должно быть такъ, какъ нужно, но какъ нужно—затемнилось у меня сейчасъ.

— Скажи, ставилъ ли тебѣ какія-нибудь условія работы отецъ Джіованни?

— Кромѣ срока, никакихъ условій. Онъ сказалъ: Бенвенуто, напиши хорошее изображеніе: «Поклоненіе трехъ волхвовъ Пресвятому Младенцу», и я заплачу тебѣ десять дукатовъ изъ монастырскихъ суммъ. Потомъ назначилъ срокъ работы и размѣры доски. Но во время работы являлись мнѣ разныя мысли отъ желанія сдѣлать лучшее изображеніе. И къ тебѣ, учитель, по прежнему обратился я съ добрымъ совѣтомъ. Скажи, что же значитъ, „какъ нужно“?

— Какъ нужно, значитъ, все должно быть такъ, какъ хорошо.

— Но какъ же такъ, какъ хорошо?

— Несчастный, непонятливый Бенвенуто, о чемъ мы всегда съ тобой говорили? Какое слово часто повторялъ я

тебѣ? Такъ, какъ хорошо, можетъ значить лишь одно— такъ, какъ красиво.

— А красиво?

— Бенвенуто, выйди за двери и иди къ сапожнику Габакуку и скажи: возьми меня мять кожи, я не знаю, что такое „красиво". А ко мнѣ не ходи и лучше не трогай работы своей.

Послѣ этой исторіи въ рукописи идетъ сообщеніе о рецептахъ варки оливковаго масла и объ употребленіи косточекъ оливы. Затѣмъ еще разсказъ о пизанскомъ гражданинѣ Чирилли Кода, погребенномъ заживо. Но два послѣднихъ разсказа для насъ интереса не представляютъ.

1906

ВЕЛИКІЙ КЛЮЧАРЬ.

Вотъ почему ночью летаютъ свѣтлыя мушки.

Грѣшныя души отъ земли хотѣли подняться. Хотѣли найти ворота райскія и воззвали души къ великому ключарю, апостолу:

— „Отецъ ключарь! Хотимъ идти къ воротамъ твоимъ! Темно намъ, пути не найти“!

Отвѣтилъ сверху апостолъ:

— „Вижу васъ, жалкія! Вижу васъ темныя! Вотъ стою я. Свѣтлы ворота мои, это вы, темныя, идете во мракѣ“.

Плакались души внизу:

„Отецъ ключарь! Петръ апостолъ! Свѣта нѣтъ у насъ. Темны пути наши. Дай намъ свѣточи, съ ними увидимъ тебя. Пустынно въ поляхъ и холодные камни“.

„Неразумныя! Чего къ землѣ приникаете? Оставьте пути темные. Идите путями верхними".

Души просили:

„Свѣта, свѣта дай намъ. Хоть одну искру дай намъ. Темно и не знаемъ мы, гдѣ идти намъ на верхъ".

И сказалъ послѣднее апостолъ:

— „Малыя, малѣйшія, не знаете, что затемнило путь вашъ. Дамъ вамъ свѣточи; свѣтите себѣ, но нѣтъ темной дороги въ свѣтлыя страны. Просите свѣточа, но свѣточъ, не есть свѣть".

Такъ далъ великій ключарь свѣточи грѣшнымъ душамъ и ночью видятъ ихъ даже люди.

И летаютъ быстро, ищутъ ворота Рая грѣшныя души. И летаютъ вѣчно и есть у нихъ свѣточи.

ЛЮТЪ ВЕЛИКАНЪ.

На рогѣ крикунѣ подъ краснымъ боромъ,
На озерѣ жилъ Лютъ-Великанъ,
Очень сильный, очень большой, только добрый.
Лютый звѣрье гонялъ,
Борода у Люта—
    На семь концовъ.
Шапка на Лютѣ—
    Во сто песцовъ.
Кафтанъ на Лютѣ—
    Сѣрыхъ волковъ.
Топоръ у Люта—
    Красный кремень.
Копье у Люта—
    Бѣлый кремень.
Стрѣлки у Люта черныя,
    Приворотливыя.

Лютовы братаны за озеромъ жили.
На горѣ-городкѣ избу срубили.
Съ Крикуна рога братанамъ кричалъ,
Перешептывалъ.
Брату за озеро топоръ подавалъ.
Перекидывалъ.
Съ братомъ за озеромъ охотой
Ходилъ;
Съ братомъ на озерѣ неводъ
Тащилъ;
Съ братомъ за озеромъ пиво
Варилъ;
Смолы курилъ, огонь добывалъ,
Костры раздувалъ, съ сестрою гулялъ,
Ходилъ въ гости за озеро.
Шагнулъ да не ладно—
Сталъ тонуть;
Завязъ великанъ Лютъ
По-поясъ.
Плохо пришлось.
Собака скакнула за нимъ—
Потонула.
Некому братановъ повѣстить.
Невидать никого и на день ходьбы.
Озеро плескаетъ.
Вѣтеръ шумитъ.
Осокою сама смерть идетъ.
Заглянулъ великанъ подъ облако.
Летитъ нырь.
Крикнулъ великанъ:

„Видишь до воды?“
„Вижу-у“ отвѣтъ даетъ.
Скажи братанамъ:
„Тону-у, тону-у!“
Летитъ нырь далеко.
Кличетъ нырь звонко.
„Тону-у, тону-у!“
Не знаетъ нырь,
Что кричитъ про бѣду.
Не бѣда нырю на озерѣ.
Озеро доброе.
Худо нырю отъ лѣсовъ,
Отъ полей.
Братаны гогочутъ,
Ныря не слышатъ.
Лося въ трясинѣ загнали.
Пришли братаны,
А Лютъ утонулъ.
Сложили могилу длинную,
А для собаки круглую.
Извелась съ тоски Лютова сестра
За озеромъ.
Покидали великаны горшки
Въ озеро.
Схоронили топоры подъ кореньями.
Бросили жить великаны въ нашемъ
Краю.
Живетъ нырь на озерѣ
Издавна.

Птица глупая. Птица
Вѣщая.
Перепуталъ нырь клики
Великановы.
На ведро кричитъ:
„Тону-у, тону-у!“
Будто тонетъ хлопаетъ
Крыльями.
Подъ ненастье гогочетъ:
„Го-го, Го-го“.
Надъ водою летитъ, кричитъ.
„Вижу-у!“
Знаетъ народъ Люто озеро,
Знаетъ могилы длинныя,
Длинныя могилы великановы.
А длина могиламъ—тридцать саженей.
Помнятъ великановъ плёсы озерные.
Знаютъ великановъ пенья дубовые.
Великаны снесли камни на мо́гилы.
Какъ ушли великаны помнитъ народъ.
Повелось изстари такъ,
Говорю: было такъ.

ДЕВАССАРИ АБУНТУ.

Такъ поютъ про Девассари Абунту.

Знала Абунту, что сказалъ Будда про женщинъ Анандѣ, и уходила она отъ мужей, а тѣмъ самымъ и отъ женъ, ибо гдѣ мужи, тамъ и жены. И ходила Абунту по долинамъ Рамны и Сокки и въ темнотѣ только приходила въ храмъ. И даже жрецы мало видѣли и знали ее. Такъ не искушала Абунту словъ Будды.

И вотъ сдѣлалось землетрясеніе. Всѣ люди побѣжали, а жрецы наговорили, что боги разгнѣвались. И запрятались всѣ въ погребахъ и пещерахъ, и стало землетрясеніе еще сильнѣе, и всѣ были задавлены. И, правда, удары въ землѣ были ужасны. Горы тряслись. Стѣны построекъ сыпались и даже самыя крѣпкія развалились. Деревья поломались и, чего больше, рѣки побѣжали по новымъ мѣстамъ.

Одна только Девассари Абунту осталась въ домѣ и не

боялась того, что должно быть. Она знала, что вѣчному богу гнѣвъ недоступенъ, и все должно быть такъ, какъ оно есть. И осталась Девассари Абунту на пустомъ мѣстѣ, безъ людей.

Люди не пришли больше въ тѣ мѣста. Звѣри не всѣ вернулись. Однѣ птицы прилетѣли къ старымъ гнѣздамъ. Научилась понимать птицъ Девассари Абунту. И ушла она въ тѣхъ же нарядахъ, какъ вышла въ долину, безъ времени, не зная мѣста, гдѣ живетъ она. Утромъ къ старому храму собирались къ ней птицы и говорили ей разное: про умершихъ людей, части которыхъ носились въ воздухѣ. И знала Абунту многое занимательное, завершенное смертью, незнаемое людьми.

Если солнце свѣтило очень жарко, летали надъ Девассари бѣлыя павы, и хвосты ихъ сверкали и бросали тѣнь и трепетаньемъ нагоняли прохладу. Страшные другимъ, грифты и целебесы, ночью сидѣли вокругъ спящей и хранили ее. Золотые фазаны несли лѣсные плоды и вкусные корни. Только не знаемъ, а служили Абунту и другія птицы—всѣ птицы.

И Девассари Абунту не нуждалась въ людяхъ. Все было ей вмѣсто людей: и птицы, и камни, и травы, и всѣ части жизни. Одна она не была. И вотъ, слушайте изумительное, Абунту не измѣнилась тѣломъ, и нравъ ея оставался все тотъ же. Въ ней гнѣва не было; она жила и не разрушалась.

Только утромъ рано прилетѣли къ Девассари лучшія птицы и сказали ей, что уже довольно жила она и время теперь умереть. И пошла Абунту искать камень смерти. И вотъ приходитъ въ пустыню, и лежатъ на ней многіе камни,

темные. И ходила между ними Абунту и просила ихъ принять ея тѣло. И поклонилась до земли. И такъ осталась въ поклонѣ и сдѣлалась камнемъ.

Стоитъ въ пустынѣ черный камень, полный синяго огня. И никто не знаетъ про Девассари Абунту.

ЛАУХМИ ПОБѢДИТЕЛЬНИЦА.

На востокъ отъ горы Зентъ-Лхамо, въ свѣтломъ саду живетъ благая Лаухми, богиня Счастья. Въ вѣчной работѣ она украшаетъ свои семь покрывалъ успокоенія,—это знаютъ всѣ люди. Всѣ они чтутъ богиню Лаухми.

Боятся всѣ люди сестру ея Сиву Тандаву, богиню разрушенія. Она злая и страшная и гибельная.

Но вотъ идетъ изъ-за горъ Сива-Тандава. Злая пожаловала прямо къ жилищу Лаухми. Тихо подошла злая богиня и, усмиривъ голосъ свой, позвала Лаухми.

Отложила благая Лаухми свои драгоцѣнныя покрывала и пошла на зовъ. А за нею идутъ свѣтлыя дѣвушки съ полными грудями и круглыми бедрами.

Идетъ Лаухми, открывъ тѣло свое. Глаза у нея очень большіе. Волосы очень темные. Запястья на Лаухми золотыя. Ожерелье—изъ жемчуга. Ногти янтарнаго цвѣта. Во-

кругъ грудей и плечей, а также на чревѣ и внизъ до ступней, разлиты ароматы изъ особенныхъ травъ.

Лаухми и ея дѣвушки были такъ чисто умыты, какъ послѣ грозы изваянія храма Абенты.

Все доброе ужаснулось при видѣ злой Сивы Тандавы. Такъ ужасна была она даже въ смиренномъ видѣ своемъ. Изъ песьей пасти торчали клыки. Тѣло было такъ красно и такъ безстыдно обросло волосами, что непристойно было смотрѣть.

Даже запястья изъ горячихъ рубиновъ не могли украсить Сиву Тандаву; охъ, даже думаютъ, что она была и мужчиною.

Злая сказала:

— Слава тебѣ, Лаухми, добрая, родня моя! Много ты натворила счастья и благоденствія. Даже слишкомъ много прилежно ты наработала. Ты настроила города и башни. Ты украсила золотомъ храмы. Ты расцвѣтила землю садами. Ты—любящая красоту!

— Ты сдѣлала богатыхъ и дающихъ. Ты сдѣлала бѣдныхъ, но получающихъ и тому радующихся. Ты устроила мирную торговлю. Ты устроила между людьми всѣ добрыя связи. Ты придумала радостныя людямъ отличія. Ты наполнила души людей пріятнымъ сознаніемъ и гордостью. Ты—щедрая:

— Дѣвушки твои мягки и сладки. Юноши—крѣпки и стремительны. Радостно люди творятъ себѣ подобныхъ. Забываютъ люди о разрушеніи. Слава тебѣ!

— Спокойно глядишь ты на людскія шествія и мало что осталось дѣлать тебѣ. Боюсь безъ труда и заботы утучнѣетъ тѣло твое и на немъ умрутъ драгоцѣнные жемчуга.

Покроется жиромъ лицо твое, а прекрасные глаза твои станутъ коровьими.

— Забудутъ тогда люди принести пріятныя тебѣ жертвы. И не найдешь больше для себя отличныхъ работницъ. И смѣшаются всѣ священные узоры твои.

— Вотъ я о тебѣ озаботилась, Лаухми, родня моя! Я придумала тебѣ дѣло. Мы вѣдь съ тобой близки и тягостно мнѣ долгое разрушеніе временемъ. А ну ка, давай разрушимъ все людское строеніе. Давай разобьемъ всѣ людскія радости. Изгонимъ всѣ накопленныя людями устройства.

— Разорви твои семь покрывалъ успокоенія и возрадуюсь я и сразу сотворю всѣ дѣла мои. И ты возгоришься потомъ полная заботы и дѣла и вновь спрядешь еще лучшія свои покрывала.

— Опять съ благодарностью примутъ люди всѣ дары твои. Ты придумаешь для людей столько новыхъ заботъ и маленькихъ умысловъ, что даже самый глупый почувствуетъ себя умнымъ и значительнымъ. Уже вижу радостныя слезы людей, тебѣ принесенныя...

— Подумай, Лаухми, родня моя! Мысли мои очень полезны тебѣ и мнѣ, сестрѣ твоей, онѣ радостны!

Очень хитрая Сива Тандава! Только подумайте, что за выдумки пришли въ ея голову.

Но Лаухми рукою отвергла злобную выдумку Сивы Тандавы. Тогда опять приступила злая богиня, уже потрясая руками и клыками лязгая.

Всѣ предложенія Сивы Тандавы отвергла Лаухми и сказала:

— Не разорву для твоей радости и для горя людей мои покрывала. Тонкою пражею успокою людской родъ. Соберу

отъ всѣхъ знатныхъ очаговъ отличныхъ работницъ. Вышью на покрывалахъ новые знаки, самые красивые, самые богатые, самые заклятые. И въ этихъ знакахъ, въ образахъ лучшихъ животныхъ и птицъ пошлю къ очагамъ людей добрыя мои заклятія.

Такъ рѣшила Лаухми. Изъ свѣтлаго сада ушла Сива Тандава ни съ чѣмъ Радуйтесь, люди!

Безумствуя, ждетъ теперь Сива Тандава долгаго разрушенія временемъ. Въ безмѣрномъ гнѣвѣ иногда потрясаетъ она землю и тогда погибаютъ толпы народовъ. Но успѣваетъ всегда Лаухми набросить свои покрывала покоя, и на тѣлахъ погибшихъ опять собираются люди. Сходятся въ маленькихъ, торжественныхъ шествіяхъ.

Добрая Лаухми украшаетъ свои покрывала новыми священными знаками.

ЗАМКИ ПЕЧАЛИ.

Идете по зáмку.

Высокая зала. Длинные отсвѣты оконъ. Темныя скамьи. Кресла.

Здѣсь судили и осуждали.

Еще зала, большая. Каминъ въ величину быка. Колонны рѣзныя изъ дуба.

Здѣсь собирались. Рѣшались судить.

Длинные переходы. Низкія дверки въ желѣзныхъ заплатахъ. Высокій порогъ.

Здѣсь вели заподозрѣнныхъ.

Комната въ одно окно. По серединѣ столбъ. На столбѣ желѣзныя кольца и темные знаки.

Здѣсь пытали огнемъ.

Высокая башня. Узкія окна. Узкая дверка. Своды.

Здѣсь смотрѣли врага.

Помѣщеніе для караула. Двѣ старыя пушки. Горка ядеръ. Пять алебардъ. Ободокъ барабана.

Сюда драбанты кого-то тащили убить.

Ступеньки внизъ. На колоннахъ своды. У пола желѣзныя кольца.

Здѣсь были осужденные.

Подвалъ. Перекладина въ сводѣ. Дверка на озеро. Большой плоскій камень.

Послѣдняя постель обреченныхъ.

Дворъ у воротъ. Камни въ стѣнахъ. Камни на мостовой. Въ серединѣ столбъ съ кольцомъ.

Кольцо для шеи презрѣннаго.

Молельня. Темный, рѣзной хоръ. Покорные звѣри на ручкахъ креселъ.

Здѣсь молились передъ допросомъ.

Тѣсная ниша. Длинное окошко въ зало совѣта. Невидимое око, тайное ухо.

Здѣсь узнавали враговъ.

Исповѣдальня. Черный дубъ. Красная съ золотомъ тафтяная завѣса.

Черезъ нее о грѣхѣ говорили.

Малая комната. Двѣ ступени къ окну. Окно на озеро. Темный дорожный ларецъ. Ларецъ графини.

Около него не слышно слова печали.

Не въ немъ ли остались искры радости или усмѣшка веселья?

Или и въ немъ везли горе?

Все, что не говоритъ о печали, слезы выѣли изъ сѣраго замка.

Проходила ли радость по замку?

Были въ немъ веселыя трубы. Было твердое слово чести. Было познаніе брака.

Все это унесло время.

Долго стоятъ по вершинамъ пустые, сѣрые замки.

И время хранитъ ихъ смыслъ.

Что оставитъ время отъ нашихъ дней? Проникнуть не можемъ. Не знаемъ.

Если бы знали, можетъ быть, убоялись.

ЦАРИЦА НЕБЕСНАЯ.

(Стѣнопись Храма Св. Духа въ Талашкинѣ).

Высоко проходитъ небесный путь. Протекаетъ рѣка жизни опасная. Берегами каменистыми гибнутъ путники неумѣлые: незнающіе различить, гдѣ добро, гдѣ зло.

Милосердная Владычица Небесная о путникахъ темныхъ возмыслила. Всеблагая на трудныхъ путяхъ на помощь идетъ. Яснымъ покровомъ хочетъ покрыть людское все горе, грѣховное.

Изъ свѣтлаго града. Изъ красной всѣхъ ангельскихъ силъ обители Преблагая воздымается. Къ берегу рѣки жизни Всесвятая приближается. Собираетъ святыхъ кормчихъ Владычица, за людской родъ возноситъ моленія.

Трудамъ Царицы ангелы изумляются. Изъ твердыни потрясенные сонмы подымаются. Красныя, прекрасныя силы

въ подвигѣ великомъ утверждаются. Трубнымъ гласомъ Владычицѣ славу поютъ.

Изъ за твердыхъ стѣнъ поднялись Архангелы. Херувимы, серафимы окружаютъ Богородицу. Власти, Престолы, Господствія толпами устремляются. Приблизились начала, тайну образующія.

Духу Святому, Господу Великому передастъ Владычица моленія. О малыхъ путниковъ вразумленіи, о Божьихъ путей посѣщеніи, о спасеніи, заступленіи, всепрощеніи. Подай господи, Великій Духъ.

Подымается къ Тебѣ мольба великая. Богородицы моленіе пречистое. Вознесемъ Заступницѣ благодареніе. Возвеличимъ и мы Матерь Господа: «О Тебѣ радуется, Благодатная, всякая тварь».

МИѲЪ АТЛАНТИДЫ.

Атлантида—зеркало солнца. Не знали прекраснѣй страны. Вавилонъ и Египетъ дивились богатству атлантовъ. Въ городахъ Атлантиды, крѣпкихъ зеленымъ нефритомъ и чернымъ базальтомъ, свѣтились, какъ жаръ, палаты и храмы. Владыки, жрецы и мужи, въ золототканныхъ одеждахъ, сверкали въ драгоцѣнныхъ камняхъ. Свѣтлыя ткани, браслеты и кольца, и серьги, и ожерелья женъ украшали, но лучше камней были лица открытыя.

Чужестранцы плыли къ атлантамъ. Мудрость ихъ охотно всѣ славили. Преклонялись передъ владыкой страны.

Но случилось предсказаніе оракула. Священный корабль атлантамъ привезъ великое вѣщее слово:

— Встанутъ волны горою. Море покроетъ страну Атлантиду. За отвергнутую любовь море отомститъ.

Съ того дня не отвергали любовь въ Атлантидѣ. Съ лю-

бовью и лаской встрѣчали плывущихъ. Радостно улыбались другъ-другу атланты. И улыбка владыки отражалась въ драгоцѣнныхъ, блестящихъ стѣнахъ дворцовыхъ палатъ. И рука тянулась навстрѣчу съ привѣтомъ и слезы въ народѣ смѣнялись тихой улыбкой. И забывалъ народъ власть ненавидѣть. И власть забывала кованный мечъ и доспѣхъ.

Но мальчикъ, сынъ владыки, особенно всѣхъ удивлялъ. Само солнце, сами боги моря, казалось, послали его на спасенье великой страны.

Вотъ онъ былъ добръ! И привѣтливъ! И заботливъ о всѣхъ! Были братья ему великій и малый. Для каждаго жило въ немъ доброе слово. Про каждаго помнилъ онъ его лучшій поступокъ. Ни одной ошибки онъ точно не помнилъ. Гнѣвъ и грубость увидѣть онъ точно не могъ. И передъ нимъ укрывалось все злое, и недавнимъ злодѣямъ хотѣлось стать навсегда добрыми, такъ же, какъ онъ.

За нимъ шелъ толпою народъ. Взглядъ его всюду встрѣчалъ лишь лица, полныя радости, ждущія улыбку его и доброе, мудрое слово. Вотъ ужъ былъ мальчикъ! И когда почилъ въ этой жизни владыка-отецъ, и отрокъ, туманный тихой грустью, вышелъ къ народу, всѣ, какъ безумцы, забыли про смерть и гимнъ хвалебный запѣли владыкѣ желанному. И ярче цвѣла Атлантида. А египтяне назвали ее страною любви.

Долгіе тихіе годы правилъ свѣтлый владыка. И лучи его счастья свѣтили народу. Вмѣсто храма народъ стремился къ владыкѣ. Пѣлъ: «Онъ насъ любитъ. Безъ него мы—ничто. Онъ—нашъ лучъ, наше солнце, наше тепло, наши глаза, наша улыбка. Слава тебѣ, нашъ любимый!». Въ трепетѣ восторга народа дошелъ владыка до послѣдняго дня. И на-

чался день послѣдній, и безсильный лежалъ владыка, и закрылись глаза его.

Какъ одинъ человѣкъ встали атланты, и моремъ сплошнымъ залили толпы ступени палатъ. Отнесли врачей и постельничихъ. Къ смертному ложу приникли и, плача, вопили: «Владыко, взгляни! Подари намъ хоть взглядъ твой. Мы пришли тебя отстоять. Пусть наше, атлантовъ, желанье тебя укрѣпитъ. Посмотри,—вся Атлантида собралась къ дворцу твоему. Тѣсной стѣной мы встали отъ дворца и до моря, отъ дворца до утесовъ. Мы, желанный, пришли тебя удержать. Мы не дадимъ тебя увести, всѣхъ насъ покинуть. Мы всѣ, вся страна, всѣ мужи и жены и дѣти. Владыко, взгляни!».

Рукой поманилъ владыко жреца и хотѣлъ сказать послѣднюю волю, и всѣхъ просилъ выйти хоть на короткое время.

Но атланты остались. Сплотились, въ ступени постели вросли. Застыли и нѣмы и глухи. Не ушли.

Тогда приподнялся на ложѣ владыка и, обратя къ народу свой взглядъ, просилъ оставить его одного и позволить ему сказать жрецу послѣднюю волю. Владыка просилъ. И еще разъ напрасно владыка просилъ. И еще разъ они были глухи. Они не ушли. И вотъ случилось тогда. Поднялся владыка на ложѣ и рукою хотѣлъ всѣхъ отодвинуть. Но молчала толпа и ловила взглядъ любимый владыки.

Тогда владыка сказалъ:

— Вы не ушли? Вы не хотите уйти? Вы еще здѣсь? Сейчасъ я узналъ. Ну, я скажу. Скажу одно слово м о е. Я васъ ненавижу. Отвергаю вашу любовь. Вы отняли все отъ меня. Вы взяли смѣхъ дѣтства. Вы ликовали, когда

ради васъ остался я одинокимъ. Тишину зрѣлыхъ лѣтъ вы наполнили шумомъ и крикомъ. Вы презрѣли смертное ложе...

Ваше счастье и вашу боль только я зналъ. Лишь ваши рѣчи вѣтеръ мнѣ доносилъ. Вы отняли солнце мое! Солнца я не видалъ; только тѣни ваши я видѣлъ. Дали, синія дали! Къ нимъ вы меня не пустили... Мнѣ не вернуться къ священной зелени лѣса... По травамъ душистымъ уже не ходить... На горный хребетъ мнѣ уже не подняться... Излучины рѣкъ и зеленыхъ луговъ уже мнѣ не видѣть... По волнамъ уже не носиться... Глазомъ уже не летѣть за кречетомъ быстрымъ... Въ звѣзды уже не глядѣться... Вы побѣдили... Голоса ночные слышать я больше не могъ... Велѣнія Бога стали мнѣ уже недоступны... А я, вѣдь, могъ ихъ узнать... Я могъ почуять свѣтъ, солнце и волю... Вы побѣдили... Вы все отъ меня заслонили... Вы отняли все отъ меня... Я васъ ненавижу... Вашу любовь я отвергъ...

Упалъ владыка на ложе. И встало море высокой стѣной и скрыло страну Атлантиду.

СТРАХИ.

Стояли дубы. Краснѣли рудовыя сосны. Подъ ними въ заросшихъ буграхъ тлѣли старыя кости. Желтѣли, блестѣли цвѣты. Въ оврагѣ зеленѣла трава. Закатилось солнце.

На поляну вышелъ журавль и прогорланилъ:

— «Берегись, берегись»! И ушелъ за опушку.

Наверху зашумѣлъ воронъ:

— «Конецъ, конецъ».

Дроздъ на осинѣ оралъ:

— «Страшно, страшно».

А иволга просвистѣла:

— «Бѣдный, бѣдный».

Высунулся съ вершинки скворецъ, пожалѣлъ:

— «Пропалъ хорошій, пропалъ хорошій».

И дятелъ подтвердилъ:

— «Пусть, пусть».

Сорока трещала:

— «А пойти разсказать, пойти разсказать».

Даже снигирь пропищалъ:

— «Плохо, плохо».

И все это было. Съ земли, съ деревьевъ и съ неба свистѣли, трещали, шипѣли.

А у Дивьяго Камня за Медвѣжьимъ оврагомъ невѣдомый старикъ поселился. Сидѣлъ старикъ и ловилъ птицъ ловушками хитрыми. И училъ птицъ большими трудами каждую одному слову.

Посылалъ невѣдомый старикъ птицъ по лѣсу, каждую со своимъ словомъ. И блѣднѣли путники и робѣли услыхавъ страшныя птичьи слова.

А старикъ улыбался. И шелъ старикъ лѣсомъ, ходилъ къ рѣкѣ, ходилъ на травяныя полянки. Слушалъ старикъ птицъ и не боялся ихъ словъ.

Только онъ одинъ зналъ, что онѣ ничего другого не знаютъ и сказать не умѣютъ.

КЛАДЫ.

— Отъ Красной Пожни пойдешь на зимній восходъ, будетъ тебѣ могилка-бугоръ. Отъ бугра на лѣвую руку иди до Ржаваго ручья, а по ручью до сѣраго камня. На камнѣ конскій слѣдъ стесанъ. Какъ камень минуешь, такъ и иди до малой мшаги, а туда пять стволовъ золота Литвою опущено.

Въ Лосиномъ бору, на просѣкѣ, сосна рогатая не рублена. Оставлена не спроста. На соснѣ зарубки. Отъ зарубокъ ступай прямикомъ черезъ моховое болото. За болотомъ будетъ каменистое мѣсто, а два камня будутъ больше другихъ. Стань промежъ нихъ въ середину и отсчитай на весенній закатъ сорокъ шаговъ. Тамъ золота боченокъ схороненъ еще при Грозномъ царѣ.

Или еще лучше. На Переснѣ отъ Княжаго Броду иди на весенній закатъ. А пройдя три сотни шаговъ, оберни въ полгруди, да иди тридцать шаговъ вправо. А будетъ тутъ

ровъ старый, а за рвомъ пневое дерево, и тутъ кладъ положенъ большой. Золотые крестовики и всякій золотой снарядъ, и положенъ кладъ въ татарское разореніе.

Тоже хорошій кладъ. На Городищѣ церковь, за нею старое кладбище. Среди могилъ курганчикъ. Подъ нимъ, говорятъ, старый ходъ подъ землею, и ведетъ ходъ въ пещерку, а въ ней богатства большія. И на этотъ кладъ запись въ Софійскомъ соборѣ положена, и владыка новгородскій разъ въ годъ даетъ читать ее пришлымъ людямъ.

Самое трудное скажу. Этотъ кладъ хороненъ со смертнымъ зарокомъ. Коли сумѣешь обойти, коли противу страховъ пойдешь,—твое счастье.

За Великою Гривой въ Червонный ключъ опущено разбойными людьми много золота; плитою закрыто, и вода спущена. Коли сумѣешь воду отъ земли отвести, да успѣешь плиту откопать,—твое счастье большое.

Много кладовъ вездѣ захоронено. Говорю—не болтаю. Дѣдами еще положены вѣрныя записи.

Намедни чинился у меня важный человѣкъ. Онъ говорилъ, а я услыхалъ:

— Въ подземной Руси,—сказалъ,—много добра схоронено. Русь берегите.

Сановитый былъ человѣкъ.

Про всякаго человѣка кладъ захороненъ. Только надо умѣть клады брать. Невѣрному человѣку кладъ не дастся. Пьяному кладъ не взять. Со скоромными мыслями къ кладу не приступай. Кладъ себѣ цѣну знаетъ. Не подумай испортить кладъ. Клады жалѣть надо. Хоронили клады не съ глупымъ словомъ, а съ молитвою либо съ заклятіемъ.

А пойдешь кладъ брать, иди смирно. Зря не болтай. На

людяхъ не гуляй. Свою думу думай. Будутъ тебѣ страхи, а ты страховъ не бойся. Покажется что, а ты не заглядывайся. Криковъ не слушай. Иди себѣ бережно, не оступайся, потому брать кладъ—великое дѣло.

Надъ кладомъ работай быстро. Не оглядывайся, а пуще всего не отдыхай. Коли захочешь голосъ показать, пой тропарь богородичный. Никакихъ товарищей для кладовъ никогда себѣ не бери.

А, на счастье, возьмешь кладъ,—никому про него не болтай. Никакъ не докажи кладъ людямъ сразу. Глазъ людской тяжелый, кладъ отъ людей отвыкъ,—иначе опять въ землю уйдетъ. И самому тебѣ не достанется, и другому его ужъ труднѣе взять. Много кладовъ сами люди попортили, по своему безобразію.

— А гдѣ же твой кладъ, кузнецъ? Отчего ты свой кладъ не взялъ?

— И про меня кладъ схороненъ. Самъ знаю, когда за кладомъ пойду.

Больше о кладахъ ничего не сказалъ черный кузнецъ.

ЗАКЛЯТІЯ.

Отецъ—огнь, Сынъ—огнь, Духъ—огнь,
Три равны, три нераздѣльны.
Пламя и жаръ—сердце ихъ.
Огнь—очи ихъ.
Вихрь и пламя—уста ихъ.
Пламень Божества—огнь.
Лихихъ спалитъ огнь.
Пламя лихихъ обожжетъ,
Пламя лихихъ отвратитъ,
Лихихъ очиститъ,
Изогнетъ стрѣлы демоновъ.
Ядъ змія да сойдетъ на лихихъ!
Агламидъ повелитель змія,
Артанъ, Аріонъ слышите вы.

Тигръ, орелъ, левъ пустыннаго поля
Отъ лихихъ берегите!
Змѣемъ завейся, огнемъ спалися
Згинь пропади
Лихой.

. . . . . .

Отецъ—Тихій, Сынъ—Тихій, Духъ—Тихій,
Три равны, три нераздѣльны.
Синее море—сердце ихъ.
Звѣзды—очи ихъ.
Ночная заря—уста ихъ.
Глубина Божества—море.
Идутъ лихіе по морю,
Не видятъ ихъ стрѣлы демоновъ.
Рысь, волкъ, кречетъ
Уберегите лихихъ!
Разстилайте дорогу!
Кійосъ, Кіойзави!
Допустите
лихихъ!

. . . . . .

Камень, знай. Камень, храни.
Огнь сокрой. Огнемъ зажгися.
Краснымъ смѣлымъ.
Синимъ спокойнымъ.

Зеленымъ—мудрымъ.
Знай одинъ. Камень, храни.
Фу, Ло, Хо камень несите.
Воздайте сильнымъ.
Отдайте вѣрнымъ.
Іенно Гуйо Дья,—
прямо иди!

ГОРОДА ПУСТЫННЫЕ

Міръ пишется, какъ ветхій мужъ.
Повинны человѣки устремленіемъ.
Устремленіемъ возрастаютъ помыслы.
Помыселъ породилъ желаніе.
Желаніе подвигло велѣніе.
Зданіе человѣческое устремленіями сотрясается.
Не бойся, древній мужъ!
Радость и печаль—какъ рѣка.
Волны преходятъ омывающія.

Возвеселился царь:

— Моя земля велика. Мои лѣса крѣпки. Мои рѣки полны. Мои горы цѣнны. Мой народъ веселъ. Красива жена моя.

Возвеселилась царица:

— Много у насъ лѣсовъ и полей. Много у насъ пѣвчихъ птицъ. Много у насъ цвѣточныхъ травъ.

Вошелъ въ палату ветхій мужъ. Пришлый человѣкъ. Царю и царицѣ поклонъ далъ. Сѣлъ въ утомленіи.

Царь спросилъ:

— Чего усталъ, ветхій? Видно, долго шелъ въ странствіи?

Воспечалился ветхій мужъ:

— Земля твоя велика. Крѣпки лѣса твои. Полны рѣки твои. Горы твои непроходны. Въ странствіи едва не погибъ. И не могъ дойти до града, гдѣ нашелъ бы покой. Мало, царь, у тебя городовъ. Намъ, ветхимъ, любо градское строеніе. Любы стѣны надежныя. Любы башни зрящія и врата, велѣнію послушныя. Мало, царь, у тебя городовъ. Крѣпче окружились стѣнами владыки сосѣднихъ странъ.

Воспечалился царь:

— Мало у меня городовъ. Мало у меня надежды стѣнной. Мало башенъ имѣю. Мало вратъ, чтобы вмѣстить весь народъ.

Восплакалъ царь:

— Мужъ ветхій! Лѣтами мудрый! Научи заростить городами всю мою землю великую. Какъ вмѣстить въ стѣны весь народъ?

Возвеселился ветхій мужъ:

— Будутъ, царь, у тебя города. Вмѣстишь въ стѣны весь народъ. За двѣ земли отъ тебя живетъ великанскій царь. Дай ему плату великую. Принесутъ тебѣ великаны отъ царя индійскаго городовъ видимо-невидимо. Принесутъ со стѣнами, съ вратами и съ башнями. Не жалѣй наградить царя великанскаго. Дай ему плату великую. Хотя бы просилъ царицу, жену твою.

Всталъ и ушелъ ветхій. Точно его, прохожаго и не было.

Послалъ царь въ землю великанскую просьбу, докуку

великую. Засмѣялся смѣхомъ великанскій мохнатый царь. Послалъ народъ свой къ царю индійскому своровать города со стѣнами, вратами и башнями. Взялъ плату великанскій мохнатый царь немалую. Взялъ гору цѣнную. Взялъ рѣку полную. Взялъ цѣлый крѣпкій лѣсъ. Взялъ въ придачу царицу, жену царя. Все ему было обѣщано. Все ему было отписано.

Воспечалилась царица:

— Ой, возьметъ меня мохнатый царь! Ой, въ угоду странному мужу, ветхому! Ой, закроютъ весь народъ вратами крѣпкими. Ой, потопчутъ городами всѣ мои травы цвѣточныя. А закроютъ башнями весь надзвѣздный міръ, помогите, мои травы цвѣточныя,—вѣдомы вамъ тайны подземныя. Ой, несутъ великаны города индійскіе, со стѣнами, вратами и башнями.

Жалобу травы услышали. Закивали цвѣтными макушками. Подняли думу подземную. Пошла подъ землею дума великая. Думою море воспѣнилось. Думою лѣса закачалися. Думою горы нарушились, мелкимъ камнемъ осыпались. Думою земля наморщилась. Пошло небо морщинкою.

Добѣжала дума до пустынныхъ песковъ. Возмутила дума пески свободные. Встали пески валами, перевалами. Встали пески противъ народа великанскаго.

Своровали великаны города индійскіе, со стѣнами, вратами и башнями. Повытряхивали изъ закутокъ индійскій народъ. Поклали города на плечи. Шибко назадъ пошли. Пошли заслужить плату великую своему мохнатому царю.

Подошли великаны къ пустыннымъ пескамъ. Сгрудились пустынные пески. Поднялись пески темными вихрями. Закрыли пески солнце красное. Залегли пески по поднебесью. Какъ напали пески на великанскій народъ.

Налѣзли пески въ пасти широкія. Засыпали пески уши мохнатыя. Залили пески глаза великановы. Одолѣли пески великанскій народъ. Покидали великаны города въ пустынные пески. Еле сами ушли безъ глазъ, безъ ушей.

Схоронили пески пустынные города индійскіе. Схоронили со стѣнами, вратами и башнями. Видятъ люди города и до нашихъ дней. А кто принесъ города въ пустынные пески, то простому люду не вѣдомо.

Распустились травы цвѣточныя пуще прежняго.

Поняла царица отъ цвѣточныхъ травъ, что пропали города индійскіе. И запѣла царица пѣсню такую веселую. Честнымъ людямъ на услышаніе, Спасу на прославленіе.

Услыхалъ пѣсню царь, возрадовался ликованіемъ. И смѣялся царь несчастью великанскому. И смѣялся царь городамъ индійскимъ, скрытымъ теперь въ пустынныхъ пескахъ. Пересталъ царь жалѣть о чужихъ городахъ.

Осталась у царя рѣка полная. Осталась гора цѣнная. Остался у царя весь крѣпкій лѣсъ. Остались у царя травы цвѣточныя да птицы пѣвчія. Остался у царя весь народъ. Осталась царица красивая. Осталась пѣсня веселая.

Возвеселился царь.

Ветхій мужъ къ нимъ не скоро дойдетъ.

ГРАНИЦА ЦАРСТВА.

Въ Индіи было.

Родился у царя сынъ. Всѣ сильныя волшебницы, какъ знаете, принесли царевичу свои лучшія дары.

Самая добрая волшебница сказала заклятіе:

— «Не увидитъ царевичъ границъ своего царства».

Всѣ думали, что предсказано царство, границами безмѣрное.

Но выросъ царевичъ славнымъ и мудрымъ, а царство его не увеличилось.

Сталъ царствовать царевичъ, но не водилъ войско отодвинуть сосѣдей.

Когда же хотѣлъ онъ осмотрѣть границу владѣній, всякій разъ туманъ покрывалъ граничныя горы.

Въ волнахъ облачныхъ устилались новыя дали. Клубились облака высокими градами.

Всякій разъ тогда возвращался царь силою полный, въ земныхъ дѣлахъ мудрый рѣшеніемъ.

Вотъ три ненавистника старые зашептали:

— «Мы устрашаемся. Нашъ царь полонъ странною силою. У царя нечеловѣческій разумъ. Можетъ быть, теченію земныхъ силъ этотъ разумъ противенъ. Не долженъ быть человѣкъ выше человѣческаго.

Мы премудростью отличенные, мы знаемъ предѣлы. Мы знаемъ очарованія.

Прекратимъ волшебныя чары. Пусть увидитъ царь границу свою. Пусть поникнетъ разумъ его. И ограничится мудрость его въ хорошихъ предѣлахъ. Пусть будетъ онъ съ нами».

Три ненавистника, три старые повели царя на высокую гору. Только передъ вечеромъ достигли вершины, и тамъ всѣ трое сказали заклятіе. Заклятіе о томъ, какъ прекратить силу:

— «Богъ предѣловъ человѣческихъ!

Ты измѣряешь умъ. Ты наполняешь рѣку разума земнымъ теченіемъ.

На черепахѣ, драконѣ, змѣѣ поплыву. Свое узнаю.

На единорогѣ, барсѣ, слонѣ поплыву. Свое узнаю.

На листѣ дерева, на листѣ травы, на цвѣткѣ лотоса поплыву. Свое узнаю.

Ты откроешь мой берегъ! Ты укажешь ограниченіе!

Каждый знаетъ, и ты знаешь! Никто больше. Ты больше. Чары сними».

Какъ сказали заклятіе ненавистники, такъ сразу алою цѣпью загорѣлись вершины граничныхъ горъ.

Отвратили лицо ненавистники. Покпонились.

— «Вотъ, царь, граница твоя».

Но летѣла уже отъ богини добраго земного странствія лучшая изъ волшебницъ.

Не успѣлъ царь взглянуть, какъ надъ вершинами воздвигся нежданный пурпуровый градъ, за нимъ устлалась туманомъ еще невиданная земля.

Полетѣло надъ градомъ огневое воинство. Заиграли знаки самые премудрые.

— «Не вижу границы моей»,—сказалъ царь.

Возвратился царь духомъ возвеличенный. Онъ наполнилъ землю свою рѣшеніями самыми мудрыми.

БИБЛІОТЕКА
[illegible]

ОГЛАВЛЕНІЕ.

О СТАРИНѢ МОЛЕНІЯ.

На курганѣ 1
Иконный теремъ 27
Изъ Варягъ въ Греки 41
По старинѣ 59
Къ природѣ 80
Спасъ Нередицкій 91
Возстановленія 93
Странный Музей 98
Голгоѳа искусства 100
Обѣднѣли мы 103
Радость искусству 116
Древнѣйшіе финскіе храмы 154
Тихіе погромы 168
Земля обновленная 177
Памятникъ Св. Ольгѣ 189
Всенародное 192
Великій Новгородъ 196
Подземная Русь 207
Иконы 220

ЛИСТКИ.

Маресъ и Беклинъ 225
Врубель 230
Куинджи 236
Сѣровъ 239
Японцы 242
Художественная промышленность 247
Враги 251
Отличія 254
Индійскій путь 258
Дѣдушка 262
Глазъ добрый 267

СКАЗКИ.

Дѣтская сказка 271
Гримръ викингъ 276
Вождь 281
Мареа Посадница 287
Старинный совѣтъ 290
Великій Ключарь 294
Лютъ Великанъ 296
Девассари Абунту 300
Лаухми Побѣдительница 303
Замки печали 307

Царица Небесная 310
Миѳъ Атлантиды 312
Страхи 316
Клады 318
Заклятія 321
Города пустынные 324
Граница царства 328